

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

ТИМАКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

**СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ
НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
профессор кафедры политологии и политической
философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая
академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации»,
доктор политических наук,
ИВАНОВ Олег Петрович

Москва, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ОБЩЕЙ АРХИТЕКТУРЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	16
§ 1. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ	16
§ 2. КЛЮЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ СРЕДЫ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ	24
§ 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ НАТО В РЕГИОНЕ.....	39
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ НАТО В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ.....	56
§ 4. «ИНИЦИАТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА» В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ	56
§ 5. ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАРТНЕРСТВА НАТО И СТРАН РЕГИОНА	66
§ 6. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАРТНЕРСТВА НАТО В РЕГИОНЕ ...	82
ГЛАВА 3. КРИЗИСЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ПОЗИЦИЯ НАТО	95
§ 7. НАТО И ВОЙНА В ИРАКЕ	95
§ 8. ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЕРАЦИИ НАТО В ЛИВИИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	108
§ 9. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ НАТО В СИРИИ	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	144
ПРИЛОЖЕНИЕ №1	172
ПРИЛОЖЕНИЕ №2	173
ПРИЛОЖЕНИЕ №3	185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Средиземноморский регион на протяжении многих столетий представлял для многих ведущих мировых государств мира предмет особого интереса. Уникальное геополитическое положение и социокультурные особенности превратили его стратегически важную территорию, за доминирование в которой разворачивались политические, экономические, этнические конфликты, нередко заканчивающиеся военным противостоянием и культурные войны. Политика мировых и региональных государств неоднократно приводили к значительной геополитической трансформации региона, а в XXI веке – к опасной дестабилизации всей системы международных отношений. Высокая конфликтogenicность региона прямо провоцирует беспрецедентный рост масштабов международного терроризма, увеличение числа «несостоявшихся» государств, распространение оружия массового уничтожения, неконтролируемые миграционные потоки и многие другие риски, угрозы и опасности, чреватые катастрофическими последствиями для всего мира.

В Средиземноморье разворачивает свою деятельность ряд международных государственных и негосударственных организаций, в том числе и Организация Североатлантического договора (НАТО). Ее политика и деятельность в этом регионе преследует различные цели – видимые, официальные и открыто недекларируемые. Их исследование значимо потому, что в условиях усиливающейся активности НАТО, действия альянса в трансграничных региональных зонах приобретают новое геополитическое измерение, существенно усложняя поиск конструктивных решений обеспечения международной безопасности, что затрагивает национальные интересы и безопасность России. Динамику отношений между альянсом и странами региона определяет множество внутренних и внешних факторов, осмысление которых важно для ответа на вопрос, в какой степени НАТО вовлечена в широкомасштабный кризис в Средиземноморье, в чем суть ее политики и каковы результаты этого процесса.

Исходя из этого, анализ региональной стратегии и политики альянса представляется чрезвычайно актуальным.

Объект исследования – современная политика НАТО.

Предмет исследования – доктринальные установки и особенности региональной политики НАТО в Средиземноморье.

Официальные документы:

Концепция внешней политики Российской Федерации 2016; Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.¹;

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Утверждена указом Президента Российской Федерации В.В.Путиным 31 декабря 2015 г.²;

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 05 декабря 2016 г.³;

Военная доктрина Российской Федерации Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 05 февраля 2010 г.⁴;

Североатлантический договор о создании НАТО 1949 г.⁵;

Стратегическая концепция НАТО 1991 г.⁶;

Стратегическая концепция НАТО 1999 г.⁷;

Стратегическая концепция НАТО 2010 г.⁸;

Декларация по итогам саммита в Брюсселе 1994 г.⁹;

Коммюнике по итогам саммита в Стамбуле 2004 г.¹⁰;

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 11.12.2016)

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (дата обращения 15.01.2016)

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 11.12.2016)

⁴ Военная доктрина Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 03.12.2015)

⁵ North Atlantic Treaty, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm? (дата обращения 07.12.2013)

⁶ Strategic Concept of 1991. URL: <http://www.nato.int/docu/basics.htm> (дата обращения 16.09.2014)

⁷ Strategic Concept of 1999. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 16.09.2014)

⁸ Strategic Concept of 2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 29.10.2014)

⁹ The Brussels Summit Declaration. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24470.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 29.10.2014)

Коммюнике по итогам саммита в Варшаве 2016 г.¹¹

Степень научной разработанности проблемы

Прежде всего диссертант опирался на общетеоретические и практические исследования по международным отношениям и мировой политике, проведенные учеными Дипломатической академии МИД России. Труды Бажанова Е.П., Бажановой Н.Е., Вавилова А.И., Егорова С.А., Жильцова С.С., Закаурцевой Т.А., Зверевой Т.В., Иванова О.П., Козырева Н.И., Кукарцевой М.А., Мозель Т.А., Мустафабейли А.М., Неймарка М.А., Татаринцева В.М., Штоля В.В., Шутова А.Д. и ряда других были положены в теоретическую и практическую основу работы¹². Важным источником стали аналитические материалы, содержащиеся в

¹⁰Istanbul Summit Communique. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21023.htm? (датаобращения: 12.10.2015)

¹¹WarsawSummitCommuniqué.URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 12.07.2016)

¹²Бажанов Е.П. Америка: вчера и сегодня. В 2-х тт. – Москва: Известия, 2005; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война, М.: Восток-Запад, 2011, 335 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. – Москва: Весь мир, 2013; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. – Москва: «Восток-Запад», 2011; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. – Москва: «Восток-Запад», 2010; Бажанов Е.П., Россия между Западом и Востоком / Современный мир и геополитика, М.: Канон+, 2015, стр.9-47; Вавилов А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран// М.: Библос консалтинг. 2009. 352 с.; Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право, – Москва, 1999; Егоров С.А. Гибридные (смешанные) трибуналы и суды // С.А. Егоров/Международное право и международные организации, 2014, №3, стр. 470-481; Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы //С.С. Жильцов / Вестник РУДН, 2016, №1, стр. 7-15; Жильцов С.С., Зонн И.С. Политика России в Арктике: современный этап //С.С. Жильцов, И.С. Зонн / Вестник РУДН, 2015, №2, стр.7-22; Жильцов С.С. Украина: изменение политического ландшафта //С.С. Жильцов/ Геополитический журнал, 2014, №5, стр. 19-30; Закаурцева Т.А. Внешнеполитическая мысль США (эволюция теории экспансионизма и совершенствование аппарата её реализации в конце XIX – начале XX в.) – диссертация кандидата исторических наук, 07.00.03. – Ленинград, 1988; Закаурцева Т.А., Иванов О.П. Россия и НАТО: новая парадигма отношений /Россия и современный мир, М.: Канон+, 2016, стр.44-59; Закаурцева Т.А., Гаврилова С.М. Культурно-социальная интеграция мигрантов в Европейском союзе // Т.А. Закаурцева, С.М. Гаврилова / Международная жизнь, 2016, №8, стр. 99-114; Зверева Т.В. Средиземноморский проект Парижа // Мировая экономика и международные отношения. 2014, №8, стр. 56-66; Зверева Т.В. Основные направления внешней политики Франции в условиях глобализации: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.04 / Дипломатическая академия МИД России. Москва, 2014; Зверева Т.В. Миграционный кризис ЕС и его последствия / Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016, №1-2, стр. 39-43; Иванов О.П. Военная сила в глобальной стратегии США. – Москва, 2008; Иванов О.П. Американские дебаты по расширению НАТО на Восток: позиция экспансионистов //О.П. Иванов / Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016, №3, стр. 30-48; Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата //О.П. Иванов / Обозреватель-Observer, 2015, №1, стр. 5-16; Иванов О.П., Копылов А.В. Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // О.П. Иванов, А.В. Копылов / Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015, №4, стр. 35-50; Кукарцева М.А. О Лжи в политике // Обозреватель. – 2014. – № 8; Кукарцева М.А. Рациональность и коммуникация // М.А. Кукарцева/ Государственное управление. Электронный вестник, 2016, №55, стр.150-169; Кукарцева М.А. Грановская М.В. Фантазия и реальность в политическом мышлении современной Европы // М.А. Кукарцева, М.В. Грановская / Власть, 2016, №7, стр. 144-148; Мустафабейли А.М. К истории развития российско-иранских отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2014. – № 1; Мустафабейли А.М. «Мягкая сила» в борьбе с террором // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2016, №2, стр. 26-40; Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля // Обозреватель-Observer, 2016, №1, стр.31-42; Неймарк М.А.

коллективных монографиях ученых Дипломатической Академии МИД России «XXI век: перекрестки мировой политики», «Современный мир и геополитика» и «Россия и современный мир»¹³.

В диссертации использованы работы крупных отечественных исследователей о современной политической стратегии НАТО и особенностях ее организационно-структурного развития. Среди этих работ диссертант выделил труды Ахмедова А.А., Бакланова А.Г., Барабанова О.Н., Беблера А., Гаджиева А.Г., Данилова Д.А., Ковальского Н.П., Козина В.Г., Котляра В.С., Кудрявцева В.Д., Мазина А.В., Малышева А.М., Михайлова В., Надточей Ю.И., Приходько О.В., Семенчук А.Н., Шляхтунова А.Г. и др.¹⁴

«Умная сила»: к перспективам в мировой политике // Обозреватель-Observer, 2016, №2; стр.67-77; Татаринцев В. М. Проблемы безопасности в Средиземноморье: роль НАТО и ЕС. Монография / В. М. Татаринцев. — М.: Восток - Запад, 2009; Татаринцев В.М. Африка в современном мире. — Москва, 2003; Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации / В.В. Штоль // М.: Научная книга, 2003. 284 с.; Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». — Москва: ОГИ, 2010; Шутов А.Д. Избранные статьи. — Москва, 2009; и др.

¹³XXI век: перекрестки мировой политики/ Под ред. М. Неймарка. — Москва: Канон+, 2014; Современный мир и геополитика /Под ред. М. Неймарка. — Москва: Канон+, 2015; Россия и современный мир / Под ред. М. Неймарка. — Москва: Канон+, 2016.

¹⁴Ахмедов А.А. Трансформация НАТО в условиях окончания "холодной войны": Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. - С.-Петерб. гос. ун-т. - СПб.: 2001; Бакланов А. Средиземноморские диалоги НАТО / Международная жизнь. - 2000. - №2.; Барабанов О.Н. Средиземноморский фланг ЕС приоритеты Италии / Россия: европейский вектор. М. 2000; Беблер А. НАТО и транснациональный терроризм / А. Беблер // Мировая экономика и международные отношения. — М., 2006. - №10, с. 48-57; Гаджиев А. Г. Турция - союз для Средиземноморья: долгая помолвка // Азия и Африка сегодня. — 2009. - № 7. - С. 41-44; Данилов Д.А. «Валлийская» стратегия НАТО: искусство перевоплощения //Д.А. Данилов/Обозреватель-Observer, 2015, №4, стр.54-70; Данилов Д.А. Кризис европейской системы безопасности: Украина на пути в НАТО //Д.А. Данилов/ Международная жизнь, 2015, №3, стр. 87-104; Ковальский Н.А. Европа и Средиземноморье: вчера, сегодня, завтра // Актуал. пробл. Европы: Европа на пороге XXI века: Ренессанс или упадок? М.: ИНИОН РАН, 1998. -№ 4. - С.131-149; Козин В.Г. Расширение НАТО на Восток: как отреагирует России? - М.: Наука и политика, 2002; Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО/М., Научная книга, 2007; Кудрявцев В.Д. Эволюция военной и политической стратегии Североатлантического альянса на современном этапе (2000 - 2008 гг.) в рамках европейской безопасности: автореферат диссертации на соиск. ученой степ.доктора ист. н. — М.: Изд-во Дипломатической акад. МИД РФ, 2008; Мазин А. ЗЕС и НАТО / А. Мазин // Мировая экономика и международные отношения. - 2003. - № 10; Малышев А.М. Новая Стратегическая концепция НАТО — программная установка на начало XXI века. - М.: Стратегическая стабильность, 2002. — 415 с.; Михайлов В. Постоянное соединение ОБВС НАТО на Средиземном море /В. Михайлов // Зарубежное военное обозрение. - 2007. - №9; Надточей Ю.И., Тактическое ядерное оружие США в Европе и политика НАТО / Ю.И. Надточей // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. №2. стр. 101-116; Надточей Ю.И., Оборонное сотрудничество в Европе: субрегиональный уровень / Ю.И. Надточей // Вестник МГИМО Университета. 2016. №3. стр. 134-143; Надточей Ю.И., Односторонняя политика США: трансатлантическая безопасность на рубеже XX-XXI веков. Саарбрюккен. 2011. 215 стр.; Надточей Ю.И., Мировой экономический кризис: последствия для НАТО / Ю.И. Надточей // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. №39. стр. 5-9.; Приходько О.В. США и политика партнерства НАТО / О.В. Приходько // США-Канада: экономика, политика, культура. — 2013. - №3.; Семенчук А. НАТО, Ирак и Афганистан: есть ли выход? - СПб.: Рассвет, 2010; Шляхтунов А.Г. Геополитика в начале XXI века: тенденции и перспективы развития /А.Г. Шляхтунов // ЦИВПЗС, 2016.; Шляхтунов А.Г. Военно-политические отношения НАТО с Россией в краткосрочной перспективе /А.Г. Шляхтунов // ВАГШ ВС РФ, 2016.; Шляхтунов А.Г. Развитие военной политики НАТО в начале XXI века и ее влияние на военную безопасность России, М.: ВАГШ ВС РФ, 2011, 300 стр.

Специфике региональных процессов в Средиземноморье посвящены работы российских ученых, среди которых особое место занимают труды Громыко Ал.А., Мирского Г.И., Наумкина В.В. и Примакова Е.М., а также исследования Абрамовой И.О., Васильева А.М., Дружиловского С.Б., Мелкумяна Е.С., Сапроновой М.А., Сатановского Е.Я., Смирнова А.В. и др.¹⁵.

Важное значение представили официальные выступления руководителей и высших чиновников НАТО, глав государств-членов альянса, Европейского союза и России¹⁶.

Взаимоотношений НАТО и стран Средиземноморья исследуется в трудах ученых институтов РАН: Института Востоковедения РАН, Института Европы РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН,

¹⁵ Абрамова И.О. Народонаселение Африки в новой глобальной экономике. М., 2010.; Ахмедов А. Ислам в современной идейно-идеологической борьбе. – Москва: Политиздат, 1985; Большаков О.Г. История Халифата. – Москва: Наука. 1989; Васильев А.М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. – 2004. – Т. 74. – № 1; Васильев Л.С. История религий Востока. – Москва: Университет, 1998; Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / отв. ред. Громыко А.А., Федоров В.П., М.: Институт Европы РАН, 2014, 704 с.; Громыко А.А. О новом мировом порядке, или о большом беспорядке / Россия и мусульманский мир, 2016, №2, стр. 5-18; Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под общ.ред. Громыко А.А., М.: Весь мир, 2015, 592 с.; Громыко А.А. Новая реальность и европейская безопасность / А.А. Громыко / Современная Европа, 2016, №5, стр. 5-10; Донцов В.Е. Современные шиитские исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. – Москва: ДА МИД РФ и ИАМПИ, 2001; Мелкумян Е.С. Ситуация вокруг Ирака и роль постоянных членов Совета Безопасности ООН // Ближний Восток и современность. Сб. Вып. 11. – Москва: ИИИИБВ, 2001; Мирский Г. Багдадская Головоломка // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1; Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности/Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. – Москва. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования. 2009; Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – Москва: ИИК «Российская газета», 2006; Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. – Москва: МГИМО-Университет, 2008; Сатановский Е.Я. Конфликт вокруг Ирака: возможные направления развития посткризисной ситуации // Ирак: первые итоги, выводы, уроки. – Москва: Институт изучения Израиля и стран Ближнего Востока, 2003; Смирнов А.В. История арабо-мусульманской философии: Антология. – Москва: Академический проект, 2013. Смирнов А.В. О понятии «свобода» в арабо-мусульманской культуре // Историко-философский ежегодник-2003. – Москва: Наука, 2004.

¹⁶TheThreeAgesofNATO: AnEvolvingAlliance / Речь Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга в Университет Гарвард, США, 23 сентября 2016 //URL: <http://www.belfercenter.org/publication/three-ages-nato-evolving-alliance>; FutureNATO / Речь Генерального секретаря НАТО А. фог Расмуссена в Королевском институте Великобритании, 20 июня 2014 // URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_111132.htm; PresidentBushAddressestheNation / Речь Президент Дж. Буша-мл. 19 марта 2003 г. // URL:<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html>; Speech by High Representative / Vice-President F. Mogherini at the “Common Challenges for Europe. AStrategyforForeignandSecurityPolicy” / Речь Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини в Нобелевском центре мира 15 июня 2016 г. // URL: <https://www.ceas-serbia.org/en/external/5095-speech-by-hrvp-federica-mogherini-at-the-common-challenges-for-europe-a-strategy-for-foreign-and-security-policy-public-event-at-the-nobel-peace-centre>; Речь Президента России В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151>; и др.

Института США и Канады РАН, а также в выступления экспертов и действующих политиков – участников международного дискуссионного клуба «Валдай»¹⁷.

Среди зарубежных исследований, непосредственно посвященных изучению НАТО, диссертант принял во внимание результаты трудов: Асмуса Р., Бирлинга Ш., Бузана Б., Войера О., Гансера Д., Даалдера И., Докоса Т., Дэвиса Я., Занини М., Каплана Л., Кидда А., Кэмп К., Ларраби С., Олбрайт М., Рейзингера Х., Смифа М., Сторелли Э., Хорна М., Хендриксона Р., Чендлера Д. и др.¹⁸

¹⁷ Ахмедов В.М., Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.) – М., 2015. – 124 с.; Булаев О.О., Труевцев К.М. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // *Оценки и идеи. Бюллетень Ин-та востоковедения РАН*, 2016. Т. 1, № 9, 12 с.; Наумкин В.В., Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. – М., 2013. – 528 с.; Руденко Л.Н., Соловьёва З.А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. М.: Институт Востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2007.; Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии / У.З. Шарипов. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 379 с.; The EU Global Strategy. A View from Russia. Alexey Gromyko. Moscow, 2017.; Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы. Под ред. М.В. Каргалавой. ДИЕ РАН № 326. М., 2016 г.; Сепаратизм в политической жизни современной Европы. Под ред. П.Е. Канделя. ДИЕ РАН, № 318. М., 2015 г.; Евросоюз: тенденции инновационного обновления. В.С. Циренчиков. ДИЕ РАН, № 322, М., 2015 г.; Глобальные риски XXI века: пределы регулирования. Под редакцией Н.П. Шмелёва, В.П. Фёдорова, Т.Т. Тимофеева, Ал.А. Громыко. Доклады Институт Европы РАН №296, М., 2013 г.; Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. Под ред. Ал.А. Громыко (составитель, автор). Доклады Институт Европы РАН №292, М., 2013 г.; Журкин А. В. Эволюция политики и антикризисной стратегии Североатлантического альянса (2008-2010 гг.): автореф. диссертации на соиск. ученой степ. канд. пол. н. – М.: Изд-во ИМЭМО, 2010.; Кобринская И.Я. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке (сборник). М.: ИМЭМО РАН, 2013.; Малышева Д.Б. Ближний Восток и Северная Африка: государственное регулирование миграции в условиях глобального экономического кризиса // М.: ИМЭМО РАН. 2010. с. 8-17.; Шумилина И.В. Вашингтон корректирует стратегию борьбы с пропагандой терроризма / И.В. Шумилина // *США-Канада: экономика, политика, культура*. – 2016. – №10; Митяшин А.Н. Демократизация Большого Ближнего Востока как направление американской военной политики в начале XXI века / А.Н. Митяшин // *США-Канада: экономика, политика, культура*. – 2016. – №8; Приходько О.В. США и политика партнерства НАТО / О.В. Приходько // *США-Канада: экономика, политика, культура*. – 2013. – №3.; Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности / Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016.; Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего, Международный дискуссионный клуб «Валдай», М., 2016, 34 стр.

¹⁸ Asmus R. Rebuilding the Atlantic Alliance; Dokos P. T. NATO's Mediterranean dialogue: prospects and policy recommendations; Boening A. Multilateral security in the Mediterranean post-Cold War: NATO's Mediterranean Dialogue and the EuroMed Partnership; Chandler D. Humanitarian Intervention and the State / D. Chandler // NY: Palgrave MacMillan, 2010. – P. 86.; Hendrickson R. Diplomacy and War at NATO: The Secretary General and Military Action After the Cold War / R. Hendrickson // Missouri: University of Missouri Press, 2006. 175 p; Horn M. NATO, the Mediterranean dialogue, and the Middle East: it is time for NATO to get serious; Kamp K.-H., Reisinger H., NATO's Partnerships After 2014: Go West!, NATO Research Paper 92, 2013.; Kaplan L. Clawson R. and Raimondo Luraghi. NATO and TheMediterranean. Washington. 1985; Kaplan L. NATO Divided, NATO United: The Evolution of an Alliance. London: Praeger, 2004. — 165 p.; Kydd A. NATO: Trust and Mistrust in International Relations / A. Kydd // Princeton: PrincetonUniversity Press, 2009. 332 p.; Larrabee S. NATO's Mediterranean Initiative Policy Issues and Dilemmas, Washington.1998, P.32; Smith M. and Ian Davis J. NATO's Mediterranean Dialogue in the wake of the Arab Spring; Stornelli E. A New Policy for the NATO Mediterranean Dialogue and Istanbul Cooperation Initiative; Woever O., Buzan B., “An Inter-Regional Analysis: NATO's New Strategic Concept and the Theory of Security Complexes”, in S. Behrendt, C.-P. Hanelt (eds.), Bound to Cooperate - Europe and the Middle East, Bertelsman Foundation Publishers, Gütersloh, 2000, pp. 55-106.; Zanini M. The Future of NATO's Mediterranean Initiative Evolution and Next Steps; Гансер, Даниэль НАТО – секретные армии в Европе. [пер. с англ. И. Фридмана]. М.: Европа, 2006. – 104 с.; Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. — М.: Альпина, 2004.

Региональные особенности Средиземноморья обстоятельно исследуются в работах таких зарубежных авторов как – Андерсон И., Доунинг Д., Дюбуа Ж., Линч М., Ноннеман Г., Овен Р., Перлигер А., Постолаш А., Рассел Р., Фускас В. и др.¹⁹

Особое внимание диссертант уделил трудам ученых из стран Ближнего Востока и Северной Африки, такими как: Аби-Аяд А., Айоб М., Айяди Р, Арас Б., Бенсахал Н., Биман Д., Гренон М., Каим М., Кхоури Р., Орфи М., Салим Г., Селим М., Сулейман Б., Хабел Х., Ходдад И.²⁰.

Отдельную группу источников, прямо или косвенно посвященных теме исследования, образуют общетеоретические труды известных зарубежных ученых-международников, таких как: Бомье Ж., Броделя Ф., Манна М., Неттла Дж., Саида Э., Тилли Ч., Фридмана Дж., Эванса Р.²¹, а также Аль-Хаджил

¹⁹ Anderson, I. *Biblical Interpretation and Middle East Policy: The Promised Land, America, and Israel 1917–2002*. Gainesville: University Press of Florida, 2005; Downing, D. *The Making of the Middle East: Religion, Nationalism, Conflict*. Oxford: Raintree, 2005; Fouskas, V. *Zones of Conflict: US Foreign Policy in The Balkans and the Greater Middle East*. London: Pluto Press, 2003; Lesch, D. (ed.) *The Middle East and the United States: A Historical and Political Reassessment*. Colorado: West Press, 2007, p.504.; Lynch M. “Voices of the New Arab Public: Iraq, Al-Jazeera, and the Middle East Politics Today”, New York: Columbia University Press, 2006.; Nonneman G., “Obstacles to Stability in the Middle East: An Overview of Context and Linkages,” Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Athens, 1994; Owen, R. *State, Power, and Politics in the Making of the Modern Middle East*. London and New York: Routledge, 2000, p.325.; Perliger, A. *The Roots of Terrorism: Middle Eastern Terrorism*. New York: Chelesee House Publications, 2006; Postolache, *New challenges in the relations between the European Union and the Mediterranean*; Russell, R. *Weapons Proliferation and War in the Greater Middle East: Strategic Context*. London: Routledge, 2005; Дюбуа Ж. *Европейский Союз и Средиземноморье// Европа и Россия: проблемы южного направления*. М., 1999. С. 118-124.;

²⁰ Abi-Aad A., Grenon, M. *Instability and Conflicts in the Middle East: People, Petroleum and Security Threats*. London: Macmillan Press, 1997, 420 p.; Aras, B. *War in the Garden of Babylon: The Middle East After the Iraqi War*. Istanbul: Tasam Publications, 2004, p. 375.;Ayadi R., Salim G., “The Euro-Mediterranean Partnership: Diagnosis and Prospects”, MEDPRO Policy Brief, MEDPRO Project, Brussels; Ayoob M., ‘The New Cold War in the Middle East’, *The National Interest*, 16 January 2013; Bensahal, N. and Byman, D. *The Future Security Environment in the Middle East: Conflicts, Stability, and Political Change*. Santa Monica: Rand Corporation, 2004, pp.15–56; Hoddad, Y. ‘Islamist Perceptions of US Policy in the Middle East’; Hubel H., Kaim M., (eds) *Conflicts in the Greater Middle East and the Transatlantic Relationship*. Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2004, 193 p.;Khoury R. “Spring or Revolution?” *Agence Clobal*, 17 August 2011; Orfy M., *NATO and the Middle East*, Routledge Studies in Middle Eastern Politics, London, 2011, 270 p.; Selim M., “Southern Mediterranean Perceptions of Security Cooperation and the Role of NATO,” in Hans Günter Brauch, Antonio Marquina, Abdelwahab Biad (eds.), *Euro-Mediterranean Partnership for the 21st Century*, Macmillan Press, Houndmills, Basingstoke, 2000, pp. 129-146; Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hageel: *Human rights in Islam*. – Riyadh. 2001;

²¹ Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the State Back In*. Cambridge University Press, 1985. – 404 p; Mann M. *The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results*. – *Archives européennes de sociologie* 25; 1984.; Nettl J. *The State as a Conceptual Variable*. *World Politics*, 20(4). 1968. – Pp. 559–592;Tilly Ch. *The Formation of National States in Western Europe*. – Princeton: PrincetonUniversity Press, 1975. – 711 p.; Бомье, ЖанОт «Новогопорядка» кАтлантическому пакту. Под ред. Л. Петрова. М., 1950, 116 с.; Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч.1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима*. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – с. 385.; Фридман Дж. *Горячие точки*. М.: Питер, 2016. – с. 327.; Said E., *Orientalism*, London, UK: Vintage Books, 1979.

С.Б.А.Р., Лоуренса Ф.К., Лучиани Дж., Пай Л.В., Робертсона Д., Ташау Ф., Хантингтона С. и других²².

В ходе исследования использовались материалы английских, арабских, немецких и российских средств массовой информации²³.

Цель диссертационного исследования – выявить особенности политики НАТО в Средиземноморском регионе.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Установить и классифицировать основные параметры военно-политической обстановки региона;
2. Систематизировать трансформацию концептуальных основ политики НАТО в Средиземноморье;
3. Выявить неявные цели политики НАТО в регионе;
4. Определить и систематизировать причины, препятствующие реализации политики партнерства в Средиземноморье;
5. Раскрыть основные итоги использования военного контингента НАТО в регионе;
6. Выявить перспективы политики НАТО в регионе.

Научная новизна работы:

²² Derbyshire J. D., Derbyshire I. Political systems of the world. – New York: St. Martin's Press, 1996; Giacomo Luciani. The Arab state. – London: Routledge. 1990; Pye L.W. The non-western political process // Journal of politics, 1957; Philip K. Laurence: Democracy and the liberal state. – Dartmouth: Aldershot, 1989; Robertson D. A dictionary of Modern Politics. – London: Europa Publications Limited, 1993; Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hageel. Human rights in Islam. – Riyadh, 2001. Tachau F. Political parties of the Middle East and North Africa. – London: Mansell. 1994; Вебер М. Избранные произведения. – Москва: Прогресс. 1990; Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. – Москва: Юрист; 1994; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – Москва: Мысль, 2001; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ, 2006;

²³ Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/>; The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/>; Jane's Defense Review. Режим доступа: <http://www.janes.com/>; Foreign Affairs. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/>; ForeignPolicy. Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/>; Новостной сайт Аль-Арабия. Режим доступа: www.alarabiya.net/; Новостной сайт Аль-Ахрам. Режим доступа: <http://www.ahram.org.eg>; Новостной сайт Аль-Джазира. Режим доступа: <http://www.aljazeera.net>; Новостной сайт Аль-Монитор. Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/ar/>; Фонд Фридриха Эберта. Режим доступа: <http://www.fes.de/de/>; Немецкий институт международных отношений и безопасности SWP. Режим доступа: <https://www.swp-berlin.org/>; Новостной сайт Der Spiegel. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/>; Российский совет по международным делам. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/>; Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/>; Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/>; Новостной сайт «Россия сегодня». Режим доступа: <https://russian.rt.com/>

1. Представлены основные параметры военно-политической обстановки Средиземноморского региона. Аргументировано, что ими являются: усиление конкурентной борьбы за ресурсы, эскалация терроризма, нарушение территориальной целостности государств, углубляющаяся политическая фрагментация, возрастание роли и влияния внешних акторов. Специфика этих параметров заключена в их взаимодетерминированности и взаимодополняемости. Для того чтобы оптимизировать среду безопасности региона, нужно синхронизировать изменение каждого из них, то есть, осуществить к решению этой задачи комплексный подход. Такая ситуация сложилась как в силу целенаправленных действий самих акторов, так в силу структурных ограничений социокультурной среды региона.

2. Прослежена эволюция концептуальных основ политики НАТО в регионе: от идеи распространения политики блока вне зоны его географической ответственности до придания геополитического измерения функциональному предназначению НАТО.

3. Определены неявные цели НАТО. Ключевая из них – готовность поступиться трансатлантическими ценностями и идеалами в случае необходимости продвижения интересов безопасности Евро-атлантического региона; создание НАТО-центричной среды безопасности Средиземноморья; сохранение лидирующих позиций стран-членов в системе мировой политики.

4. Классифицированы внешние и внутренние факторы, влияющие на реализацию «политики партнерства» альянса в Средиземноморском регионе. К числу внешних отнесены: негативный имидж НАТО в регионе и в «арабском мире» в частности; кардинальные политические изменения в Средиземноморье; непрекращающееся неконтролируемое военно-политическое противоборство в регионе. К внутренним факторам, влияющим на реализацию «политики партнерства» НАТО в Средиземноморье, диссертант отнес процессы, происходящие в самой организации: отсутствие согласия союзников о внешнеполитических приоритетах альянса; их различающиеся интересы; жесткая

финансовая политика; некорректное понимание альянсом своего места в регионе. Раскрыта суммарная степень влияния этих причин на ход событий в регионе.

5. Уточнены основные итоги силовой активности НАТО в регионе и объективные пределы ее эффективности: необходимость выработки и реализации комплексной программы мер по посткризисному урегулированию, необходимому для стабилизации военно-политической обстановки в регионе; необходимость нахождения оснований для прочного консенсуса между союзниками при отказе США играть лидирующую роль в операциях; необходимость сокращения разрыва военных потенциалов союзников.

6. В контексте интернационализации сирийского конфликта дана авторская прогностическая оценка вероятности использования сил альянса в регионе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сложная экономическая и социально-политическая ситуация в Средиземноморском регионе приводит к вовлечению в возникающие конфликты слишком большого количества внешних акторов региона, чьи геополитические цели нередко существенно различаются.

2. Неравномерная динамика изменений в регионе размывает политическую систему мира, основанную на Вестфальских принципах, и создает предпосылки для создания новой, где главными элементами станут надгосударственные образования и виртуальные государства.

3. Политика НАТО в Средиземноморском регионе спровоцировала второй после краха СССР кризис идентичности в альянсе. Страны-союзницы приняли борьбу с вызовами и угрозами, исходящими из региона как новый «смысл существования» блока. Это дает основание утверждать, что кризис идентичности НАТО принял системный характер. Данное обстоятельство ставит под сомнение эффективность НАТО как международной организации и военно-политического союза, претендующего на роль гаранта международной безопасности.

4. Последствия кампании НАТО в Афганистане, носящие негативный характер, побудили союзников отказаться от непосредственного участия в разрешении кризисов в Средиземноморье. В результате, реализация двух базовых целей альянса – кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества – оказалась за рамками практической политики альянса в регионе.

5. Исследование результатов военного вовлечения альянса в урегулирование кризисов в Средиземноморском регионе показал, что региональная стабильность и безопасность не могут быть обеспечены предложенными им методами. Втягивание НАТО в конфликты, в которых сложно добиться победы, делает любые военные кампании альянса, рискованными, результаты которых трудно просчитать. Мультиплицирующий эффект угроз и опасностей в регионе столь значителен, что создает замкнутый круг в решении проблем региональной и международной безопасности в целом.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Исследование построено на сочетании историко-политического и системного подходов.

Методологическими принципами работы стали: принцип развития, историзма и объективности. Методы, примененные в диссертационном исследовании: междисциплинарный (содействовал обобщению выводов о специфике политического развития Средиземноморского региона); логический метод (позволил раскрыть закономерности процесса формирования и развития политики партнерства НАТО). Метод индукции позволил совершать переход от отдельных фактов к общим положениям. Контент-анализ официальных документов и региональных СМИ по теме исследования помог выявить степень значимости Средиземноморского региона в политике НАТО. В работе также использован сравнительно-исторический метод, инструментарий теории вероятности и теории комплексов региональной безопасности, что позволило выявить и оценить перспективы интервенционалистской политики НАТО в регионе.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Отдельные разделы, положения и выводы диссертации могут быть полезными органам государственной власти и МИД России в работе на «натовском» и Средиземноморском направлениях, выработке позиции России в процессе урегулирования кризисов.

Собранный эмпирический материал и его анализ могут представлять интерес для Институтов РАН и аналитических центров страны. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе соответствующих университетов и институтов страны.

Апробация результатов диссертационного исследования

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Основные теоретические и практические результаты диссертации были апробированы автором в ходе работы над коллективным исследовательским проектом «Философия политического и реальная политика», осуществленном при поддержке гранта РГНФ 15-03-00870.

Ряд выводов и положений были обсуждены на научно-практических, локальных, региональных и международных конференциях:

- ежегодной международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, ноябрь 2014 г.);
- ежегодной научной конференции «Ломоносов 2015», проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, апрель 2015 г.);
- ежегодной международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, ноябрь 2015 г.);
- ежегодной научной конференции «Ломоносов 2016», проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, апрель 2016 г.);

- II-ой международной научно-практической конференции «Трансформация международных отношений: вызовы и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, апрель 2016 г.);

- II-ой научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах», проходившей в НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, май 2016 г.);

- CEEISA & ISA: The Politics of International Relations, состоявшейся в Университете Любляны (Словения, июнь 2016 г.).

Основные тезисы и положения диссертационного исследования изложены в ряде публикаций в журналах, рекомендуемых ВАК России, общим объемом 1,5 п.л.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, разделенными на тематические параграфы, заключения, а также списка использованных источников и литературы и приложений.

ГЛАВА 1.СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ОБЩЕЙ АРХИТЕКТУРЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1.СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

На протяжении тысячелетий Средиземноморье – этот стратегически важный морской путь, своего рода мост между нациями – находился в центре политических баталий государств, его населяющих.

Структурно-концептуальная оптимизация исследования требует некоторых уточнений и оговорок, связанных с его географическими границами.

Средиземноморье разделено на три субрегиона: *Северное Средиземноморье* в которое входят Албания, Босния и Герцеговина, Греция, Испания, Италия, Монако, Словения, Турция, Хорватия, Черногория, и Франция; *Восточное Средиземноморье* – Израиль, Иордания Ливан, Палестина, Сирия, и Турция; и *Южное Средиземноморье* – Алжир, Египет, Ливию, Марокко и Тунис. В каждом из них живут вместе различные политические, социальные и культурные общности, чья связь на протяжении веков неизменно укреплялась.

В силу понятных геополитических причин, автор выходил за рамки географически обозначенного региона Средиземноморья. Частично, в той степени, как того требует логика системного анализа и комплексный подход к теме, в работе затрагиваются наиболее проблемные узлы Ближнего Востока, непосредственно связанные с политикой НАТО в исследуемом регионе. Во избежание путаницы с географическим обозначением регионов, где действует НАТО, диссертант оперирует терминологией, используемой в документах альянса, при той очевидности, что она не совпадает с той, которая считается общепринятой в нашей стране. К тому же, степень взаимодополняемой увязки политики НАТО в Средиземноморье и на Ближнем Востоке увеличивается по нарастающей. В отдельных случаях автор использует в качестве взаимозаменяемых географические понятия Юго-Восточное Средиземноморье,

Ближний Восток и «арабский мир» - это связано с тем, что в различных заявлениях и декларациях саммитов НАТО фигурируют понятия «Расширенный», «Широкий» или «Большой» Ближний Восток.

Автору в этой связи пришлось специфицировать термин «Ближний Восток».

Содержание и объем понятия «Ближний Восток» неопределенны. Это общее историческое название субрегиона, являющегося ближайшим к Европе восточным регионом, географически расположенным в Западной Азии и Северной Африке. Сама НАТО никак не определяет, что она имеет ввиду под «Ближним Востоком». А. Бин, представитель политического департамента НАТО, объяснял, что «так как существуют разногласия среди союзников о том, что должно или не должно быть включено в регион Ближнего востока, было решено идентифицировать и определять его для каждого случая отдельно, с учетом конкретных условий, согласно общему консенсусу и взаимопониманию между союзниками»²⁴.

В 1997 г. появился еще один термин – «Большой Ближний Восток»²⁵, на основе которого в 2003 г. была сформулирована одноименная концепция: в регион включили территорию от Афганистана до Марокко. Термины «Расширенный», «Широкий» или «Большой» Ближний Восток появлялись в различных заявлениях и декларациях по итогам саммитов НАТО. С теоретической точки зрения это означает, что, старые понятия применяются для обозначения явлений, которые имели лишь внешнее сходство с тем, что обозначали старые слова. Поэтому они «как правило, оборачиваются потерями в плане содержательной точности: получается, что мы можем охватить большее пространство, только если скажем меньше, причем скажем это гораздо туманнее, таким образом, появляется сбивчивость теорий, тривиальность и бесполезность исследований»²⁶. Поиски непротиворечивого понятия Ближнего Востока и его

²⁴Orfy M., NATO and the Middle East, Routledge Studies in Middle Eastern Politics, London, 2011, p.74.

²⁵Blackwill Robert D. Allies Divided: Transatlantic Policies for the Greater Middle East. — The MIT Press, 1997. — P. 1
26 Сартори Дж. Вертикальная демократия // ПОЛИС. 1993. № 2. С. 83.

границ в последние годы находятся в центре внимания ученых-международников²⁷.

Разногласия по проведению реальных или иллюзорных границ, включения в него или исключения некоторых стран, подтверждают, что термин «Ближний Восток» долгое время был политизирован. Сегодня Ближний Восток уже не географическая единица, а *политический концепт*, охватывающий различные военно-политические ожидания.

НАТО в своих последних документах, предпочитает избегать конкретного наполнения понятия Ближний Восток. Во-первых, для того, чтобы преодолеть или скрыть разногласия между союзниками. Во-вторых, для того, чтобы не связывать себя избыточными обязательствами и соображениями. Исходя из документов НАТО, можно сделать вывод, что для этой организации Ближний Восток включает в себя три главных зоны²⁸: первая группа – страны Южного Средиземноморья, которые более известны как страны Северной Африки (Египет, Судан, Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания и Западная Сахара); вторая – Восточное Средиземноморье: Иорданию, Израиль и Египет; и третья – страны Залива – Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия.

Диссертант придерживается понимания Ближнего Востока, как геополитического и культурологического пространства от Марокко на Западе до стран Персидского залива на Востоке – иначе говоря, все страны «арабского мира»²⁹ и Израиль. *За рабочую гипотезу принята идея о том, что, Ближний Восток есть «арабский мир», за исключением государства Израиль.*

Возвращаясь к Средиземноморью целом, следует подчеркнуть, что этот регион – территория больших контрастов, что дало право некоторым

²⁷Orfy M., NATO and the Middle East, p.50

²⁸Иран иногда включается в документы альянса, исключительно в связи с ядерной программой и возможного его влияния на регион. Но НАТО напрямую не принимает участия в урегулировании иранского ядерного кризиса, поэтому аспект взаимоотношений НАТО и Ирана в контексте Средиземноморской политики не будет рассмотрен в диссертации. Также, периодически, операция НАТО в Афганистане рассматривается в контексте ближневосточной политики НАТО. Но, данная миссия никак не связана с политикой НАТО в данном конкретном регионе Средиземноморья и тоже не будет рассмотрена в работе.

²⁹Алжир, Бахрейн, Египет, Западная Сахара, Йемен, Иордания, Ирак, Катар, Коморы, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Сомали, Судан, Тунис.

интеллектуалам называть его «колыбелью» или матрицей взаимозависимости современных государств. Эта матрица сложена на основе ряда факторов.

Во-первых, геополитически. Знаменитый исследователь Средиземноморья Ф. Бродель писал: «наличие моря подразумевает все, что ему приписывают — единство, средства передвижения, обмен, сближение, — при условии, что люди прилагают соответствующие усилия, соглашаются заплатить требуемую цену»³⁰. Но «в то же самое время означает и долгое время означало разобщение и преграду, которую следовало бы преодолеть»³¹. В самом деле, например, во времена Римской империи власти считали «Mare Nostrum»³², как они называли Средиземное море, основным объединяющим фактором империи. Но Саламинское сражение 480 г. до н.э. и битва при Лепанто 1571 г., показали, что море — это преграда, которая разобщает так же легко, как и соединяет. Но привлекательность Средиземноморья от этой амбивалентности не уменьшалась, владеть им продолжали стремиться все³³.

За долгий срок, с начала Нового времени и до Первой мировой войны Европейские державы смогли захватить Южный берег Средиземного моря. Степень контроля субрегиона видна, например, в том, что с 1830 до 1962 года Восточное Средиземноморье даже считалась внутренним французским морем. После Первой мировой войны постепенный распад Османской империи относительно легко подарил Италии Ливию, а Великобританию и Францию сделал хозяевами Леванта³⁴.

США тоже не отставали и продолжают быть прочно связанными с политикой в Средиземноморье на протяжении уже 200 лет. В конце XVIII века американский флот справлялся с угрозами Южного берега — пиратами из Марокко и Алжира — которых Европа не могла победить в одиночку. Сегодня шестой флот ВМС США также остается значимым подспорьем военного

³⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч.1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. с. 385.

³¹ Там же.

³² С лат.: «наше море».

³³ Фридман Дж. Горячие точки. М.: Питер, 2016, с. 327.

³⁴ Мандаты Лиги Наций на внешнее управление согласно статье 22 Версальского договора 1920-1923 гг.

потенциала Европейских стран в ответе на новые вызовы и угрозы XXI века. Никогда не создавая как таковую американскую «Средиземноморскую политику», США постоянно преследовали в регионе свои интересы – по большей части военные. Главный из них – не допустить в Средиземноморье, установления гегемонии одного государства, что дало бы ему контроль над путями в Черное море, в Персидский залив и, конечно, в Атлантический океан.

Во время холодной войны, Средиземноморье стало пространством противоборства двух полюсов силы – СССР и США, отразившееся в конфликтах тех лет: Арабо-Израильском³⁵ и многочисленных пограничных конфликтах между Алжиром и Марокко, Египтом и Ливией и т.д.

Стратегическая значимость всего региона Средиземноморья для стран Североатлантического союза не может быть переоценена. Необходимо понимать, что Средиземноморье (и Красное море³⁶) являются жизненно важным морским путем коммуникаций между Атлантикой и Азией, особенно с момента строительства Суэцкого канала. В связи с декларацией стратегии Китая «Один пояс и один путь»³⁷ эта его значимость лишь упрочнилась. США защищали «правый фланг» НАТО и линии коммуникации с союзниками, СССР защищал «южный фланг» от потенциальных угроз из Евро-атлантического региона и контролировал стабильность транспортных путей через Средиземноморье.

Важным союзником для США в этом регионе стали страны Европы: Италия и Португалия, являвшиеся членами НАТО с момента ее основания, и впоследствии Греция и Испания – присоединившиеся к альянсу в 1952 и 1982 годах соответственно. И таким образом значительная часть Южной Европы стала потенциальным союзником США в их стратегии, охватывающей все три берега Средиземного моря. Например, З. Бжезинский³⁸ рассматривал экспансию на

³⁵ Кукарцева М.А. Хронополитика и мировая политика//XXI век: перекрестки мировой политики / отв. ред. М.А. Неймарк. М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. стр. 180-188.

³⁶ См., например, Admiral Ferdinando Sanfelice di Montefiore, Mediterranean Insecurity. URL: www.euroatlantic.org (дата обращения: 16.10.2016)

³⁷ Putten van der F., Meinders M., China, Europe and the Maritime Silk Road, Clingendael Report, Netherlands Institute of International Relations, March 2015.

³⁸ Бжезинский З. Великая шахматная доска, перев.с англ., М.: Международные отношения, 1999, с. 87.

Южном берегу Средиземного моря третьим по важности регионом для поддержания глобального господства США. Фактически, попадание Южной Европы в «единый Европейский дом», под защитой альянса освободили США от необходимости заботиться о влиянии коммунистического блока в этом регионе. Получив согласие стран на размещение своих военных баз на территории Испании и Португалии, США смогли расширить свою военную стратегию на все пространство Северной Африки вплоть до Сахеля, африканского региона Судан.

Вторым фактором, сформировавшим матрицу взаимозависимости современных государств в регионе Ближнего Востока стала сложившаяся там *военно-политическая* ситуация, переживающая значительные изменения в последние годы.

С военно-политической точки зрения Средиземноморское пространство может быть разделено на два сектора – Север и Юг. На Севере расположены относительно политически стабильные государства, объединенные общими европейской и трансатлантической идеями либеральной демократии и прав человека. На юге – в силу разных причин нестабильные арабские и ближневосточные государства, с преимущественно мусульманским населением³⁹

Эти сегодня стали эпицентром международной напряженности, переживая сложнейшие социально-экономические последствия глобализации, что привело к гражданским войнам и революциям, подрывающим международную безопасность и стабильность.

Отчеты ООН демонстрируют насколько бедными являются арабские страны Южного Средиземноморья⁴⁰. В экономической сфере этим странам не удалось полностью интегрироваться в глобальные экономические структуры. Результаты реформ, нацеленных на независимость от международной финансовой помощи и предоставление молодежи перспектив для заработка и реальные возможности работы, оказались не столь значительны.

³⁹ За исключением некоторых стран Балканского полуострова и Турции, которые мы будем относить к Северу, не смотря на преобладание в них мусульманского населения.

⁴⁰ United Nations Development Program, 2009, Summary Human Development Report 2009, URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Summary.pdf (датаобращения 10.07.2015).

Вдобавок, когда дело касается социальных, общественных или политических возможностей, большинство арабских стран также находятся в конце рейтингов, по отношению к странам со схожим этапом развития⁴¹.

Согласно ежегодному рейтингу организации Фридом Хаус, оценивающему по семибальной шкале политические и гражданские свободы, показатели Ближнего Востока в целом за 30 лет не изменились – 10,5 в 1980 году и 10,6 в 2010, что делает этот регион самым авторитарным в мире⁴².

Что касается сферы безопасности, то опираясь на данные Института Гейдельберга по изучению международных конфликтов, публикуемые в ежегодном «Барометре конфликтов», в регионе существуют три острых субнациональных конфликта⁴³ – Арабо-израильский конфликт, напряженность между правительством Турции и курдскими сепаратистами и международная борьба с террористическим квази-государством «Исламское государство» – что делает Южное Средиземноморье большой пороховой бочкой.

Войну с терроризмом на Ближнем Востоке Запад ведет на протяжении 15 лет и итог ее на данный момент – более полумиллиона убитых и раненых, более 8 млн. беженцев и вынужденных переселенцев, продолжение распространения экстремистских исламистских движений в арабских странах, в особенности, в Сирии, Йемене, Ираке и Нигерии. В такой ситуации, по мнению экспертов, «перспектив умиротворения враждующих и гармонизации ситуации не просматривается, а также существует реальная опасность расползания этой гигантской конфликтной зоны на все новые пространства»⁴⁴.

Рассмотренный в данном параграфе Средиземноморский регион объединен исторически сложившимися внутренними, социо-культурными и политическими связями, адаптированными к постоянным флуктуациям системы,

⁴¹ Loewe M., “Die Diskrepanz zwischen wirtschaftlicher und menschlicher Entwicklung in der arabischen Welt”, in: Politik und Zeitgeschichte (24), 2010, 10-22, p. 10.

⁴² Freedom in the World Comparative and Historical Data 2016, Freedom House, [Electronic Resource]. URL: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Country%20Status%20%26%20Ratings%20Overview%2C%201973-2016.pdf> (датаобращения 27.08.2016).

⁴³ Conflict Barometer 2015, Heidelberg Institute for International Conflict Research. URL: <http://www.hiik.de/en/konfliktbarometer/> (датаобращения 08.03.2016)

⁴⁴ Бажанов Е.П. Россия между Западом и Востоком / Е.П. Бажанов // Современный мир и геополитика / под ред. М.А. Неймарка. – М.: Канон+, 2015, стр. 22.

и именно это придает ему стратегическое, витальное значение для мировой политики и международных отношений. В этом регионе собраны воедино разные модели управления – от системы суверенных государств и соприкосновения цивилизаций, до организованной анархии и космополитизма. Насильственное вмешательство в эту систему регионального баланса политического управления, попытки изменения состава ее элементов и их взаимосвязей результируется в разрушении достигнутой степени внутренней и внешней адаптивности системы. Однако Средиземноморский регион обладает такой высокой мерой политической аттрактивности, что ведущие глобальные игроки не могут позволить себе оказаться в стороне от попыток вмешательства в дела региона и его дефрагментации в своих целях. Значимость этих игроков осознают региональные державы и играют на этом. В результате контуры взаимодействия акторов приобретают черты замкнутого круга, принцип функционирования которого снижает степень самостоятельности действий каждого из его компонентов.

§2.КЛЮЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ СРЕДЫ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Система безопасности Средиземноморья характеризуется определенным множеством связей ее элементов. Обнаружение этих связей или элиминация какого-то элемента может потенциально привести к краху всей системы.

Выделим ключевое направление и параметры обеспечения безопасности в регионе. Под ключевым направлением, *осью безопасности*, будем понимать отношения «НАТО – Юго-Восточное Средиземноморье». Под параметрами: энергетику, терроризм, потоки беженцев. Рассмотрим каждый из пунктов подробнее. Начнем с базовых характеристик *оси безопасности*.

После официального окончания холодной войны страны Европы почувствовали себя свободными от прямых военных угроз, хотя военный потенциал СССР, равно как и существование на территории Европы так называемого социалистического лагеря все принимали в расчет. С тех пор источники прямой опасности для них исходили из регионов, непосредственно граничащих с Евро-Атлантикой. Особенную значимость это приобретает в связи с тем, что Европа неразрывно связана с Южным Средиземноморьем общими структурами географического, экономического и даже демографического пространства.

В связи с этим в 90-ых годах на Западе и конкретно в НАТО объективно возникли соображения о формировании для европейских стран своего щита безопасности в Средиземноморье (см. Приложение №1). В НАТО эти дискуссии вылились в идею необходимости формирования так называемой «Южной стратегии» альянса. Берег Юго-Восточного Средиземноморья стал источником не только региональной, но уже и международной напряженности – последствия

конфликтов на Ближний Востоке негативно сказываются на политической стабильности в том числе в США, России и Китае⁴⁵.

В первой Европейской стратегии Безопасности от 2003 г. прописано, что «безопасность ЕС неразрывно связана с безопасностью Средиземноморья, и, поэтому, особенно важно превратить этот регион в зону, где преобладают мир, стабильность и взаимовыгодное сотрудничество»⁴⁶. Именно поэтому была сформулирована идея создания на южных берегах Средиземного моря, «кольца надежных стран» с которыми у ЕС были бы «близкие отношения сотрудничества»⁴⁷.

Основываясь на теории комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вейвера⁴⁸, можно констатировать, что среда безопасности Средиземноморского региона обладает характерными чертами.

Во-первых, политико-экономическая фрагментация и разнообразие политических режимов, культурных идентичностей и уровня развития, что сказывается на внутрирегиональных отношениях.

Во-вторых, активная фаза конфликтов длится недолго и переходит от вопроса внешней политики к внутренней. Поэтому безопасность Средиземноморья и Ближнего Востока в большей степени зависит не от международной обстановки, а от внутренней, которая менее обсуждается на международном уровне и в рамках военных угроз, чем от социальных, культурных, экономических и этнических факторов. Конечно, существуют военные угрозы, как распространение оружия массового поражения или международных терроризм. Но это риски, которые являются международными именно потому, что региональное сотрудничество не смогло стабилизировать

⁴⁵ Russell, R. Weapons Proliferation and War in the Greater Middle East: Strategic Context. London: Routledge, 2005, p.15.

⁴⁶European Security Strategy, Brussels, 12 Dec. 2003, p.1. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsupload/78367.pdf> (датаобращения: 03.06.2014)

⁴⁷Ibid, p.8.

⁴⁸Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003, p.195.

внутригосударственную ситуацию, справиться с социальными, экономическими, культурными и этническими проблемами.

Поэтому комплексные институты и сети сотрудничества становятся удобными для Средиземноморья.

Гуманитарная безопасность особенно важна для внутрирегионального сотрудничества. Например, евро-средиземноморское сотрудничество более нацелено на социальные и гражданские вопросы, чем военные, т.е. на вопросы комплексной безопасности, а не жесткой. Поэтому сотрудничество не ограничивается краткосрочным кризисным регулированием, а разрешают системные и структурные проблемы, приведшие к кризису.

В-третьих, значительное участие в региональной политике внешних сил, которые не только не относятся к региону Средиземноморья, но даже географически не примыкают к нему, зато имеют стратегические интересы.

В регионах, подверженных политическим и экономическим кризисам, но, тем не менее, сохраняющих глобальное значение, внешнее присутствие имеет постоянный характер. Широкие международные коалиции как бы призваны предотвратить кризисы. Исторически, в Средиземноморье так было всегда. «На протяжении веков Запад стремился контролировать страны Средиземноморья и вмешивался во внутренние дела государств средиземноморского мира»⁴⁹. Между тем, государства Средиземноморья и Ближнего Востока сами стремятся к сотрудничеству с влиятельными международными акторами для укрепления своей региональной роли. Такая диалектическая зависимость стран Запада и арабских стран в атлантическом развороте Средиземноморья, порождают трудности особого порядка, которые мы считаем возможным назвать трудностями *гео-историко-политическими*.

В-четвертых, открытость или закрытость Средиземноморского пространства, что особенно проявляется в Трансатлантическом дискурсе. В сфере безопасности, хотя Европа и Америка различаются в точках зрения и

⁴⁹КукарцеваМ.А., ТимаковаО.А. СредиземноморьеипартнерскиепрограммыНАТО // Обозреватель-Observer, 2016, №7, стр. 79.

институционально соревнуются, по большому счету они имеют сходные позиции по обеспечению безопасности. Противоречия проявляются в сферах экономики и культуры. В регионе борются две силы, за и против экономической глобализации. Упрощением будет назвать это противостоянием европейского изоляционизма и американского глобализма. Во многом, европейская позиция скорее отвечает критериям открытого регионализма.

Опасности, подстерегающие страны НАТО на «южных рубежах Средиземноморья» можно рассмотреть комплексно, в рамках процесса разрушения основ Вестфальской системы международных отношений в Средиземноморском регионе, базирующейся на суверенном равенстве государств и территориальной целостности: нарушение энергетических потоков и шире – борьба за ресурсы, терроризм, нарушение территориальной целостности (например, события в Ливии в 2011 г.), уничтожение целых политических и социальных сообществ (например, геноцид езидов в Ираке в 2014 г.). Эти опасности определяют параметры безопасности Средиземноморского региона: энергетику, терроризм, потоки беженцев

Энергетическая безопасность стран ЕС. Стабильность в регионе, хранящем самые большие мировые запасы энергоресурсов, долгое время оставалась ключевой задачей стран Запада. К началу XXI века Европа была связана с Южным Средиземноморьем, по крайней мере, своей зависимостью от энергетических поставок⁵⁰. Уже сейчас они покрывают 25% потребляемого объема по Европе, при чем зависимость Франции и стран Южной Европы (Испании и Португалии) от Южного Средиземноморья еще выше и достигает 40%⁵¹.

Развитие энергетических путей, а также безопасность трансфера энергоресурсов демонстрирует взаимозависимость стран Средиземноморского региона. Особое место в данном вопросе занимают ресурсы Каспийского моря и

⁵⁰ Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века. Реф. сб. // РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион, пробл. Отдел Азии и Африки. Сост. и отв. ред. Фурсов А.И. М.: ИНИОН, 1999. 196 с.

⁵¹ Газовый рынок в Европе, Высшая школа Экономики, Москва, 2015.

геополитические последствия создания альтернативных транспортных путей. Контроль над нефтегазовой сферой региона предоставит тому, кто его добьётся, главный механизм управления событиями в Средиземноморье, Черном море и в Центральной Азии.

Терроризм. В 2011 году в странах Средиземноморья начались события, получившие в прессе совокупное название «Арабская весна». Термины «арабские бунты», «арабские протесты» и др. не отражают всех нюансов событий в разных странах исследуемого региона. Сами участники событий употребляют термин «арабские революции», хотя, в некоторых странах события и не дошли до стадии «революции», как таковой⁵². Поэтому, по мнению диссертанта, считать удачным только какой-то один термин невозможно. В зависимости от специфики и контекста, мы будем использовать термины «Арабская весна» и «арабские революции» как синонимы.

В ряде стран, например, Тунисе, Египте и Ливии в результате «Арабской весны» произошла смена политических режимов. В Египте, демократические выборы в конечном итоге обернулись вооруженным переворотом, при поддержке армии. Не прекращаются гражданские войны в Сирии и Йемене, ставшие конфликтами высокой интенсивности, а, по мнению ряда экспертов, грозящих перерасти в систематическую войну. Поэтому есть все основания полагать, что с момента начала «Арабской весны» *среду безопасности Средиземноморья можно характеризовать как текучую, нестабильную и непредсказуемую*. Волнения, беспорядки, революции и гражданские войны стали тем референтом, по отношению к которому аналитики интерпретируют и оценивают события в регионе. Изначальный, пусть и сдержанный оптимизм⁵³, с которым многие люди, в том числе и на Западе встречали протесты и демонстрации 2011 года, уступил место мрачному осознанию того, что неоптимальные социо-экономические

⁵² Khouri R. "Spring or Revolution?" Agence Clobal, 17 August 2011, URL: <http://agenceglobal.com/index.php?show=article&Tid=2618>. (дата обращения: 09.12.2015)

⁵³ Васильев А.М. Цунами революций: новые геополитические реальности. Докладна XII Всероссийской конференции африканистов. М., 2011 г.

реформы в постреволюционных странах Ближнего Востока становятся катализатором религиозного раскола, экстремизма и политического насилия.

Динамику развития террористической среды на Ближнем Востоке можно проследить по цифрам Национального консорциума по изучению терроризма и лиц, ответственных за террористические акты (START), действующего при университете Мэриленда, США. Количество крупных терактов с 2002 по 2010 гг. увеличилось в 3 раза⁵⁴

Военизированные группировки на Ближнем Востоке процветают. Они оптимизировали силу политического принуждения к специфике региона и характеристикам исламских государств. Такие группы контролируют часть территории независимых государств, устанавливают дипломатические связи как друг с другом, так и с суверенными государствами и создают избирательные округа. Таким образом, *они создают качественно новую, отличающуюся от Вестфальской систему политической организации в регионе*. Рушится вестфальское государство как основа международных отношений, а на смену ему приходит историческая утопия – Халифат.

Например, Хезболла борется за права шиитского большинства в современном Ливане, которое долгое время было маргинализировано суннитскими политическими элитами. Хамас представляет исламистскую альтернативу Организации освобождения Палестины, которую мировые лидеры критикуют за бездействие в образовании независимого государства Палестины. А такие радикальные организации как «Аль-Каида» и «Исламское государство», не испытывают недостатка в новых добровольцах, желающих умереть за идеалы и цели этих террористических организаций.

Несмотря на ряд удачных операций спецподразделений и армии США⁵⁵, растущая сеть террористических группировок продолжает привлекать и тренировать рекрутов, растить лидеров и завоевывать новые опорные пункты.

⁵⁴ Cordesman A.H. The Need for Better Civil-Military Planning. Global Flashpoints 2015. Center for Strategic and International Studies, 2015, p.60.

⁵⁵ Crawford N.C. US Budgetary Costs of Wars through 2016. Boston University, 2016, p.18.

Они продолжают привлекать молодежь, в том числе из Западных стран, убеждая, что строительство Халифата – единственно правильный и жизнеспособный вариант управления в регионе, своего рода институциональная матрица. По мнению аналитиков Кавказского геополитического клуба, «На сегодняшний день ИГ представляет собой прото-государство с территорией в 50-70 тысяч квадратных километров и населением в 6-7 миллионов человек (цифры приблизительные). Конечная цель руководства «халифата» не вызывает сомнения – превращение этого прото-государства в государство полноценное, что будет означать появление нового актора на Ближнем и Среднем Востоке, влияние которого будет выходить за рамки региона и, соответственно, внесет принципиальные изменения в существующий мировой политический ландшафт»⁵⁶. Какой бы жестокой и экстремистской ни была террористическая организация «Исламское государство», пропагандисты легко представят борьбу с ней, как новый виток «крестовых походов» Запада против ислама, поставив ее в один ряд с интервенциями в Афганистане, Ираке, Йемене, Пакистане, Сомали, Ливии и Мали. Этот посыл сопровождается продолжающимися проблемами маргинализации арабской молодежи и высоким уровнем безработицы среди них как в регионе, так и в бедных районах, на периферии больших Западноевропейских городов, как, например, Париж. Более того, нельзя забывать о войне в Газе, которая хотя и не имеет сильного влияния на мнение элит, формирует общественное мнение арабских масс и питает идеи о «заговоре сионистов и крестоносцев».

Негосударственные военизированные группировки, захватившие власть в странах Ближнего Востока, продемонстрировали некоторую способность управлять государством и обеспечивать его безопасность и безопасность населения. Скажем, после переворота в Ливии исламистские военные бригады обеспечили безопасность больниц и государственных учреждений. Хамас, хотя и сконцентрирован на борьбе с Израилем, запретил пуски ракет небольшим

⁵⁶ «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад, Владикавказ, 2015, с. 32.

военизированными группировками и ограничил активность ячеек Аль-Каиды в Газе, В Сирии Хезболла сражается с ИГ и ячейкой «Аль-Каиды» - «Джебхат ан-Нусра».

Исследование корпорации РЭНД показало, что по самым скромным оценкам, количество джихадистов в регионе увеличилось с 2010 по 2013 год в три раза⁵⁷. По данным ООН на весну 2015 года, по крайней мере, 22 тыс. иностранных бойцов из более 100 стран присоединились к джихаду в Сирии и Ираке. Из них примерно 4 тыс. человек из Западной Европы⁵⁸. Принимая во внимание факт, что существуют и не учтенные бойцы, то общее число иностранцев приближается к 30 тыс. человек. Гражданская война в Сирии стала самым значимым кризисом, который мобилизовал самое больше количество исламистов и джихадистов за последние 20 лет. И хотя иностранные наемники с древнейших времен всегда участвовали в конфликтах⁵⁹, объемы и количество участвующих в войне в Сирии и Ираке наемников с 2011 года беспрецедентно в современной истории. относительный эквивалент – афганский джихад против советских солдат, который привлек за 12 лет (1980-1992 гг.) примерно 20 тыс. иностранных бойцов⁶⁰.

Активная роль сотен или тысяч граждан Европы в джихаде в Сирии и Ираке представляет еще «большую опасность»⁶¹. По оценкам аналитика Т. Хегхаммера, «угроза джихадистов для Европы и атаки возвращенцев неминуемы»⁶². Федерика Могерини Верховный Представитель ЕС по иностранным делам во время очередной Средиземноморской конференции в декабре 2015 года подчеркнула значимость южной политики ЕС, назвав Средиземное море «нашим морем», которое является «центром мира». В таком контексте, вопросы безопасности, связанные с транснациональным терроризмом,

⁵⁷ Jones S.G., A Persistent Threat, RAND Corporation, 2014, p.83.

⁵⁸ Nichols M., "Syria, Iraq a 'Finishing School' for Foreign Fighters: U.N. Report," Reuters, 31 March 2015, URL: <http://www.reuters.com/article/2015/03/31/us-mideast-crisis-islamic-state-un-idUSKBN0MR2NP20150331> (датаобращения: 31.03.2015)

⁵⁹ Malet D., Foreign Fighters: Transnational Identity in Civil Conflicts, New York: Oxford University Press, 2013, 9.

⁶⁰ Hegghammer T., "The Rise of Muslim Foreign Fighters: Islam and the Globalization of Jihad," International Security 35, no. 3, p. 61.

⁶¹ Council of the European Union, "The Challenge of Foreign Fighters and the EU's Response," 9 October 2014, URL: http://www.consilium.europa.eu/en/policies/pdf/factsheet_foreign-fighters_en.pdf (датаобращения: 10.04.2015)

⁶² Gardner F., "Europe Could Feel the Backlash from Jihadist Conflicts," BBC, 30 November 2013, URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-25155188> (датаобращения: 10.04.2015)

потоками мигрантов и перспективой постепенной «самализации» стран региона, без сомнения стали центральными для альянса.

Терроризм порождает еще одну опасность – *нарушение территориальной целостности государств*, сложившихся в начале XX века. Система Сайкс–Пико представляла собой попытку формирования национальных государств на территориях стран, переживших двойную колонизацию – османскую и европейскую, и исторически раздробленных. Сами границы новых государств формировались, если и не вполне произвольно, то зачастую под воздействием случайных факторов – результатом стал присущий арабскому политическому сознанию дефицит легитимности государств. Существование ни одного из них никогда не рассматривалось как абсолютно естественное и так или иначе в любой момент могло быть поставлено под сомнение.

Вместе с тем, регион просуществовал в этих границах почти сто лет, за которые были сформированы новые идентичности, возникли специфические политические культуры и была построена социально-экономическая инфраструктура в рамках национальных государств.

Среда безопасности южного Средиземноморья менее благоприятная – обладающая многочисленными источниками угроз и вызовов. Общества Южного и Восточного берегов переживают быстрые и неравномерные социально-экономические изменения. Фактически, все эти страны столкнулись с политическими вызовами способными изменить их долгосрочную внутреннюю и внешнюю политику.

После окончания холодной войны международные акторы не смогли выработать базовых норм нового мирового порядка, а потому, на данный момент существует три различных системы такого порядка, о чем говорил еще Г. Киссинджер в своей книге «Мировой порядок»⁶³. Россия, Китай и некоторые азиатские государства прочно привержены Вестфальской модели мироустройства и пытаются ее сохранить.

⁶³ Цит. по Суслов Д. «Мировое устройство: Quo Vadis? В поисках глобального Вестфалья». Международный дискуссионный клуб Валдай, 2016, стр.9.

В то время как США и страны Запада – союзники по НАТО – являются носителями поствестфальских принципов, обладающими правом «выступать своего рода высшим судьей в решении вопросов легитимности или нелегитимности тех или иных государств и его монополия на принятие решений по вопросам войны и мира»⁶⁴.

Средиземноморский регион в свою очередь находится в центре кризиса, нацеленного на слом вышеизложенных моделей мирового порядка, для создания нового набора базовых норм, ценностей и правил. Модель Западных стран и модель, формирующаяся на Ближнем Востоке позиционируют себя как идеальную для всего мирового сообщества, что крайне снижает эффективность международного сотрудничества.

Результатом этого кризиса, по-мнению диссертанта, могут стать два возможных сценария: 1) возвращение в Вестфальскую систему в обновленном ее виде, представляющим собой очередную трансформацию системы, после последней, связанной с крахом СССР и Югославии; 2) полный слом установившихся международных норм мирового порядка и неконтролируемая эскалация напряженности.

Уничтожение целых политических и социальных сообществ. Террористическая группировка целенаправленно проводит политику геноцида в отношении этнических групп христиан, езидов и шиитов в Сирии, Ираке и Ливии. Их действия включают казни, насилие, пытки, похищения, подрыв и разрушение религиозных монументов и сооружений и, в целом, представляют собой преступления против человечества и являются этническими чистками. С момента захвата Иракского города Мосул в 2014 году, Исламское государство планомерно уничтожает этнические группы, в том числе женщин и детей. Все акции записываются на видео и выкладываются в сети Интернет. Кроме публичных казней, террористы содержат десятки тысяч человек без еды и медикаментов и проводят аукционы по продаже рабов. Политика по истреблению этнических

⁶⁴ Там же.

меньшинств приводит к уничтожению культурного наследия древних сообществ, по сути дела к демоциду.

В результате проведенного анализа можно утверждать, что опасности, возникающие в странах Средиземноморского региона, существующие объективно, ввиду сложной ситуации в регионе, становятся угрозами странам Европы, что усугубляется внутренними противоречиями европейских стран.

Протесты, начавшиеся в «арабском мире» в 2011-2012 годах, пришлись на момент политико-социального кризиса южноевропейских обществ.

В Испании, «движение возмущенных»⁶⁵ заполнило улицы, протестуя против безработицы и требуя участия в управлении, что символично схожие с требованиями арабских протестантов. Движение «Захватить Уолл-Стрит» в США перенесло через океан требования, слышимые на Южном и Восточном берегах Средиземного моря. Аналогичные протесты прошли в Великобритании в 2011 году, закончившись погромами и столкновениями с полицией. Серия забастовок в Греции в 2010-2012 годах, связанных с долговым кризисом и жесткой монетарной политикой, привела к власти леворадикальную партию «Сириза». Уже в 2016 году прошла серия акций протеста во Франции, вызванными трудовой реформой.

На этом фоне такая угроза политической стабильности ЕС как вынужденная демографическая, экономическая миграция, и поток беженцев поставили Европу в крайне сложную ситуацию. В то время как жители Южной Европы переезжали в Западную и Северную Европу, арабская молодежь стремилась попасть в Южную Европу. Отсутствие пограничного контроля внутри Шенгенской зоны возлагает особую ответственность за контролем нелегальной миграции на страны южной периферии. Многие страны Северной Европы выражают растущую тревогу в связи с потоками мигрантов с Ближнего Востока, которые могут свободно перемещаться по зоне Шенгена. Некоторые из этих стран склонны восстановить таможенные посты.

⁶⁵ Подробнее см., например, Хенкин С. Социальные движения как конкуренты партий: случай Испании, РСМД, 2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3148#top-content (дата обращения: 12.09.2016)

В результате страны Южной Европы столкнулись с усилением и консолидацией ксенофобских движений – в Греции, например, националисты выходили на демонстрации против мигрантов. Показателен спор между Италией и Францией о судьбе нескольких сотен граждан Туниса, пытающихся пересечь границу в 2011 году – разворачивался он на фоне проводимой Францией интервенции в Ливию, оправданной необходимостью защищать ливийское население, за что многие обвиняли Францию в лицемерии.

В Германии, куда направлялось большинство беженцев и мигрантов в 2015-2016 гг., проходят акции протеста, организуемые правыми политическими партиями, такими как Пегида и Национал-демократической партией Германии. Не удовлетворенные политикой А. Меркель по приему беженцев, они требуют полностью пересмотреть внешнюю политику, а также закрыть границы.

В результате не только Южные страны Европы стали участниками Средиземноморской политики, но и север Европы, как Германия и Великобритания. Традиционно, в ЕС и НАТО именно страны лоббировали Средиземноморскую политику. Но ввиду кризиса в странах Южной Европы и их увеличивающейся слабости, Южная Европа может перестать быть мостом на Ближний Восток, а будет рассмотрена Севером как некая часть этого глобального Юга, куда входит и Ближний Восток. Граница между центром Европы и ее периферией размыта все больше и больше. Фактически, в Европе заново проявилось разделение между Севером и Югом, раскол общества по уровню благосостояния и развития⁶⁶. Как результат, Европейский проект оказался в сложном положении. Серия референдумов в ЕС, самым известным из которых стал референдум в Великобритании о выходе из состава ЕС в июне 2016 года, кардинально усилила расхождение взглядов на смысл европейского единства, несмотря на то, что Брюссель делает все возможное, чтобы скоординировать взгляды союзников.

⁶⁶ Кукарцева М.А. Философия гуманитарной безопасности и современная мировая политика / Россия и современный мир / отв. ред. Неймарк М.А. – Канон+, 2016, с. 152.

Ощущение угрозы усилено еще и тем, что страны НАТО не в состоянии оказывать продуктивное влияние на события в «арабском мире», а политика самих стран региона Средиземноморья и Ближнего Востока – давних союзников, например, США – Саудовской Аравии, Катара, Турции, Египта, часто противоречит политике Запада.

Южными соседями европейцев модель интеграции с ЕС воспринимается критически. Когда народ Туниса, Египта и других вышел на улицу, никто не размахивал европейскими флагами. И хотя многие демонстранты требовали усилить власть закона, отменить пытки и установить многопартийную систему – все они обращали внимание на то, что арабские государства должны сами развить свою собственную форму демократии, которая бы отвечала местным, культурным и религиозным особенностям. Восточным соседям ЕС, а именно Украине, Молдове и Грузии напротив перспектива вступления в союз и альянс кажется весьма привлекательной. В целом же во многом ЕС рассматривается странами Средиземноморского региона как экономический партнер. Иными словами, деньги, рынок и свобода передвижения. Но эти предложения не настолько привлекательны, чтобы для их достижения согласиться на широкие политические изменения. Финансовая помощь стран Европы уступает по размерам помощи, идущей из США или стран Залива. Например, когда МВФ в июле 2013 года отказался предоставить кредит Египту, страны ССАГПЗ⁶⁷ за несколько дней оказали Египту финансовую помощь на 9 млрд. долларов. Когда США приостановили военное сотрудничество с Египтом и сократили свою военную помощь ему, Каир обратился с предложением военного сотрудничества к России. В свою очередь, Марокко и Иордания получили предложение вступить в Совет сотрудничества стран Персидского залива.

Политика «соседства», проводимая ЕС, все меньше отвечает реалиям Средиземноморско–Ближневосточного региона, а Запад оказывает все меньше влияния на ход событий в регионе. Слабость стран Южной Европы, замкнутость

⁶⁷ССАГПЗ – Совет сотрудничества стран Персидского залива.

ЕС на внутренних проблемах, решения администрации Б. Обамы уделить больше внимания Азиатско-тихоокеанскому региона приводит к формированию многополярного пространства Средиземноморья. Внерегиональные силы – Россия, Китай, монархии Залива и др. – оказались втянуты в борьбу за политическое и экономическое влияние в геополитической значимом регионе, обладающем огромными ресурсами. Сирийский кризис становится не просто гражданской войной. Это война за новый порядок на Ближнем Востоке.

Средиземноморье уходит из-под контроля Европы, что делает геополитические линии разлома более заметными и четкими. В новом фрагментарном политическом пространстве Средиземноморья ни один актор в отдельности не может стать гегемоном, региональной сверхдержавой. Диссертант согласен с мнением экспертов клуба Валдай, критически оценивающим общий итог трансформации региона. «Переформирование региональной системы международных отношений обернулось разрушением старых и формированием новых альянсов. Ключевую роль играют негосударственные акторы, иногда преследующие собственные цели, а иногда выполняющие роль агентов внешних сил; разрушенные гражданскими войнами страны превратились в арены «войн по поручению»⁶⁸. Возрастает связь Средиземноморья XXI века с соседними регионами, такими как Сахель и Аравийский полуостров, что свидетельствует о том, что политика стран Средиземноморья стала более глобализированной, но и более плюралистичной.

В данном параграфе диссертант рассмотрел ось безопасности НАТО – Юго-Восточное Средиземноморье, и ключевые параметры обеспечения этой безопасности. Было показано, что опасности региона, а именно: терроризм, борьба за ресурсы, нарушение территориальной целостности государств и уничтожение целых социальных и политических общностей становятся угрозами не только для Европы, но и для всей Вестфальской системы международных отношений, построенной на принципе суверенных государств и невмешательстве

⁶⁸ Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности/Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016, с.2.

во внутренние дела. Это существенно меняет природу среды безопасности Средиземноморского региона. Она становится текуча, а ее основные элементы – взаимозависимыми и дополнительными. Две взаимосвязанные тенденции начала XXI века – глобализация Средиземноморья и ослабление арабских государств Северной Африки и Ближнего Востока – кардинально перестраивают структуру Средиземноморской безопасности. НАТО, как военно-политической организации, объединяющей страны Запада в регионе Средиземноморья, потенциально является единственным игроком, обладающим потенциалом для решения поставленных задач и сохранения Вестфальской системы мирового порядка. Альянс пытается оказывать влияние на все страны региона, сделав систему безопасности НАТО-центричной. Но как показывает анализ, НАТО оказывается не способна справиться с вышеуказанными задачами.

§ 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ НАТО В РЕГИОНЕ

После окончания холодной войны Североатлантический альянс начал новую политику за пределами своей зоны ответственности. Президент России В.В. Путин так характеризует политику стран альянса в тот период: «Однако, посчитав себя победителями в «холодной войне», –некоторые страны предпочли просто начать «перелицовывать» мировой политический и экономический порядок под себя, под свои интересы. Находясь в явной эйфории, они по сути отказались от содержательного, равноправного диалога с другими участниками международной жизни, предпочли не создавать и совершенствовать универсальные институты, а попытались распространить на весь мир действие своих собственных структур, норм и правил, пошли по пути глобализации и безопасности «для себя, любимых», для избранных, а не для всех. Оказалось, что далеко не все с этим согласны»⁶⁹.

Процесс трансформации НАТО начался еще до распада Советского Союза и до сих пор не завершен – превращение военно-политического альянса коллективной обороны в новую организацию, которая занимается множеством проблем международной безопасности, уделяя ключевое внимание ее политическому аспекту.

Сама трансформация была бы невозможна без изменения основополагающих принципов альянса (см. Приложение №2). Именно в 1991 году на саммите в Риме страны-члены блока одобрили первую опубликованную для широкого доступа Стратегическую концепцию НАТО⁷⁰. Впервые НАТО стали рассматривать вопросы безопасности в контексте плюрализма угроз и вызовов современного мира. «Единая, массивная и потенциально непосредственная угроза альянсу, которая была нашей принципиальной заботой на протяжении 40 лет исчезла... теперь, риски совместной безопасности являются многогранными по

⁶⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Официальный сайт Президента России, 27.11.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата обращения: 15.12.2016)

⁷⁰ Стратегическая концепция НАТО 1991 г. URL: <http://www.nato.int/docu/basics.htm> (дата обращения: 05.12.2013)

природе, многосторонними и труднопредсказуемыми... Эти риски – результат неблагоприятных последствий нестабильности, с которыми сталкиваются страны Центральной и Восточной Европы»⁷¹. Радикальным изменением стало появление целого ряда новых вызовов, с которыми сталкивается НАТО – начиная от нераспространения ОМУ, до террористических атак. Тогда же появляется особый акцент на политическом сотрудничестве и диалоге, как важных средств для предупреждения войны, продвижения эффективной защиты и, в целом, достижения целей военной политики.

Появилось и упоминание значимости для альянса региона Средиземноморья. Именно исчезновение главной заботы и одновременно «смысла существования» НАТО, приведшие к своего рода кризису идентичности, позволили ей обратить внимание на «арабский мир». Стратегическая концепция подчеркивала важность стабильности и мира в странах южной границы Европы для безопасности альянса. Война в Заливе в 1991 году подтвердила истинность этих заявлений. Конкретные упоминания региона есть в параграфе 11 Концепции 1991 г. – «союзники намерены поддерживать мирные и не враждебные отношения с Южным Средиземноморьем и Ближним Востоком»⁷². Одновременно в документе есть указание на милитаризованность региона и распространение военных технологий, которые могут представлять угрозу странам-членам⁷³.

И хотя США всячески старались подтолкнуть НАТО к распространению своего влияния за пределы ее зоны ответственности, а именно, на территорию Персидского залива, их усилия не увенчались успехом и цели Концепции остались декларативны.

Опыт первой Войны в Заливе 1990-1991 гг. омрачил представления альянса о регионе. Фактически, приоритет для обеспечения безопасности альянса, который сейчас имеет Ближний Восток берет свое начало именно в те годы – НАТО определила, что все глобальные угрозы ее интересам исходили и до сих

⁷¹Там же, пар. 5, 8, 9.

⁷²Там же, пар. 11.

⁷³Там же.

пор исходят из турбулентного региона Ближнего Востока⁷⁴. В то время, угрозы фундаментализма и терроризма не были в фокусе внимания организации. Лишь позже проблемы Ближнего Востока станут синонимом терроризма.

Широкое понимание безопасности, зафиксированное в документе⁷⁵, заставило страны-члены альянса подтвердить необходимость сохранять гибкость в ответе организации на любые изменения военно-политической ситуации. Стратегическая концепция 1991 года устанавливает рабочую стратегию, строящуюся на трех столпах – диалоге, сотрудничестве и поддержании потенциала коллективной обороны. Именно использование этих элементов по замыслу организации поможет справиться с появляющимися вызовами и рисками и предотвратить их⁷⁶. Эта же Стратегическая концепция 1991 года инициировала новое направление политики НАТО – интерпретация альянса как, в первую очередь, политической организации. Среди прочего в документе было подчеркнуто признание необходимости отвечать на вызовы, идущие из глобального Юга, включая последствия первой Войны в Заливе. Все эти положения были развиты и в последующих документах альянса, принятых на протяжении 1990-ых годов⁷⁷.

К концу второго тысячелетия – в 1999 году – в год 50-летия НАТО, альянс принял новую стратегическую концепцию, которая стала поворотным пунктом в истории блока и способствовала его дальнейшей трансформации, эта концепция акцентировала принцип сотрудничества вместо принципа конфронтации и идеологическим конфликтов.

В Стратегии 1999 года пересмотрены, дополнены и разработаны новые модели сотрудничества, такие как программа «Партнерство ради мира», диалоги и некоторые направляющие принципы политики альянса – такие как

⁷⁴Там же, пар. 12.

⁷⁵Там же, пар.iv.

⁷⁶Римская декларация 1990 г., пар. 4.
http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23846.htm?selectedLocale=en (URL: 05.12.2013).

⁷⁷ См. декларации саммитов в Брюсселе в 1994 г. и Париже в 1997 г.

предотвращение конфликтов, кризисное регулирование и контроль над вооружениями.

Базовые положения Стратегической концепции 1999 г. можно суммировать следующим образом:

Во-первых, хотя угроза войны в Европе или против альянса исчезла, появились новые угрозы интересам альянса. Они включают: этнические конфликты, нарушения прав человека, политическую нестабильность, экономическую слабость, которая может привести к нестабильности в обществе, распространение ОМУ и средств доставки, угрозы терроризма⁷⁸. В связи с тем, что источники этих угроз, различны по характеру и содержанию, то альянс для ответа на них вынужден расширить масштаб, юрисдикцию своей деятельности, и зону ответственности, превратившись из организации по коллективной обороне стран Евро-атлантического региона в организацию глобальной безопасности, готовую сдерживать врагов и справляться с разнообразными рисками. При этом союзники не стали устанавливать единую процедуру ответа на эти угрозы с помощью, например, привязки их к положениям статьи 5 Вашингтонского договора, но ограничились политикой рассмотрения каждого из рисков отдельно в каждом конкретном случае⁷⁹.

Во-вторых, дальнейшее развитие европейской политики безопасности будет проходить в рамках принципов, согласованных в Берлине в 1996 году. Согласно им Европейские союзники смогут принять расширенное участие в деятельности и в миссиях альянса⁸⁰.

В-третьих, альянсу необходимо поддерживать военные возможности ответа на угрозы, что подразумевает весь спектр возможностей – от коллективной обороны до кризисного реагирования⁸¹. Стратеги альянса признали, что будущие операции блок будет проводить не на территории стран-членов, что потребует участия в этих операциях партнеров альянса наравне со его странами-членами, а

⁷⁸Римская декларация 1990 г., пар. 3.

⁷⁹Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации / В.В. Штоль // М.: Научная книга, 2003, с. 173.

⁸⁰Римская декларация 1990 г., пар.18.

⁸¹Там же, пар. 10, 19.

это делает необходимым координацию и достижение оперативной совместимости. Поэтому НАТО запустила Инициативу оборонного потенциала – она позволила бы подготовить силы альянса к сдерживанию враждебных действий в XXI веке, в частности с помощью усиления мобильности, устойчивости, гибкости и единым система коммуникации и наблюдения.

Такие изменения в политике стали доказательством того, что альянс намерен защищать интересы стран-членов где бы и когда бы это было необходимо. Это поворот доктрины НАТО, превратил ее из «оборонного» блока в «оборонный и наступательный».

Важно заметить, при этом, что приверженность принципам международного права и роли ООН прописана в Концепции 1999 г. и установила границы будущих маневров альянса. Другими словами, упоминание ООН как точки отсчета деятельности НАТО означает, что альянс не стремился брать на себя право решать, когда и где проводить военные операции, кроме как с разрешения международного сообщества.⁸²

В-четвертых, в документе была подчеркнута значимость предполагаемой роли НАТО в предупреждении конфликтов и кризисном регулировании, что подчеркивало именно политическую роль альянса⁸³. Такой акцент на том, что НАТО является «политико-оборонной» организацией должен был задрапировать военная природа и структуру НАТО⁸⁴.

В-пятых, основные инструменты для налаживания сотрудничества с партнерами – механизмы партнерства: «Партнерство ради мира», Евро-атлантический совет партнерства, особые отношения с Россией и Украиной и «Средиземноморский диалог»⁸⁵. Значимость Ближнего Востока в то время была ограничена лишь странами Южного Средиземноморья и станет приоритетом номер один для альянса лишь после терактов 11 сентября 2001 г.

⁸²Стратегическая концепция 1999 г., пар. 10.

⁸³Там же, пар. 10, 12, 16, 29, 31, 34, 41.

⁸⁴ Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО//М., Научная книга, 2007.

⁸⁵Стратегическая концепция 1999 г., пар. 12.

Наконец, в-шестых, Стратегическая концепция 1999 г. демонстрировала усиление контроля над вооружениями, разоружением и не распространением ОМУ.

Однако Концепция 1999 года оставляла неясным будут ли достигнуты вышеперечисленные цели с помощью силовых и принудительных средств или же с помощью убеждения.

Можно полагать, что Стратегическая концепция 1999 года являлась классическим компромиссным документом, который должен был скрыть и сгладить различия в подходах и политиках союзников и который потом можно было бы интерпретировать согласно наличной политической целесообразности. В документе подчеркнуто стремление усилить роль альянса в мире и необходимость действовать в рамках международного права. Баланс, который был достигнут, можно описать как «конструктивная двусмысленность». Однако нововведения усиливали потенциальные возможности НАТО вмешиваться во все события, где бы и когда бы то ни было необходимо. Политический аналитик центра Карнеги Ч. Кегли предполагает в связи с этим, что «либералы стремились избавиться от жесткой политики баланса сил к политике, где одна организация функционирует на основе того принципа, что угроза миру является общей угрозой для всех»⁸⁶.

Обе Концепции 1991 и 1999 гг. стали основой и проложили дорогу для процесса кардинальной трансформации альянса. Эти усилия были интенсифицированы после событий 11 сентября 2001 года. НАТО получила возможность доказать свою значимость и незаменимость в обеспечении безопасности Евро-атлантического региона. Аналитик Атлантического совета М. Накис указывает, что именно атаки 11 сентября положили начало истории «новой НАТО» и эта история может затянуться на срок, схожий по длине с Холодной войной⁸⁷.

⁸⁶ Kegley, C. World Politics: Trend and Transformation. Florence: KY: Wadsworth Cengage Learning, 2009, p.34.

⁸⁷ Nakic, M. 'The United States and NATO: How to Go Together', in Cehulic, L. (ed.) NATO and the New International Relations. Zagreb: Atlantic Council of Croatia and Political Culture, 2004, p.76.

На саммитах после 11 сентября – в Праге в 2002 году, в Стамбуле в 2004 году и в Риге в 2006 году – союзники обнаружили стремление ускорить процесс трансформации альянса и усилить его способности справляться с новыми вызовами и угрозами в изменяющемся мире, и в первую очередь бороться с терроризмом.

В декларации по итогам саммита в Праге в 2002 году – первом очередном саммите альянса после атак – терроризм попал в число главных приоритетов НАТО. Для многих это звучало как оправдание дальнейшего функционирования блока – учитывая внешние угрозы безопасности Евро-атлантического сообщества, альянс становился «союзом по необходимости»⁸⁸. В параграфе 4 Пражской декларации указывалось, что «терроризм представляет собой растущую угрозу населению стран-членов альянса, их силам и территории, а также международной безопасности в целом; [альянс] намерен бороться с этим бедствием так долго, как необходимо»⁸⁹.

Союзники решили, что их ответ терроризму должен быть многогранным и целостным. Именно тогда и были созданы Силы реагирования НАТО (СРН)⁹⁰ – включающие технологически улучшенные, гибкие, устойчивые и операционно-совместимые силы, включающие наземные, морские и воздушные элементы, готовые быстро развернуться там, где прикажет Совет. Во-первых, они будут являться силами быстрой боеготовности, для реализации всего спектра задач альянса; а, во-вторых, они помогут улучшить военный потенциал НАТО, для ответа на изменяющиеся вызовы безопасности.

К 2006 году СРН достигли полного операционного потенциала⁹¹. Использование этих сил, которое, в сущности, не может быть отделено от готовности альянса бороться с терроризмом или любым государством

⁸⁸ Cornish, P. Partnership in Crisis: The US, Europe and the Fall and Rise of NATO London: Royal Institute of International Affairs, 1997, p.117.

⁸⁹ Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г., пар. 4. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19552.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.12.2013).

⁹⁰ Там же, пар. 4 (а).

⁹¹ NATO Response Force. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 10.12.2013)

спонсирующим или дающим убежище террористам, не будет связано – или намеренно будет избегать связи – с соображениями международной законности или международного права. Они будут использованы, так, «как решит Совет»⁹². Операции этих сил не ограничены зоной ответственности НАТО, и они могут быть использованы в любой точке земного шара, что является, в этой связи, важным событием. Создание этих сил также подтверждает необходимость превосходства потенциала НАТО над любыми другими военными силами в мире. Аналитики «мозгового центра» Атлантический совет Л. Кехулик связывает создание СРН с желанием США ограничить растущую роль Европейской оборонной политики в рамках НАТО и предоставить альянсу эффективный инструмент, который можно было бы использовать на международном уровне⁹³.

На саммите 2006 г. в Риге было объявлено, что «СРН служит катализатором для трансформации и совместимости и позволит повысить качество вооруженных сил не только в НАТО, но и в ЕС, ООН и на национальном уровне»⁹⁴. Это стало попыткой интернационализировать цели и задачи СРН. Продолжающееся развитие боеготовности НАТО согласуется с либеральным институционализмом, так как отражает готовность использовать силу для защиты интересов либеральных обществ. Между тем, либеральный институционализм не поощряет использование силы, где бы ни решил альянс, без мандата ООН и международного одобрения. Тут виден реалистичный подход, ведь после атак 2001 года стратеги альянса решили, что для того, чтобы эффективно ответить на вызовы хаоса и жестокости терроризма, им необходимо самостоятельно определять, где и когда применять силу.

В качестве ответа на растущие угрозы с Ближнего Востока в декларации Рижского саммита союзники решили «изучить возможности ответа на растущую угрозу ОМУ для территории альянса, его сил и населения с помощью

⁹² Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г., пар. 4 (а).

⁹³ Cehulic, L. (ed.) 'NATO – the New Model of Relations', in NATO and New International Relations. Zagreb: Atlantic Council of Croatia, Publishing and Research Institute, 2004, p.71.

⁹⁴ Декларация по итогам саммита в Риге 2006 г., пар. 23. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_37920.htm?selectedLocale=en. (дата обращения: 13.12.2013)

необходимого сочетания политических и оборонных усилий, а также сдерживания»⁹⁵.

Стамбульский саммит 2004 года стал первым очередным саммитом после начала Иракской операции. Он подчеркнул приверженность союзников сдерживать вызовы и угрозы наилучшими, на их взгляд, средствами. Саммит стал чрезвычайно важным в процессе эволюции альянса и трансформации механизмов его деятельности. На саммите, было уделено особое внимание Терроризму в частности, в связи с взрывами в Мадриде и Стамбуле за несколько месяцев до этого. Именно эти атаки снова сплотили союзников, помогли им преодолеть противоречия, возникшие после начала Иракской войны 2003 года.

В итоге, на саммите в Стамбуле союзники решили расширить зону своих интересов, а также объем операций альянса, инициировать новый этап трансформации альянса и укрепить существующие отношения с значимыми странами в регионе Ближнего Востока. В частности, было указано, что союзники «готовы продолжить борьбу с терроризмом во всех его формах, в соответствии с международным правом и принципами ООН»⁹⁶. Между тем, в том же параграфе звучит весьма двусмысленная фраза: «защита от терроризма может включать действия вооруженных сил НАТО, на основе решений Североатлантического совета, чтобы сдерживать, сорвать и защититься от террористических атак или угроз атак, нацеленных из заграницы, против населения, территории, инфраструктуры и сил любой стран-членов альянса»⁹⁷. Такая формулировка полностью аннулировала предыдущую отсылку к международному праву и принципам ООН, так как постулировано, что «оборонные решения будут приняты Североатлантическим советом», а не санкционированы Советом Безопасности. Кроме того, необходимо понимать, что «оборона» иногда требует, как это указано в стратегии национальной безопасности США 2002 года⁹⁸, предвосхищения и превентивного

⁹⁵Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г., пар. 4 (g).

⁹⁶КоммюникепоитогамсаммитавСтамбуле 2004 г., пар. 13.

⁹⁷Тамже, пар.13.

⁹⁸См. например, The 2002 national security strategy of the United States of America. URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html> (дата обращения: 17.12.2013)

удара по источнику угроз. Таким образом, НАТО оставила себе право игнорировать нормы международного права в условиях неизбежной угрозы.

В этой же декларации впервые появляется четкая связь и корреляция между угрозой терроризма и регионом Ближнего Востока: «операция НАТО «Эктив Индевор» демонстрирует решимость и способность альянса бороться с терроризмом»⁹⁹, учитывая, что в 2004 году операция была распространена на всю территорию Средиземного моря. Следует заметить, что, хотя некоторые страны «Средиземноморского диалога» и сотрудничают с НАТО в рамках этой операции, международных санкций на такой мониторинг не было. Одновременно было подчеркнуто, что наступил новый этап сотрудничества НАТО и стран Ближнего Востока – партнерство расширяется на весь Большой Ближний Восток через Стамбульскую инициативу сотрудничества. Кроме того, в Стамбульской декларации было подчеркнуто, что наступило самое подходящее время для разрешения проблемы ОМУ, способных достичь территории союзников¹⁰⁰.

Произошли изменения и в отношениях между НАТО и ЕС в рамках пакета соглашений «Берлин плюс»¹⁰¹ – НАТО получала приоритет в вопросах безопасности и обороны, а ЕС могла использовать свои вооруженные силы там, где альянс не был заинтересован участвовать. Союзники согласились предоставить странам-партнерам больше влияния, чтобы увеличить их участие в операциях альянса и разрешили участвовать в процессе принятия решений. Особое внимание уделялось партнерствам НАТО еще на саммите в 2006 году в Риге: «политика партнерства, диалога и сотрудничества чрезвычайно важна для целей и задач альянса. Партнерства НАТО обладают непреходящей ценностью, способствуя стабильности и безопасности Евро-атлантического региона и за его пределами. 18 стран не членов альянса внесли свой вклад и оказали поддержку операциям и миссиям НАТО»¹⁰².

⁹⁹КоммюникепоитогамамсаммитавСтамбуле 2004 г., пар. 10.

¹⁰⁰Там же, пар.19.

¹⁰¹Там же, пар.26.

¹⁰²Декларация по итогам саммита в Риге 2006 г., пар. 11. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_37920.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.12.2013)

Тогда же на заседании Североатлантического совета был поставлен вопрос об увеличении способности альянса предоставлять практические советы, содействие в вопросах безопасности и оборонных реформ в регионах, имеющих важное значение для блока¹⁰³.

Официально идея геополитического расширения деятельности альянса впервые была зафиксирована в заявлении по итогам встречи НАТО в верхах в Бухаресте в 2008 г.: «При принятии Североатлантическим советом соответствующего решения эти силы (Силы реагирования НАТО) должны быть способны к ведению действий по коллективной обороне и реагированию на кризисы в зоне ответственности альянса и за ее пределами, т.е. на ее периферии и на стратегическом удалении, при незначительной поддержке принимающей стороны или в отсутствие такой поддержки»¹⁰⁴.

Окончательное же оформление идея альянса, который будет действовать глобально получила на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г. Она была закреплена в очередной Стратегической концепции НАТО – «Активное участие, современная оборона». В данной Концепции были сформулированы три важнейшие задачи НАТО – коллективная оборона, кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества. Определение среды безопасности, данное в параграфах 7-15, указывает на глобальное видение мировых проблем безопасности: «Многие регионы и страны во всем мире являются свидетелями наращивания современного военного потенциала», в частности, имеются ввиду все виды ОМУ и средств доставки, и ввиду этого, «нестабильность или конфликт за пределами границ НАТО могут напрямую угрожать безопасности Североатлантического союза»¹⁰⁵. Таким образом, Концепция 2010 г. завершала эволюцию альянса от регионального оборонительного блока в международной организации, сфокусированной на решении глобальных проблем: «НАТО обеспечит оборону

¹⁰³Там же, пар.12.

¹⁰⁴Заявление по итогам саммита в Бухаресте. НАТО. 03.04.2008. URL:<http://www.nato.int/docu/other/ru/pr/2008/p08-049r.html> (дата обращения: 12.12.2013)

¹⁰⁵ См. Стратегическая концепция 2010 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.01.2014)

своих стран-членов, развернет мощные военные силы, тогда и где это окажется необходимым для обеспечения безопасности»¹⁰⁶.

Обновленная стратегия и политика альянса имела значительное влияние на Средиземноморский регион, хотя программа партнерства – Средиземноморский диалог – была упомянута в этом документе лишь в параграфе 35¹⁰⁷. Борьба с терроризмом получает еще больший приоритет в современной повестке дня альянса – данный вызов международной безопасности переходит в раздел «прямых угроз».

В докладе «группы мудрецов», «НАТО 2020: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие»¹⁰⁸ возглавляемой М. Олбрайт», и выпущенном за полгода до саммита в Лиссабоне, большое место уделено программе партнерств. Именно поэтому, в новой Стратегической концепции НАТО кооперативная безопасность получила место «ключевой задачи». Кроме того, в самой декларации по итогам саммита партнерства были в фокусе внимание¹⁰⁹, ведь НАТО вступила в «новую эру партнерств»¹¹⁰. Было заявлено о намерении развивать «более эффективную и гибкую партнерскую политику» на апрельском саммите на уровне министров иностранных дел в Берлине в 2011 году.¹¹¹

Глобализация подхода к партнерствам становится частью общей глобализации деятельности НАТО. Блок провозгласил развитие нового функционального принципа партнерских отношений, который подразумевает выстраивание сотрудничества со странами, в зависимости от их роли в практических операциях альянса. на смену географическому принципу, делившему партнеров по регионам, пришел функциональный – он подчеркнул

¹⁰⁶Там же, введение.

¹⁰⁷Там же

¹⁰⁸ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement, Brussels: NATO Public Diplomacy Division, May 2010, URL: www.nato.int/strategicconcept/expertsreport.pdf (датаобращения: 17.01.2014)

¹⁰⁹Декларация по итогам саммита в Лиссабоне 2010 г., URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_688828.htm?mode=pressrelease (датаобращения: 15.12.2013)

¹¹⁰ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement, пар. 10.

¹¹¹Декларация по итогам саммита в Лиссабоне 2010 г., пар. 27.

намерение альянса «развивать существующие форматы партнерства с учетом их специфики»¹¹².

В апреле 2011 г. на министерской встрече в Берлине новая политика сотрудничества с партнерами Североатлантического альянса была одобрена и получила общее название «Политика для более эффективного и гибкого партнерства»¹¹³. Все партнерские отношения стали проводиться в рамках единой политики, где НАТО становится хабом средоточия сил для будущих операций альянса. Новая партнерская политика должна была стереть различие между разными видами партнерств. Хотя особенности каждого партнерства должны оставаться политически значимыми, НАТО смогла управлять ресурсом партнерства в соответствии с новыми политическими приоритетами и выйти за пределы существующих программ, которые до этого связывали ее бюрократическими процедурами. Унификация разных программ партнерства может быть не чем иным, как стремлением в будущем устанавливать партнерские отношения с любой страной мира, без необходимости привязывать ее к интересам исторической зоны ответственности НАТО.

Другое важное изменение политики партнерства – ее гибкость. Более альянс не считал себя скованным установленными рамками каждой отдельной программы и мог устанавливать объем и формат сотрудничества в каждом отдельном случае. Реформа также предполагала более структурированную роль для партнеров, участвующих в операциях НАТО. Между тем, уже действующие региональные форумы продолжали свое функционирование. Закрытие их могло повлечь сильную политическую реакцию сторонников.

Влияние, которое данные изменения принесли в политику НАТО на Ближнем Востоке значительно. Трансформация подхода к сотрудничеству укрепляла двусторонние взаимоотношения на основе индивидуальных программ партнерства. Гибкие форматы должны поощрять большее сотрудничество НАТО

¹¹² Active Engagement in Cooperative Security: A More Efficient and Flexible Partnership Policy, April 15, 2011, URL: www.nato.int/nato_static/assets/pdf/ (датаобращения: 24.01.2014)

¹¹³ Ibid.

и партнеров как индивидуально, так и в рамках уже существующих программ¹¹⁴. В целом, Ближний Восток и особый интерес НАТО к нему все чаще появляется в заявлениях высших должностных лиц организации¹¹⁵.

Особого внимания заслуживает очередное укрепление сотрудничества НАТО и ЕС. Принимая во внимание, что Президент Франции Н. Саркози восстановил участие его страны в военных структурах НАТО, и как результат, именно Средиземноморский регион – традиционная сфера влияния Франции – стал территорией укрепления сотрудничества НАТО-ЕС. Военный и оборонный потенциал НАТО был соединен в этом регионе с экономическими и социальными возможностями ЕС. Кроме того, опыт Общей политики безопасности и обороны (сегодня – Общей внешней политики и политики безопасности – ОВППО) на Западных Балканах и в Палестине помог укрепить военное сотрудничество с НАТО в регионе. Такие нововведения открыли дорогу для укрепления позиций НАТО в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока, а также возможных будущих операций, которые она могла бы проводить вместе с партнерами. И уже в 2011 году НАТО использовала свои новые возможности в ходе интервенции в Ливии.

Саммит альянса в Чикаго в 2012 году вновь подчеркнул особое внимание НАТО к региону – теперь в связи с разгорающимися революциями по всему Ближнему Востоку и в особенности из-за крупномасштабной военной операции альянса в Ливии. Ливийская кампания, при всей ее критике мировой общественностью, должна была стать примером будущих военных операций НАТО, и в частности, благодаря тому вкладу, который внесли партнеры. Партнерства, в целом, занимали важное место на саммите в Чикаго, а в Чикагской декларации термин «партнерства» был употреблен 31 раз.

Кроме того, Североатлантический совет провел отдельное заседание с участием тех партнеров, которые оказали наибольшее содействие операциям

¹¹⁴ De Santis N., "NATO's Outreach to and Cooperation with Mediterranean Countries through the Mediterranean Dialogue," in IEMed Mediterranean Yearbook Med.2010, IEMed, Barcelona, pp. 139-143;

¹¹⁵ См., например, речь Генерального секретаря НАТО на конференции по Публичной дипломатии НАТО-Иордании «NATO, the Mediterranean and the broader Middle East region», Амман, 2010.

блока и три из них – арабские страны. Были приглашены 13 стран: Австралия, Австрия, Грузия, Иордания, Катар, Новая Зеландия, Марокко, ОАЭ, Швеция, Швейцария, Финляндия, Республика Корея и Япония.

На последовавшем за ним саммите НАТО в Ньюпорте в 2014 году, хотя повестка дня и была сфокусирована преимущественно на конфронтации с Россией¹¹⁶, растущая нестабильность Ближнего Востока, вновь оказалась в центре внимания альянса. Связано это было с продолжающейся гражданской войной в Сирии, активизацией джихадистских группировок по всему региону, в особенности, угроза, которую представляет самопровозглашенное террористическое государство «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГ, ИГИЛ), дезинтеграция Ливии, гражданская война в Йемене. Между тем, в итоговых документах саммите в Ньюпорте, НАТО лишь подтвердила свою приверженность партнерам в регионе и высказала готовность оказать всем сторонам политическую и консультативную поддержку¹¹⁷.

Волна беженцев, пересекающих Средиземное море в поисках убежища в Европе, хотя вызвала гуманитарный кризис, представляющим риски безопасности и стабильности Европы, не стала непосредственной заботой НАТО. Лишь через год, решением саммита министров обороны альянса силы Военно-морского командования НАТО были направлены на помощь беженцам, что является для НАТО совершенно нехарактерной операцией¹¹⁸. С момента окончания Холодной войны, данные силы, обладающие всем комплексом средств разведки, наблюдения и рекогносцировки, были использованы для охраны, эскорта, сдерживания и патрулирования, но никак не гуманитарных операций. Все это позволяет предположить, что на данный момент их реальная их цель – сдерживание России, которая в тот период стала активно участвовать в разрешении конфликта в Сирии и Восточном Средиземноморье.

¹¹⁶Декларация по итогам саммита в Уэльсе 2014 г.URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 15.08.2014)

¹¹⁷Там же, пар. 34.

¹¹⁸NATO Defence Ministers Agree on NATO support to assist with the Refugee and Migrant Crisis, February 2016, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127981.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 14.03.2016)

Южный аспект стратегии НАТО стал одним из ключевых на повестке дня саммита в Варшаве в 2016 году. Средиземноморская безопасность стала насущной проблемой в свете рисков, исходящих из Северной Африки и Леванта¹¹⁹. Терроризм, самопровозглашенное террористическое «Исламское государство» (ИГИЛ) и Аль-Каида, чьи базы расположены в Ираке, Сирии, Ливии и Сахеле являются сегодня наиболее актуальными угрозами. Не прекращающийся поток беженцев и мигрантов через Средиземное море порождает большое количество гуманитарных рисков¹²⁰. Продолжающаяся гражданская война в Сирии и война международной коалиции против ИГИЛ ставят вопрос о применении положений статьи 5 Вашингтонского договора, ведь появляется непосредственная угроза территории Турции – страны-члена НАТО. И хотя данные угрозы несут прямую угрозу территории и населению альянса, борьба с международным терроризмом проходит в рамках Международной коалиции, возглавляемой США, а не в рамках блока. Одно из наиболее важных решений саммита в Варшаве – предоставление самолетов класса AWACS иракскому правительству, для лучшего наблюдения территорий Ирака и Сирии и лучшей борьбы с международным терроризмом¹²¹. Опять же, такой шаг может быть связан не только со стремлением справиться с источником международной напряженности, но и с желанием сдерживать влияние России в регионе, которая продолжает тесное военное сотрудничество с правительством Сирии и Ирана для борьбы с ИГИЛ.

Трансформация НАТО после окончания Холодной войны была значительной и фундаментальной. Результатами этого была максимизация сил НАТО, расширение ее состава и глобализация ее роли. Альянс более нельзя рассматривать как географически ограниченный оборонительный блок – его цели включают теперь как оборонительные, так и наступательные задачи.

¹¹⁹ Lesser I. NATO looks South. GMF. 2016. URL: <http://www.gmfus.org/blog/2016/02/16/natos-aegean-deployment-shape-things-come> (дата обращения: 04.06.2016)

¹²⁰ NATO Defence Ministers Agree on NATO support to assist with the Refugee and Migrant Crisis, February 2016, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127981.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 14.03.2016)

¹²¹ Коммюнике по итогам саммита в Варшаве 2016 г., пар. 96.

Необходимо подчеркнуть, что НАТО декларирует «военную трансформацию как долгосрочную задачу для достижения альянсом потенциала для борьбы с угрозами, которые представляют *«терроризм, несостоявшиеся государства и распространение ОМУ»*¹²². Эти три угрозы становятся новым «смыслом существования» альянса в XXI веке после почти десятилетия попыток его нахождения.

Без сомнения, регион Средиземноморья и Ближнего Востока в XXI в. стал одним из главных приоритетов НАТО по многим причинам: Ближний Восток ближайшая периферия Европы; Ближний Восток является источником всех тех угроз, которые стали ключевыми для блока. С целью справиться с проблемами безопасности, альянсу необходимо было выработать новый подход к региону. «Трансформировавшийся» блок обладает целым набором инструментов – политических, военных и оборонных – для своей политики в регионе. НАТО стремится утвердить свое влияние в регионе, установить стратегическое партнерство с рядом стран и, таким образом, влиять на изменение военно-политической среды Ближнего Востока. НАТО уделяет огромное внимание вопросам кризисного регулирования и, так называемым, угрозам не статьи 5, т.е. угрозам, которые не предполагают прямой атаки на территорию альянса.

Страны-члены альянса – большинство из них – поставили своей целью превратить блок в глобального полицейского, даже если они этого и не заявляют в открытую. НАТО стало усовершенствованным инструментом, с помощью которого союзники пытались насадить изменения в регионе Ближнего Востока.

¹²²Examining NATO's military transformation.URL: <http://www.nato.int/docu/update/2002/10-october/e1016a.htm> (датаобращения: 25.02.2014)

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ НАТО В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

§ 4. «ИНИЦИАТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА» В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Влияние кризисов Юго-Восточного Средиземноморья на торговлю, инвестиции, доверие и уверенность международного сообщества в планетной безопасности огромно¹²³. В результате этих кризисов разделительная черта между безопасностью Ближнего Востока и безопасностью всего Средиземноморья становится размытой. Растущая взаимозависимость Севера и Юга требует нахождения адекватных институциональных и политических форм реализации полномасштабного политического диалога и сотрудничества.

Рассмотренная в предыдущей главе динамика среды безопасности обнаруживает, что нестабильность свойственна всем без исключения государствам Средиземноморского региона. Это указывает на то, что, региональное сотрудничество и восстановление доверия помогут преодолеть традиционные противоречия среди стран Средиземноморья и дадут старт формированию единой системы региональной безопасности.

В связи с этим за последние десятилетия появились как страновые, региональные и международные инициативы сотрудничества.

К *страновым* относятся три модели безопасности, сформулированные региона с точки зрения арабских стран¹²⁴. Первая – идеалистическая – не отличается от представлений Запада о Средиземноморье как проблемной зоне. Вторая – кооперативная или совместная – где выход из кризиса может быть найден только в сотрудничестве с Западом. Третья – отвергающая или радикальная – видит угрозы Средиземноморью исключительно с Севера и от Западных стран. Проблема, однако, не в самом Средиземноморье. Последняя модель видит три главные угрозы: физическая угроза; угроза от соперничества

¹²³ Кукарцева М.А. «Забытые» конфликты в фокусе современности // Современный мир и геополитика / отв. ред. Неймарк М.А. – Канон+, 2015, с. 182.

¹²⁴ Абд Аль-Фаттах Аль-Бизем, директор Института Аль-Фатх Аль-Исламий (г. Дамаск). Глобализация. Взгляд с Востока // Выступление на конференции «Мусульманские страны в изменяющемся мире» (22-25 марта 2004 г.) МГИМО(У) МИД РФ. М., 2004.

Западных стран, которые подогревают конфликты в Средиземноморье; и культурная угроза – распространение Западных ценностей.

Большое количество страновых инициатив в Средиземноморье связано с рядом геополитических факторов:

Во-первых, большое количество ключевых игроков региона, придерживающихся своих целей и соответствующих предпочтений в двустороннем и многостороннем сотрудничестве.

Во-вторых, продолжающийся процесс европейской интеграции. Созданные под эгидой ЕС инициативы отражают состояние дел в сфере безопасности на Северном берегу.

В-третьих, Средиземноморские инициативы по безопасности учитывают бесчисленные нюансы внешних отношений и интересов европейских стран.

В-четвертых, некоторые европейские страны рассматривают Средиземноморье и своих южных соседей как историческую зону влияния. К примеру, Испания рассматривает Средиземноморскую политику как значительную часть своей внешнеполитической стратегии, ввиду чего представляет себя ключевым участником инициатив и лидером региона.

В-пятых, фрагментация, которая традиционно характеризует Южный берег Средиземного моря. Политические и социо-экономические реалии, включая форму правления и цели внешней политики, различаются от страны к стране. А недостаток крепких отношений между ними становится преградой для развития эффективных многонациональных инициатив¹²⁵.

Фрагментация региона происходит по ряду причин: страны, расположенные на берегах Средиземного моря чаще всего, не являются центрами культурной и политической идентичности. Таким образом, Средиземноморье становится не центром, самым по себе, а лишь краем многих цивилизаций. Частично, ввиду вышеописанного фактора, Средиземноморские страны не разделяют общую идею относительно такого понятия международных

¹²⁵ Азатян В. В., Ткаченко А. А. Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки. М. Изд. Института изучения Израиля и Ближнего Востока совместно с Институтом Африки РАН. 2000.

отношений, как «комплекс безопасности»¹²⁶, у них различные повестки дня безопасности. В Средиземноморье четко наблюдается разграничение между повестками дня безопасности Юг-Юг и Север-Юг¹²⁷. Факторы, формирующие одну, не имеют никакого влияния на другую. Ввиду своей глобальной стратегической значимости, как политической, так и экономической, Средиземноморье до сих пор является одним из самых милитаризованных регионов мира. Существование значительной экономической пропасти между странами Севера и Юга, вдобавок к разным политическим и институциональным режимам.

К региональным инициативам сотрудничества, диссертант отнес три модели Средиземноморской безопасности, предложенные странами Запада.

Первая – позиционирует Средиземноморье как естественное развитие Европейского пространства – Модель «ближнего зарубежья». В данной модели Южное и Восточное Средиземноморье рассматриваются как Европейское «ближнее зарубежье» – место особых политических, экономических и интересов безопасности. В основе лежит идея о том, что ЕС – это политико-социальный идеал, точка всеобщего благоденствия и процветания, к достижению которой должны стремиться все соседние страны. С позиции европейцев, данная инициатива обеспечивает дальнейшее участие ЕС в будущем региона. Для НАТО такая модель сотрудничества достаточно ограничена, чтобы достичь консенсуса о роли и месте альянса в регионе. С позиции стран Южного Средиземноморья, такая модель подчеркивает, что именно Юг порождает риски и угрозы Европы¹²⁸, что предполагает легитимное вмешательство Запада в их внутренние дела.

Вторая модель – трансатлантическая. Она является глобальной по своей природе. Средиземноморье в данной концепции рассматривается как стратегически важный перевалочный пункт для стран Запада. Она предполагает

¹²⁶ Woever O., Buzan B., “An Inter-Regional Analysis: NATO’s New Strategic Concept and the Theory of Security Complexes”, in S. Behrendt, C.-P. Hanelt (eds.), *Bound to Cooperate - Europe and the Middle East*, Bertelsman Foundation Publishers, Gütersloh, 2000, pp. 55-106.

¹²⁷ Глебова Н.Г., Дихотомия Север-Юг и арабский мир на современном этапе // ИИИиБВ. РАН. М. - 2008.

¹²⁸ Арбатова Н.К. Средиземноморье: Проблема безопасности. М., 1990, с. 114.

проекцию силы Запада на регион. Она сконцентрирована на экономическое и логистическое измерения безопасности, особенно в отношении морских линий связи и роли южного региона в поддержке операций за пределами Средиземноморских берегов. Геополитически такая концепция нацелена на овладение важными регионами, которые находятся за пределами Средиземноморья – Кавказский регион, регион Персидского залива и регион Центральной Азии. Например, во время войны в Заливе в 1991 г., более 90% снабжения шло именно через Средиземноморье. Эта модель получила развитие в доктрине Дж. Буша – «Большой Ближний Восток». Страны Южного Средиземноморья (за исключением Израиля) с трудом смогут принять такую модель, хотя у них могут совпадать интересы с Западом.

Третья модель – цивилизационная. В ней Средиземноморье рассмотрено с «цивилизационных» позиций и предполагает развитие военного сотрудничества между Севером и Югом, чтобы избежать конфликтов в цивилизационных разломах. Предполагается, что Южное Средиземноморье – это дуга кризиса. Но также, что оно может являться и дугой изменений. Кризисы, происходящие в Южном Средиземноморье, имеют не только трансатлантическое измерение, но и широкие геополитические последствия, потому что многие страны мира имеют свои интересы в регионе. Для Севера эта модель может простирается далеко за пределы установления доверия и предполагать все сферы сотрудничества. Если две предыдущие модели предполагали постоянное вмешательство НАТО в дела Южного берега, то данный подход предлагает сконцентрироваться на поиске баланса, чтобы избежать развития негативных тенденций передела силы в странах Ближнего Востока. Инициатива НАТО – «Средиземноморский диалог» как раз продвигает эту модель сотрудничества и рассматривает Средиземноморье как мост странами Запада и «арабским миром», а не как барьер между ними¹²⁹. Кроме того, эта модель предлагает основу для военного сотрудничества в

¹²⁹ См. Бродель Ф. Средиземноморье и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II.

Средиземноморье и в состоянии справиться с недоверием к политике США и Европы в предлагаемых моделями «ближнего зарубежья» и трансатлантической.

Между США и Европейским союзом существует традиционное несогласие относительно наиболее эффективной стратегии достижения стабильности региона. США оставался практически безучастным в различных институализированных рамках сотрудничества, запущенных для поддержания Евро-средиземноморского сотрудничества и не проявляют интереса к пансредиземноморским многосторонним инициативам. Происходило это по большей части из-за того, что США продолжают быть сконцентрированы исключительно на узкой повестке дня, касательно региональных международных отношений, и предпочитают поддерживать двусторонние отношения с ключевыми стратегическими партнерами (Египет, Иордания, Марокко) в регионе.

Вместо того, чтобы инвестировать в создание институтов и искусственных рамок, объединяющих регион, США обычно придерживались повестки дня безопасности, сотрудничая с избранными странами и четко обозначая субрегиональные тренды и приоритеты. Вашингтон склонен рассматривать Средиземноморские тенденции через призму взаимосвязей между бассейном Средиземноморья и другими стратегически значимыми регионами – Аравийским полуостровом, Африкой южнее Сахары и «Большим Ближним Востоком».

В конце 2002 года США запустили собственную Ближневосточную инициативу партнерства, «призванную продвигать политические возможности по всему Ближнему Востоку»¹³⁰, сконцентрированную как и все инициативы начала 2000-ых годов на либеральных экономических реформах, развитию либерального гражданского общества и продвижению образовательных реформ. По мнению администрации Президента США Дж. Буша мл. такая политика, а также свержение режима С. Хусейна, станет основой будущей стратегии свободы для

¹³⁰Powell C. The US-Middle East Partnership Initiative: Building Hope for the Years Ahead, speech to the Heritage Foundation, Washington, DC, 12 December 2002.

продвижения демократии на Ближнем Востоке»¹³¹. Разница в подходах США и ЕС на Ближнем Востоке в том, что Вашингтон, особенно после атак 2001 года, видел смену режима как ключевой инструмент продвижения интересов Запада.

ЕС же с большим вниманием относится к продвижению политических изменений в регионе¹³². Причинами большей осторожности политиков страны Европы, по сравнению с США, относительно радикальных изменений в традиционных межгосударственных отношениях можно определить:

В первую очередь, экономические и торговые связи между Европой и Ближним Востоком намного сильнее и значительнее, чем таковые между США и регионом. Хотя Европа и является потребителем ближневосточных энергоресурсов, торговый баланс остается в ее пользу. ЕС является главным торговым партнером стран Северной Африки и Персидского залива¹³³. Кроме того, близость Европы и Ближнего Востока – являющихся двумя берегами Средиземного моря – не может быть проигнорирована, ведь она подразумевает постоянную миграцию в Европу. До обострения сирийской гражданской войны и наплыва мигрантов в Европу, количество мусульман родом из стран Ближнего Востока составляло 13 млн. человек¹³⁴. Это вынуждает многих Европейских союзников уделять особое внимание требованиям внутреннего единства страны и проводить такую внешнюю политику, которая не способствовала бы большому потоком мигрантов или породила выступления среди уже существующих коммун в обществе.

Политический аналитик Т. Эш пишет, что «внутренние реалии также диктуют приоритеты внешней политики для Европы – поддерживать изменения к лучшему в нашем ближнем зарубежье; если мы не поспособствуем улучшению

¹³¹White House, Office of the Press Secretary, fact sheet, “President Bush Calls for a ‘Forward Strategy of Freedom’ to Promote Democracy in the Middle East”, 6 November 2003; Bush G.W., “Remarks by the President at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy”, Washington, DC, 6 November 2003.

¹³²Youngs R., “The European Union and Democracy Promotion in the Mediterranean: A New or Disingenuous Strategy?”, Democratization, 2002, № 9, p. 1.

¹³³ Статистика сотрудничества ЕС и со странами мира. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122529.pdf (дата обращения: 20.05.2016)

¹³⁴ Существуют различные оценки количества мигрантов с Ближнего Востока в Европе – от 13 до 25 млн. Согласно официальной статистике ЕС их – 13 млн. URL: <http://fra.europa.eu/fraWebsite/material/pub/muslim/EUMC-highlights-FR.pdf>. (14.08.2016)

благополучия и свободы у арабской молодежи, они придут к нам [в Европу]»¹³⁵.

Не менее важную роль по увеличению миграции в Европу играют нестабильность, бедность и безработица. Все события на Ближнем Востоке влияют на периметр социальной стабильности на Западе. Например, Арабо-Израильский конфликт породил беспорядки среди мусульман, проживающих в Европе¹³⁶. Кроме того, сами европейские страны не поощряют участия США в этих форумах, ведь строительство стабильного региона должно проходить на условиях, диктуемых Брюсселем, а это кооперация и не использование военной силы. ЕС явно стремится использовать свое колониальное наследие при построении общего Средиземноморского пространства. США же не разделяют это историческое наследие.

Между тем, с каждым годом, искусственность рамок сотрудничества, инициированных ЕС становится все более и более очевидной. Ответ Европы на новые пан-средиземноморские тенденции более не может быть лишь попыткой построить региональные институты, отделенные от внутренних процессов в Европе и основанные на европейском опыте интеграции. Барселонский процесс – проекция европейской стабильности на Южное Средиземноморье – фактически потерпел неудачу в своей деятельности. Одной из проблем подхода Европы является попытка применить один для всех подход в отношении множества стран Южного Средиземноморья, хотя их экономический вес и стратегическая значимость для Европы разнятся.

На *международном уровне* инициативы сотрудничества в регионе. предложены разными международными организациями и группами стран. Например, был инициирован «Голубой план» Программы ООН по окружающей среде, призванный помочь научиться разумно управлять ресурсами Средиземного моря. Другие – Союз для Средиземноморья, Средиземноморская инициатива

¹³⁵ Ash, T. Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of Our Time. London and New York: Allen Lane and Penguin, 2004, p.217.

¹³⁶ Lugar, R. A New Partnership for the Greater Middle East: Combating Terrorism, Building Peace, 2004, p.4. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20040329qa.pdf> (дата обращения: 13.02.2016)

сотрудничества ОБСЕ, Диалог 5+5, Средиземноморский форум, Адриатико-ионическая инициатива и, конечно, инициативы НАТО – Средиземноморский диалог и Стамбульская инициатива сотрудничества¹³⁷.

Все международные Средиземноморские инициативы обладают рядом общих особенностей:

Во-первых, их «Высокая смертность»: только 20% инициатив работают на полную мощность. Еще 30% работают, но их операционная дееспособность остается крайне низкой. Страны региона рассматривают их как бесполезные, монотонные и неэффективные. Остальные 50% инициатив либо приостановлены, либо находятся в коматозном сне, пока они не функционируют. По дипломатическим правилам закрыть их невозможно. Но они переживают один кризис за другим и фактически не работают, среди них: Евро-арабский диалог, Западно-средиземноморская группа «5+5», Ближневосточный мирный процесс, Экономические саммиты Ближнего Востока и Северной Африки. В итоге, существует большая «смертность» среди Средиземноморских институтов, сопровождаемая крайней слабостью тех из них, которые занимаются вопросами безопасности. Однако «смертность» нивелируется высоким уровнем «рождаемости» инициатив. Существование политических, социальных и экономических требований в кооперации сталкивается с преградами и фрагментацией, что делает сотрудничество хрупким и не жизнеспособным.

Во-вторых, сильный холистский характер: почти все инициативы замкнуты на целое, призваны иметь дело, как с проблемами безопасности, так и с политическими, экономическими, культурными и социальными вопросами. Программы вовлекаются в такие значимые сферы сотрудничества, как борьба с международной организованной преступностью, контроль над оборотом наркотиков и терроризм.

¹³⁷См., например, Knoops, Euro-Mediterranean relations and the Arab Spring, October 2011, Background Brief n°6, p.1; A. Postolache, New challenges in the relations between the European Union and the Mediterranean. URL: <http://www.analyticalmk.com/files/2012/01/02.pdf> (дата обращения: 31.08.2015)

Другие международные инициативы, как то Средиземноморская инициатива сотрудничества ОБСЕ, Союз для Средиземноморья и Средиземноморский диалог НАТО, хотя и сфокусированы на военной кооперации, в достижении ее они затрагивают многие другие сферы общественной жизни. Хотя, холистские региональные организации и являются неким международным трендом, в Средиземноморье он приобретает имманентный характер.

Сегодня все Средиземноморские инициативы сотрудничества как внутрирегиональные, так и внерегиональные и международные неэффективны и результаты их деятельности неудовлетворительны.

На взгляд диссертанта, существует *две главные* и взаимосвязанные преграды эффективности и позитивного влияния на региональную безопасность инициатив всех уровней: их количественная прогрессия и вертикальное измерение сотрудничества Севера и Юга. Эти два фактора ослабляют и даже исключают перспективу многосторонней структуры безопасности в Средиземноморье. Наличие большого количества инициатив создало культуру «запасных частей» – если один форум не работал, участники игнорировали или покидали его и использовали другой формат. Часто аргументом для оправдания появления инициативы или поглощения старой служит дезавуирование деятельности предыдущей организации. Постоянное появление новых инициатив делает главных международных и региональных акторов несерьезными и не преданными региональному сотрудничеству¹³⁸. Потому что, если возникнет кризис или проблема, они оставят одну инициативу и перейдут к другой. Инициативы всех уровней прямо ведут и к негативным последствиям в регионе. Главным образом потому, что в них заложена идея отказа иметь дело с главными неразрешенными конфликтами, и в первую очередь, конечно же, с Арабо-израильским конфликтом¹³⁹.

¹³⁸ Барабанов О.Н. Средиземноморский фланг ЕС Россия: европейский вектор. М., 2000, с. 148.

¹³⁹ Ближневосточный конфликт: поиски выхода. Аналитический доклад российской группы Международного Дискуссионного клуба «Валдай», Москва, январь 2011.

Примат двустороннего сотрудничества – это структурный тренд отношений Север-Юг, дополняемый и усиленный несколькими международными инициативами. Все инструменты реализации инициатив имеют двусторонний характер. Многостороннего инструмента просто не существует. ЕС и НАТО использовали сходный двусторонний подход к кандидатам для членства в организациях, но членство было разработано как инструмент «мультилатерализма».

У данной тенденции – акцентирование двустороннего сотрудничества – есть два следствия: Южное Средиземноморье становится более интегрированным с Северным Средиземноморьем; горизонтальное сотрудничество, внутрорегиональное, задерживается и становится сложнее ввиду институционализированных связей Север-Юг и вариации этих связей. Изначально, этот принцип был призван привлечь внимание национальные особенности и позволить каждой стране участвовать в региональных рамках сотрудничества в соответствии с их интересами, предпочтениями и ритмом. Но на практике это стало источником растущей вертикальной и горизонтальной фрагментации. Вертикальной, потому что это делает южные страны более зависимыми от северных; горизонтальной – потому что большие связи или большая зависимость от иностранных институтов и держав означает большую фрагментацию на региональном и субрегиональном уровне.

Таким образом, среди всех региональных, действующих инициатив нужно выделить программу партнерства НАТО «Средиземноморский диалог», которая объединяет и США, и страны Европы для интенсификации сотрудничества с Юго-восточным Средиземноморьем.

§5.ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАРТНЕРСТВА НАТО И СТРАН РЕГИОНА

На протяжении более 20 лет НАТО проводит свою политику на Ближнем Востоке в рамках программ партнерства «Средиземноморский диалог» (СД) и «Стамбульская инициатива сотрудничества» (СИС).

Успехи реализации программ за такой долгий период действия оказались очень скромными. Создается впечатление – это не более чем политическая и дипломатическая витрина и самим странам-членам НАТО не достает серьезного интереса в развитии настоящего многостороннего сотрудничества с партнерами в Южном Средиземноморье. СД сфокусирована на формировании рамок кооперации, необходимых для укрепления уверенности, прозрачности и сотрудничества.

На конференции НАТО в Израиле в 2011 году, в рамках запуска новой политики партнерства, Генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен объявил о расширении «круга деятельности, который [НАТО] может предложить своим Средиземноморским партнерам с 700 до 1600 пунктов. Когда дело касается сотрудничества, [НАТО] более не делает различий между Средиземноморскими странами или Евро-атлантическими союзниками»¹⁴⁰. Между тем, не смотря на заявления о транспарентности, до сих пор нет информации о том, какие именно пункты выбрала та или иная страна-партнер из предложенного перечня.

В своих заявлениях А. Фог Расмуссен выражал поддержку переходным периодам в разных странах Ближнего Востока. Например, его заявление по Египту: «Я поддерживаю решение Президента Мубарака уйти в отставку. Я постоянно призываю к быстрому, упорядоченному и мирному переходному периоду к демократии, уважению легитимных прав народа Египта... Демократия означает уважение к индивидуальным свободам, уважение прав меньшинств, прав человека в целом и верховенство закона. Это те принципы, которым

¹⁴⁰ Речь Генерального секретаря НАТО А. Фог Расмуссена на 11 конференции в Херзлия, Израиль, 2011.

придерживается альянс и которые мы поощряем у своих партнеров»¹⁴¹. И хотя в речи звучали громкие заявления, далее не последовало никакой реальной поддержки реформ в Египте со стороны НАТО.

«Средиземноморский диалог» официально был запущен в самом начале 1995 года. Основными целями диалога были декларированы: укрепление региональной безопасности и стабильности, улучшение взаимопонимания сторон, изменение неправильного представления о НАТО среди стран региона.

Посол Испании в НАТО так аргументировал инициацию СД: «если [НАТО] собирается устанавливать стабильность на Востоке, [она] должна быть способной установить ее и на Юге»¹⁴². А через несколько недель после этого Генеральный секретарь НАТО Вилли Клэс заявил, что исламский фундаментализм заменил советский коммунизм как главную угрозу Западу и их интересам¹⁴³. Другие официальные лица НАТО также делали подобные замечания, хотя и не столь публичные и громкие¹⁴⁴. Все это выглядело как поиск НАТО нового, искусственного врага на Юге. Происходило это потому, что многие эксперты и политики считали, что после окончания Холодной войны НАТО распадется, если не найдет новый «смысл существования». Очевидно, что это был не самый благоприятный фон для установления диалога с преимущественно исламскими государствами. Создавалось впечатление, что новый «Средиземноморский диалог» имел негативные предпосылки в самом своем создании – попытка сдержать и справиться с возникающими угрозами в Южном Средиземноморье, а не поощрение стран региона к реальному партнерству.

Арабские страны также видели в НАТО лишь угрозу – рассматривая ее как инструмент влияния США и ведущих европейских стран. Их негативно воспринимали в связи с колониальным прошлым, за поддержку Израиля и стремление установить глобальную гегемонию. Такое мнение прочно

¹⁴¹“Statement by the NATO Secretary General on events in Egypt”, NATO News, 11 February 2011.

¹⁴² Ames P., ‘NATO Calls for New Links with North Africa, Israel’, Associated Press, 8 February 1995.

¹⁴³См., например, Drozdak W., “NATO Turns to the Threat from Islamic Extremists”, International Herald Tribune, 9 February 1995.

¹⁴⁴См., например, Stenhouse M., George B., “NATO and Mediterranean Security: The New Central Region, London: Brassey’s Centre for Defence Studies, 1994.

укоренилось в «арабском мире» и до сих пор появляется на повестке дня, даже спустя более 20 лет с момент начала диалога.

Тем не менее, запуск Диалога стал официальным шагом, отражающим адаптацию НАТО к новой среде безопасности и сама инициатива, по словам одного из высших чиновников Секретариата НАТО Альберто Бина, стала «ключевым инструментом для поддержания общей стратегии партнерства, диалога и сотрудничества альянса»¹⁴⁵. Страны НАТО очень тщательно выбирали страны, которые должны были стать участниками-основателями данной инициативы: Египет, Израиль, Мавритания, Марокко и Тунис, а через год и Иордания. Даже в 1990-е годы можно было ожидать, что Ирак, Иран, Ливия, Ливан и Палестина не будут приглашены. Алжир, поглощенный гражданской войной, также стал спорным претендентом на участие и вступил в программу только в 2000 году.

Не удивительно, что эти страны, за исключением Ливана и Палестины, были включены в список «государств-изгоев», созданный в конце 1990-ых годов, представляемых западным истеблишментом угрозой миру и стабильности¹⁴⁶. Этот список в 2002 году был трансформирован Джоном Р. Болтоном, официальным представителем США в ООН, в «Ось зла»¹⁴⁷ - список государств, спонсирующих терроризм и стремящихся заполучить ОМУ.

Кроме того, отсутствие Ливии и Сирии в списке приглашенных к сотрудничеству также связано с тем, что страны-члены альянса единолично не поддерживают двусторонних отношений с данными странами. И хотя, данные страны участвуют в других Средиземноморских инициативах, обоюдные сомнения друг в друге, как со стороны НАТО, так и со стороны этих стран, препятствовали их участию в инициативе альянса. У Сирии не было никаких установленных отношений с НАТО. Также отсутствуют отношения и с США –

¹⁴⁵ Bin, A. "NATO's Mediterranean Dialogue: A Post Prague Perspective. Mediterranean Politics, Vol. 7, URL: http://pdfserve.informaworld.com/214069_751309036_713604510.pdf

¹⁴⁶ Inter Press Service English, "Who Are Today's Rogue Nations?" May 30, 2001, URL: www.highbeam.com/doc/1P1-44881194.html. (датаобращения: 04.05.2014)

¹⁴⁷ BBC News, "US expands 'axis of evil'," May 6, 2002, URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/1971852.stm> (датаобращения: 25.03.2014)

лишь небольшие контакты с ЕС и агрессивная политика по отношению к Израилю. Отсутствие Сирии в структурах партнерства альянса – результат, в первую очередь, ее собственной внешней политики.

Ливан, находясь в течение 15 лет в ситуации гражданской войны, с 1990-ых годов был оккупирован войсками Сирии. И хотя, Сирия вывела их в 2005 году, многими исследователями Ливан позиционируется как страна-вассал Сирии¹⁴⁸. Неудивительно, таким образом, что ни НАТО, ни Ливан не проявляют интереса к установлению партнерских отношений друг с другом. Вдобавок, Ливан, как и Сирия до сих пор находится в состоянии войны с Израилем, что блокировало бы любую деятельность в рамках форума.

Тем не менее, предположения об участии Ливана в программе сотрудничества появлялись в прессе после войны 2006 года между Хезболлой – шиитской милицией – и Израилем¹⁴⁹. Дальше дискуссий вопрос не зашел из-за отсутствия должного финансирования, сконцентрированности НАТО на Афганистане и, самое главное, на отсутствии региональной поддержки данного предложения. Вместо этого, были расширены Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ) до 15 тысяч военных из 36 стран, четырнадцать из которых оказались союзниками по НАТО¹⁵⁰.

Другая страна, не установившая отношения с НАТО – Палестинская автономия (или Палестина), что особенно странно, тогда как Израиль стал участником с момента инициации Диалога. И хотя восемь союзников по НАТО признали данное государство, до сих пор не выработана единая позиция по поводу Арабо-израильского конфликта, а точнее его разрешения.

Таким образом, первые страны-участницы СД – стабильные и достаточно дружелюбные в отношении Запада. Если бы страны-члены НАТО всерьез хотели

¹⁴⁸ Gaub F., Against All Odds: Relations between NATO and the MENA Region, US Army War College, 2012, p.31.

¹⁴⁹“Israeli Leaders Open to NATO Force in Lebanon,” Washington Times, July 23, 2006, URL: www.washingtontimes.com/news/2006/jul/23/20060723-115255-5159r/ (датаобращения: 25.07.2015); “Large NATO Role Unlikely In Lebanon,” Oxford Analytica, August 3, 2006, URL: www.forbes.com/2006/08/02/nato-lebanon-israel-cx_0803oxford.html. (датаобращения: 31.04.2015)

¹⁵⁰United Nations, “United Nations Interim Force in Lebanon,” URL: www.un.org/en/peacekeeping/missions/unifil/facts.shtml. (датаобращения: 16.05.2015)

бы запустить процесс по поддержанию стабильности и безопасности в Средиземноморском регионе, они должны были бы включить все страны, в особенности, те, чья безопасность находится под угрозой.

Причиной инициации СД можно назвать, кроме того, не только желание справиться вызовами безопасности, возникающими в Средиземноморье, но и большей степени нежелание оставаться единственной организацией, не установившей программу сотрудничества для региона. Становится понятно, почему запуск форума и первые годы его функционирования кажутся спешными и несистематичными.

СД был иницирован вскоре после заключения соглашений Осло 1993 г. и был призван использовать процесс мирного урегулирования между Израилем и Палестиной как основу для поддержания сотрудничества между НАТО и странами Южного Средиземноморья. Когда стало ясно, что примирение двух сторон невозможно, деятельность самой программы тоже зашла в тупик.

Основными принципами СД стали:

1. *Изменчивость.* Диалог мог изменяться по тематике и по кругу участников. Такая гибкость позволила бы в будущем увеличить количество стран-участниц и изменять повестку дня.

2. *Многосторонность.* Хотя, Диалог, в основном, является двусторонней структурой (НАТО+1), он также предполагает многосторонние встречи на регулярной основе (НАТО+7).

3. *Отсутствие дискриминации.* Всем странам Средиземноморья был предложен единый базовый набор мероприятий по сотрудничеству и повестки дня.

4. *Индивидуальный подход.* Каждая из стран-участниц может сама выбрать объем и содержание сотрудничества, включая согласование Индивидуальной программы сотрудничества.

5. *Холистский характер.* Диалог призван дополнить усилия других международных инициатив, таких как Барселонский процесс ЕС и Средиземноморская инициатива ОБСЕ.

Средиземноморский диалог имел своей целью способствовать региональной безопасности, достичь большего взаимопонимания и устранить неправильные представления о НАТО. Изначально, предполагалось, что эти цели и принципы предоставят необходимые инициативы для стабильного развития и процветания стран Средиземноморья и большего вовлечения НАТО в меняющийся регион.

Однако тут же последовала критика данной инициативы со стороны политиков и аналитиков стран Запада. В 1996 году на заседании ассамблеи Западноевропейского союза было заявлено, что «инициатива НАТО по установлению диалога с шестью странами Южного Средиземноморья не достигла целей партнерства ради мира в регионе»¹⁵¹. И хотя, изначально, НАТО не возлагала на данную инициативу таких же амбициозных надежд, невозможно было не сравнивать успехи этих программ. И СД в данном случае казался чем-то незначительным и неважным.

Сотрудничество в рамках Диалога заключалось в основном только в двусторонних встречах в штаб-квартире НАТО между официальными лицами альянса и представителями Средиземноморских стран. Ограниченность такого формата работы была понятна с самого начала. Арабские официальные лица же признавались, что иногда во время данных встреч ни одна из сторон не имела четкой идеи, какие вопросы они должны были обсуждать¹⁵².

Не было четкого и согласованного представления о повестке дня и среди стран-членов НАТО. Существовало как минимум четыре разных точки зрения:

1. США придерживались традиционного акцента на вопросы «жесткой» безопасности и стратегического фокуса на Восточном Средиземноморье, как регионе, открывающем путь в Персидский залив;

2. Страны Южной Европы, в частности Франция, Италия и Испания – главные инициаторы данной программы – были заинтересованы в вопросах экономической безопасности и контролю над миграционными потоками из

¹⁵¹Security in the Mediterranean Region, Paris, Assembly of the Western European Union, 1996.URL: <http://www.weu.int/assembly/eng/reports/1543e.html>. (дата обращения: 17.09.2015)

¹⁵² Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX начало XXI века). М.: Прогресс, 2006. с. 387.

Северной Африки, а значит, их основной фокус – Западное Средиземноморье; Поэтому внутри НАТО существовал разрыв о приоритетности берегов Средиземноморья в вопросе поддержания стабильности и безопасности¹⁵³.

3. Страны же «центральной» Европы – преимущественно Германия – были в целом не заинтересованы данным регионом и было более сфокусированы на большей интеграции со структурами НАТО и расширением альянса на восток.

4. Северные страны-члены НАТО были еще менее заинтересованы в данной программе и даже иногда не поддерживали ее¹⁵⁴.

В связи с таким скептицизмом и противоречиями относительно дальнейшего будущего СД, добиться какого-либо прогресса, а именно создание «Средиземноморской группы сотрудничества» (СГС) удалось лишь в 1997 году на саммите НАТО в Мадриде. Эта группа брала на себя « всю ответственность за деятельность СД »¹⁵⁵. Принципиально значение данной группы в том, что она впервые предоставила странам-членам НАТО институциональный механизм для формирования процесса диалога. Это показатель того, что страны-члены увидели большую значимость, как самого региона, так и привлечения арабских стран к сотрудничеству с НАТО.

Одна из причин создания данной группы – желание – как политическое, так и военное – убедить хотя бы некоторых арабских союзников внести вклад в миссию НАТО в Боснии, которая была начата в 1996 году. НАТО очень стремилась к этому с учетом того, какое важное место занимает мусульманское население на Балканах и, в частности, в Боснии. В итоге, Египет, Иордания и Марокко¹⁵⁶ участвовали в данной кампании, и ввиду того, что дискуссии проводились как раз в рамках СД, становится понятно стремление НАТО усовершенствовать процесс.

¹⁵³См., например, Asmus R., Larrabee S. “Mediterranean Security: New Challenges, New Tasks”, NATO Review 3 (44), 1996. URL: <http://www.nato.int/docu/review/1996/9603-6.htm>. (дата обращения: 29.09.2015)

¹⁵⁴ Гансер Д. НАТО – секретные армии в Европе. [пер. с англ. И. Фридмана]. М.: Европа, 2006. – с.73.

¹⁵⁵ Madrid Summit Declaration.

¹⁵⁶ Вооруженные силы Марокко были третьими по количеству, среди стран - не членов НАТО, участвующих в операции в Боснии.

Вторым важным шагом институализации СД стало принятие ежегодной «рабочей программы» как для всего диалога, так и для каждого из участников в отдельности. Само по себе событие незначительно, но ввиду развития программы в 1990-ые годы, его нельзя недооценивать. Рабочие программы призваны показать, что именно НАТО готова предложить своим партнерам и, таким образом, избежать нереалистичных ожиданий с их стороны.

До Мадридского саммита 1997 г. сотрудничество между сторонами включало в себя только совместные семинары, посещение специальных курсов для партнеров и наблюдение во время учений альянса. Создание СГС и ситуация в Боснии привели к тому, что сотрудничество стало более практическим. Осенью 1999 года в Средиземноморье прошли крупномасштабные многонациональные военно-морские учения НАТО и несколько арабских стран – Египет, Иордания и Кувейт – приняли в них участие. Это были первые учения такого рода после Войны в Заливе 1991 года и, по мнению официальных лиц США, они демонстрируют, какими могут стать учения НАТО в будущем¹⁵⁷.

К началу XXI века, согласно отчету Парламентской ассамблеи НАТО, в СД сформировалось три проблемы: отсутствие необходимого финансирования, отсутствие существенного военного компонента сотрудничества и ощущение, что инициативе не хватает целеполагания. Например, отсутствие финансирования сказывалось на том, что страны-участницы иногда не могли присутствовать на встречах, на которые были приглашены. Медленное развитие военного сотрудничества выражалось в том, что лишь спустя четыре года после инициации диалога, представитель верховного военного командования НАТО посетил Египет, что стало первым визитом такого уровня в страны-участницы СД. Отсутствие четкого целеполагания, в первую очередь, являлось причиной желания придерживаться собственных интересов в регионе, а не стремлением выработать единый подход к безопасности и стабильности.

¹⁵⁷ Bender B., “Exercise heralds cross-regional training for NATO”, Jane’s Defence Weekly, 1999, p.2.

Отсутствие значительного военного сотрудничества негативно сказывалось на развитии инициативы еще и потому, что страны Южного Средиземноморья преимущественно видели НАТО именно военным альянсом. Поэтому подозрения о его намерениях и целях не исчезнут благодаря «гражданскому сотрудничеству или дипломатическим дискуссиям, но только с помощью открытости и военному сотрудничеству. А оно продолжает оставаться на очень скромном уровне»¹⁵⁸.

Изначально, террористические атаки 11 сентября 2001 года не оказали негативного влияния на СД. Развитие рабочих программ продолжилось, хотя и в ограниченном масштабе, новых участников никто не приглашал. Атаки «придали большее значение укреплению сотрудничества с Средиземноморскими странами»¹⁵⁹. В рамках Пражского саммита НАТО в 2002 году, было решено уделять существенно больше внимания политическому и практическому сотрудничеству в рамках СД, потому как Средиземноморский регион, ввиду своей культурной и политической значимости для мусульман, а также близости Европы, становится особенно важен для глобального терроризма. Также декларировалась необходимость создания механизма предупреждения конфликтов в регионе.

Между тем, к весне 2004 года, когда Средиземноморский диалог праздновал свой 10 юбилей, один из советников НАТО заметил: «в отличие от Партнерства ради мира, Средиземноморский диалог не добился значительных успехов. Он не сыграл значительной роли в стабилизации региона или в продвижении реформ в странах-участницах. Причины этого кроются в недостаточных инвестициях времени, людей и денег, значительном недоверии и непонимании НАТО своих южных партнеров, отсутствие механизмов диалога и кооперации и неспособность отделить вопросы широкой региональной безопасности от Арабо-израильского конфликта»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ NATO's Role in the Mediterranean, Brussels: NATO Parliamentary Assembly 1997, pp.11-12.

¹⁵⁹ Руденко Л.Н., Соловьёва З.А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. М.: Институт Востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2007. – с.82.

¹⁶⁰ Donnelly C., Building a NATO Partnership for the Greater Middle East, NATO Review, 2004. URL: http://www.nato.int/docu/review/2004/issue1/english/art3_pr.html. (дата обращения: 13.11.2013)

Отчет ассамблеи Западноевропейского союза¹⁶¹ по поводу десятилетия диалога был еще более краток и утверждал, что за десять лет все, что было достигнуто – это необременительные и ни к чему не обязывающие консультации и обмен мнениями между партнерами.

На этом фоне и из-за возрастающего хаос, сопутствующего интервенции в Ирак в 2003 году, союзники согласились создать *дополнительную* программу сотрудничества для стран Ближнего Востока. Так в 2004 году была запущена Стамбульская инициатива сотрудничества (СИС). Декларировалось, что СИС должен будет создать действительные взаимоотношения со странами Ближнего Востока, с тем, чтобы те в свою очередь были способны и готовы участвовать в будущих миссиях альянса¹⁶².

Без сомнения, инициатором СИС стали США, а целью являлась не мотивация качественно улучшить отношения НАТО на Ближнем Востоке как таковые, но срочная необходимость сохранить региональную поддержку усилий по стабилизации Ирака. Учитывая, насколько много споров вызывал Ирак внутри альянса, администрация Буша пыталась убедить многих своих европейских союзников принять более, чем символическое участие в усилиях по стабилизации¹⁶³. Хотя, изначально интервенция в Ирак не проходила под флагом НАТО, именно эта операция сильнее всего повлияла на солидарность внутри альянса. Николас Бернс, посол США в НАТО, назвал эту операцию «предсмертным опытом»¹⁶⁴. Более того, США стремились укрепить общую региональную поддержку их «войны с терроризмом». Интервенция под предводительством США в Ирак усилила негативные представления арабской общественности относительно целей Американской внешней политики в регионе.

¹⁶¹Security in the Mediterranean Region, Paris, Assembly of the Western European Union, 2006.

¹⁶²Istanbul Cooperation Initiative.URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_21017.htm. (дата обращения: 14.02.2014)

¹⁶³ В отчете 2005 года Парламентской ассамблеи НАТО указывается ограниченный вклад стран НАТО в усилия по подготовке сил безопасности Ирака, вся кампания куда вызвала сильные споры и противоречия между союзниками. Securing NATO's Role and Relevance, Brussels: NATO Parliamentary Assembly, 2005.

¹⁶⁴BBC News, "NATO turns to terrorism fight," October 18, 2003, URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/3201578.stm> (датаобращения: 14.02.2014)

С того момента, образовалась прочная связь между действиями НАТО и США в умах людей.

Странами-участницами СИС были приглашены стать страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), но согласились только четыре из них – Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.

Что касается Королевства Саудовская Аравия, то, учитывая политическое, экономическое и социо-культурное влияние страны в регионе, понятно ее нежелание оформлять отношения с альянсом в рамках программы наравне с другими небольшими монархиями Залива.

Оман традиционно старается сохранять хрупкий баланс в отношениях между своими соседями по Аравийскому полуострову и Ираном. Саудовская Аравия сконцентрирована на вопросах двустороннего сотрудничества и озабочена присутствием иностранных войск на своей территории.

Йемен – единственная страна Аравийского полуострова, которая не была приглашена участвовать в СИС в 2004 году. В первую очередь, Йемен не является членом Совета сотрудничества, не смотря на его, не прекращающиеся попытки туда вступить. Во-вторых, внутривнутриполитическая ситуация в Йемене уже в начале 2000-ых была близка к коллапсу. Половина населения страны живет за чертой бедности, запасы нефти сокращаются, а военный сектор в беспорядке. В такой ситуации, Йемен вряд ли способен был стать ощутимым союзником. А с началом «арабских революций» и разразившейся гражданской войной в стране эти перспективы в принципе свелись на нет.

Именно контртеррористическое сотрудничество и меры по борьбе с распространением ОМУ значились среди главных задач будущего сотрудничества в рамках СИС. Инициатива более сконцентрирована на вопросах безопасности, чем на устранении обоюдных подозрений. Однако СИС не смогла выработать ту глубину и силу взаимодействия, которой от нее ожидали. До сих пор не существует рамочного документа и единого форума военно-политического сотрудничества в рамках этой программы.

Несмотря на то, что как было заявлено, СИС должна была дополнять Средиземноморский диалог, нигде не было указано, *как именно* на практике это должно работать. Несмотря на культурные и исторические связи между участниками СД и СИС, эти инициативы так и не выработали связь и причина этого несовпадение стратегического видения, угроз безопасности и подхода к обеспечению стабильности.

Фактически же, создание СИС является признанием со стороны администрации Буша, что «восточно-западное» разделение союзников в НАТО является непреодолимым. Первыми, кто стал участниками этой инициативы – страны-члены Совета сотрудничества стран Персидского Залива – организации, которая спонсируется США, и ни одна из этих стран не является участницей Средиземноморского диалога.

Таким образом, с 2004 года у НАТО оказалось две отдельные и независимые друг от друга программы партнерства на Ближнем Востоке – не принимая во внимания обратные заявления в документах альянса. СИС не сблизила союзников, как то было предусмотрено, на основе будущего улучшенного сотрудничества со странами Средиземноморья и Ближнего Востока. Фактически, оно институализировало разлом между США и Европейскими странами, появившийся с момента запуска СД в 1995 году. К 2004 году эти противоречия, подогреваемые разгорающейся войной с терроризмом Дж. Буша в целом, и вторжением в Ирак, в частности, достигли своего пика.

То, что эти противоречия не стали причиной ослабления трансатлантической солидарности, можно отнести к тому, что обе программы – Средиземноморский диалог и Стамбульская инициатива сотрудничества – оставались относительно незначительными по своему влиянию на внутреннюю политику НАТО, а также по достигнутым в них результатам. Провал фактического сотрудничества иллюстрирует крайне ограниченным участием данных стран в возглавляемых НАТО операциях. Существовали ожидания, что страны-участницы СД и СИС внесут вклад в контртеррористическую операцию «Эктив Индевор» по патрулированию Средиземного моря. Однако в этой

операции приняли участие лишь две Ближневосточные страны – Марокко и Израиль – и это еще больше говорит о провале политики альянса.

Совместные военные учения тоже не получили должного развития в рамках этих программ. Такая инициатива появилась в декларации по итогам Рижского саммита 2006 года, но к 2009 году, так и не была реализована в достаточной мере¹⁶⁵.

С другой стороны, диалог в рамках СД углубился за эти годы. В 2004 году прошел первый саммит на уровне министров иностранных дел, а в 2006 году – на уровне министров обороны. Количество совместных мероприятий увеличилось почти в 10 раз с 60 в 1997 г., до 600 в 2007 г. А с реализацией новой политики партнерство их количество возросло до 1600 к 2011 году. Сотрудничество включает в себя весь спектр от очередных военных визитов до обмена разведывательными данными, доступ к образовательным программам в институтах НАТО и совместные учения по кризисному регулированию. Произошло, так называемое, разделение труда: НАТО делится опытом и способствует сближению стандартов и процедур, а Средиземноморские партнеры в свою очередь приглашены участвовать в кампаниях альянса.

Кроме того, все, кроме двух стран СД – Алжира и Иордании – заключили Индивидуальный план сотрудничества с НАТО. В Египте, Иордании и Израиле были созданы Региональные центры передового опыта – образовательные институты для обучения и тренировки руководящего состава и специалистов как стран НАТО, так и стран региона. В Египте – это Каирский центр тренировки по разрешению конфликтов и поддержанию мира в Африке, а в Иордании – Центр тренировки специальных операций имени Короля Абдуллы II. Алжир, Марокко, Мавритания и Тунис подписали соглашения с НАТО о защите секретной информации, что открыло для них доступ к новому уровню сотрудничества.

Инцидент с судном «Флотилии свободы» в 2010 г. – гуманитарной помощью, направленной Турцией на оккупированные Израилем территории

¹⁶⁵ Татаринцев В.М. Проблемы безопасности в Средиземноморье. Роль НАТО и ЕС. М.: Восток – Запад, 2009. с. 248.

Сектора Газа – которое Израильское правительство захватило, в результате чего погибли все члены экипажа, стал причиной полного блокирования Турцией участия Тель-Авива в любых мероприятиях НАТО на протяжении почти 5 лет, в том числе и в рамках программы «Средиземноморский диалог», что почти полностью заморозило деятельность форума.

Стратегическая концепция НАТО, принятая на саммите альянса в Лиссабоне в 2010 году, признавала значимость партнерств в целом и утверждала, что будет дан новый импульс развитию СД и СИС.

Несмотря на то, что Берлинская реформа НАТО отказывалась от географического принципа функционирования партнерств, программы СД и СИС все еще существовали. А это означало, что в их рамках продолжали проходить регулярные совещания, несмотря на содержательные разногласия. В целом, международное сообщество продолжает рассуждать понятиями «партнерских программ» НАТО, не поняв до конца сущность и смысл Берлинской реформы. А партнерские программы являются сейчас не более чем «пустышками»¹⁶⁶. Географический принцип интеграции групп партнерских стран был осложнен историческими региональными противоречиями, что тормозило развитие программ сотрудничества. Функциональный принцип, в теории, должен был помочь справиться с данной проблемой.

Чтобы оценить результаты деятельности Средиземноморского диалога, необходимо определить, какие цели он ставил перед собой: «способствовать региональной безопасности и стабильности; достичь большего взаимопонимания; избавиться от любых неверных представлений о НАТО». Средиземноморский диалог за свою более чем 20-летнюю историю был в большей степени сфокусирован на интересах и повестке дня безопасности именно стран-членов альянса. СД пытался поддерживать статус-кво в регионе и регион был достаточно стабилен с 1995 года. Восстания и революции, вспыхнувшие в «арабском мире» с 2010 года, стали сюрпризом даже для НАТО, по заявлению официальных лиц

¹⁶⁶ Kamp K.-H., Reisinger H., NATO's Partnerships After 2014: Go West!, NATO Research Paper 92, 2013.

альянса. Случилось это потому, что события «Арабской весны» происходят не из-за политики альянса, а вопреки ей. НАТО поддерживает стабильность и предсказуемость, потому, что это позволяет поддерживать статус-кво, столь необходимый НАТО и, в особенности, некоторым ключевым странам-членам организации.

Ключевая недекларируемая цель НАТО – это стабильность, что объясняет двойные стандарты, когда союзники поддерживают интервенцию в Ливии, но не в Бахрейне. Это также объясняет, почему многие Западные лидеры и Генеральный секретарь НАТО не спешили поддерживать революции, пока не стало ясно, что статус кво более не достижим. И как показали события, когда армия Египта совершила военный переворот в 2013 году, свергнув законно-избранное правительство партии «Братья мусульмане», НАТО и, в частности, США в скором времени восстановили отношения с Каиром, не обратив внимания на незаконность таких событий.

Кроме того, все еще отсутствует фундаментальный консенсус между странами-членами относительно того, какими являются их общие интересы на Ближнем Востоке. В данном случае является чрезвычайно показательным, что ни один новый член НАТО не принял участия в Ливийской кампании 2011 года.

Находясь под давлением необходимости сформировать ответ на вызовы «Арабской весны», страны-члены по отдельности продолжают действовать, в первую очередь, на основе своих собственных национальных интересов, а в лучшем случае, в составе слабой коалиции желающих, как в случае с Ливией.

Отношениях же в рамках программ СД и СИС преимущественно подчинялись внешним факторам. Самыми значимыми из них являются интервенция в Ирак в 2003 г. и неразрешенный Арабо-израильский конфликт – оба этих события препятствовали более значительной согласованности между НАТО и их южными собеседниками.

Что касается установления лучшего взаимопонимания и освобождения «арабского мира» от неверных представлений о НАТО, то и здесь целей не удалось добиться. Диалог не смог справиться с уничтожением негативных

представлений и улучшением образа НАТО в странах Южного Средиземноморья. Более того, напряженная обстановка Ближнего Востока, хаос в Ливии, гражданская война в Сирии, не прекращающаяся напряженность в Афганистане демонстрируют, что культурный разрыв между Европой и Америкой с одной стороны, и Северной Африкой, и Ближним Востоком, с другой, больше, чем разрыв, существовавший между Востоком и Западом к концу Холодной войны.

Учитывая значимость, которую НАТО придает Ближнему Востоку, и необходимость справиться с вызовами и угрозами, которые появляются в этом регионе, «Средиземноморский диалог» мог бы стать потенциально ведущей программой партнерства, но для этого страны альянса должны изменить свое восприятие «арабского мира» и относиться к арабским партнерам, как к действительным партнерам.

§6.ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАРТНЕРСТВА НАТО В РЕГИОНЕ

Формально НАТО за более чем 22 года партнерских отношений много добилась в Средиземноморье: установила отношения с 11 странами региона, убедила некоторые из них участвовать в миссиях альянса, а в 2011 году открыла первое постоянное представительство арабской страны партнера (ОАЭ) в своей штаб-квартире¹⁶⁷. Однако, в сравнении с успехами «Партнерством ради мира», достижения СД и СИС не настолько впечатляющие. На данный момент не существует рамочного документа между НАТО и южными соседями, нет единого многостороннего консультационного форума как Совет Евро-атлантического сотрудничества, проводящий ежемесячные встречи на уровне послов.

Непростая история взаимоотношений НАТО и стран Средиземноморья обнажает много трудностей, которые препятствуют развитию партнерских программ, но существуют и другие, дополнительные факторы, которые ограничивают эффективность политики альянса в регионе. Это факторы двух типов. Внутренние – несогласующиеся приоритеты союзников, финансовые ограничения, различающиеся интересы и отсутствие понимания места НАТО в регионе.

И внешние – негативный имидж НАТО, кардинальные политические изменения и противоборство в регионе. Политические изменения, происходящие в регионе, влияют не только на внутрирегиональные отношения и региональный комплекс безопасности, но и на отношения с Евроатлантическими партнерами таким образом, что существующие альянсы и партнерства нуждаются в пересмотре.

Именно эти факторы ограничивают возможности НАТО по выстраиванию согласованной стратегии в регионе и выполнению заявленной цели укрепления региональной безопасности и стабильности.

¹⁶⁷Al-Arabiya, “UAE to be first Arab country with NATO embassy,” May 19, 2011, URL: www.alarabiya.net/articles/2011/05/19/149686.html. (датаобращения: 23.07.2015)

Рассуждая о внутренних факторах необходимо начать с конкурирующих интересов безопасности, которые в условиях сокращения расходов на оборону стали намного более явными. Интересы расходятся не только между США и Европой, но и между самими европейскими странами. Такая тенденция, по словам бывшего министра обороны США Р. Гейтса, может привести к «тусклому, если не мрачному будущему»¹⁶⁸ для альянса.

Операция НАТО в Ливии обнажила одновременно и расходящиеся интересы, и финансовые дефициты внутри альянса. Именно из-за отсутствия единства в альянсе, кампанию в Ливии поддержала лишь треть союзников. НАТО же в таком случае, можно считать лишь хабом для создания «коалиций желающих». И хотя, именно такой подход необходим для быстрых и гибких военных кампаний XXI века, он подчеркивает проблему распределения бремени в альянсе. Несмотря на декларируемый успех операции, Европейские союзники НАТО доказали ограниченность своего военного потенциала, что стало результатом сокращения военных бюджетов. Особенно сильно европейцы нуждаются в средствах обеспечения, а иногда даже и в военном снаряжении. Как итог, Ливийская кампания сделала явной неспособность Европы проводить самостоятельные военные операции, независимо от США.

НАТО, таким образом, стала двухуровневым альянсом. И причина не столько в нежелании участвовать в операциях блока, сколько в недостаточном потенциале союзников. Многие новые союзники находятся на периферии деятельности альянса просто потому, что не могут себе позволить большего из-за слабого военного потенциала. В условиях, когда многие страны-члены не способны участвовать в миссиях альянса, а оборонные бюджеты продолжают сокращаться, он вступает в эру, когда будущие операции будут проводиться уже не «коалициями желающих», как это было в прошлом, а только «коалициями способных». Хотя операции альянса никогда не получали полной поддержки всех

¹⁶⁸Gates R. M., The Security and Defense Agenda (Future of NATO), Brussels, 10 June 2011, p. 43.

союзников, если такая тенденция продолжится, на повестку дня вернется вопрос о необходимости существования самого блока.

Сокращения расходов, вызванные как целенаправленной политикой (Европейские страны), так и последствиями мирового финансового кризиса (США и Европейские страны), подняли на повестку дня проблему будущего военного потенциала блока и трансатлантического военного сотрудничества. И. Даадлер, постоянный представитель США в НАТО, и Дж. Ставридис, верховный главнокомандующий ОВС НАТО (Европа) предупреждали, что «если сокращения бюджетов продолжатся, ТО НАТО будет не в состоянии провести в ближайшее десятилетие операцию, аналогичную Ливийской»¹⁶⁹.

Исследователи института Брукингс изучали эффекты экономического кризиса на сокращения военных бюджетов и пришли к выводу, что «экономический кризис оказывает существенное негативное воздействие на вооруженные силы союзников», предупреждая, что «нынешняя тенденция снижает способность большинства союзников внести свой вклад в деятельность альянса»¹⁷⁰. Р. Гейтс также говорит о том, что «США более не возьмутся финансировать деятельность НАТО»¹⁷¹, если Европейские союзники не примут на себя необходимую часть бремени. Неудивительно, что по данному вопросу большая часть критики идет из США, которые до недавнего времени оплачивали до 80% всех расходов альянса. Тем не менее, эти предупреждения не новы и являются частью продолжающегося «трансатлантического ритуала», где США неустанно призывает к большему финансовому и политическому участи Европы в альянсе, а официальные лица НАТО и Европейские политики лишь высказывают озабоченность данной проблемой. Даже Генеральный секретарь НАТО указал на то, что если «европейские союзники продолжают такую политику, вскоре они не смогут служить стабилизирующей силой даже в ближайшем окружении»¹⁷². Более

¹⁶⁹Daalder I., Stavridis J., 'NATO's Victory in Libya', Foreign Affairs 91:2, 2012.

¹⁷⁰O'Donnell C., The Implications of Military Spending Cuts for NATO's Largest Members, Analysis Paper, Brookings Institution, Washington DC, July 2012, pp.2-4.

¹⁷¹Gates M., The Security and Defense Agenda, 10 June 2011

¹⁷²Rasmussen A.F., 'The Atlantic Alliance in Austere Times', Foreign Affairs, №4, 2011.

того, эти дискуссии уже не затрагивают исключительно проблему использования силы вне зоны ответственности, но и поднимают вопрос о способности защитить своих собственных членов. Бывший министр обороны Норвегии Э.Б. Эйд в своей речи предупреждал, что «совместные учения доказывают, что потенциал НАТО в проведении обычных военных операций значительно снизился, что ставит под вопрос способность альянса защитить своих собственных членов»¹⁷³.

В ответ на вызовы, которые ставят перед союзниками сокращения военных расходов в большинстве стран-членов, концепция «умной обороны» оказалась в первых пунктах повестки дня. «Умная оборона» предполагает новые руководящие принципы в развитии потенциала альянса, что позволит проводить операции, которые в одиночку союзники осуществить не могут. Эта инициатива была запущена в ответ на существующий кризис и, хотя она предполагает более разумное расходование средств, «умная оборона» не лишена недостатков.

Во-первых, данная концепция включает лишь развитие будущего потенциала и другие долгосрочные проекты, а не нынешнюю кризисную ситуацию и сокращения бюджетов. Союзники иногда даже не проводят необходимых консультаций внутри альянса¹⁷⁴. Таким образом, сокращена способность НАТО проводить операции по кризисному регулированию и возникает вопрос о ее компетентности в вопросе обеспечения безопасности союзников.

Во-вторых, узкая специализация каждого из союзников приведет к тому, что национальные государства будут сфокусированы на своей нише, оставляя другие сферы деятельности без внимания, чтобы не дублировать усилия. Это, в первую очередь, означает, что в любой будущей операции НАТО потребуются участие всех союзников, чтобы иметь доступ ко всему спектру военного потенциала. Пример Ливийской кампании демонстрирует, что добиться такого консенсуса очень непросто. Но военный потенциал подчиняется политической

¹⁷³ Perkovich G., Chalmers M., Pifer S., Schulte P., Tandler J. 'Looking Beyond the Chicago Summit Nuclear Weapons in Europe and the Future of NATO', Carnegie Papers, April 2012, p.29.

¹⁷⁴ Штоль В. В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 384 с.

воле, а концепция «умной обороны» никоим образом не нацелена на укрепление солидарности и поиски единого базиса для объединения интересов всех стран-членов.

И, наконец, несовпадение интересов – еще одно внутреннее препятствие политики альянса на Ближнем Востоке. Впервые, оно ярко проявилось после окончания Холодной войны. На данный момент альянс уже даже не двухуровневый – где одни союзники несут бремя, в то время как другие не хотят разделять риски и цену – а трех, где разные интересы и взгляды изменяют среду безопасности.

Именно в таких условиях США объявили свой разворот в сторону Азиатско-тихоокеанского региона. Между тем, есть все основания полагать, что США сохраняют свое значительное присутствие в регионе Ближнего Востока для сдерживания агрессии и поддержания стабильности.

Что касается несовпадений интересов союзников по НАТО в Европе, то здесь линия разрыва традиционно пролегает между «старой» и «новой» Европой. Центральная и Восточная Европа в большей степени заинтересованы лишь в гарантиях своей безопасности от «угрозы России», и Западная Европа в связи с этим столкнулась с рядом случаев сложности согласования стратегии и политики безопасности. Особенно это проявилось при выстраивании стратегии в Ираке в 2003 г. и продолжилось во время операции в Ливии в 2011 г. Кроме того, Европейские страны не могли согласовать позицию, куда именно отправлять войска, большинство членов, за исключением Франции и Великобритании, в принципе, считали, что НАТО должна быть сконцентрирована исключительно на гарантиях статьи 5 Вашингтонского договора.

Существует такое же неполное и до определенной степени неверное представление о Средиземноморском и Ближневосточном регионах в самой НАТО и среди некоторых ее членов. Принимая во внимание опыт программ СД и СИС, альянсу, тем не менее, до сих пор очень сложно определить свою политику в таком фрагментированном и одновременно едином регионе – это задача, которую известный историк Е. Саид в своей работе охарактеризовал как

«ориентализм» – трудности западных ученых и мыслителей в понимании и анализе региона таким, какой он есть, а не таким, каким его хотят видеть¹⁷⁵.

Трудности в понимании региона, комбинации его общностей и различий, проявляются в ряде аспектов. В целом, хотя арабские страны и выглядят одинаково на первый взгляд, в действительности они значительно различаются друг от друга по многим параметрам. В результате, в подходе к региону должен был соблюден баланс между слишком широкой и слишком узкой перспективами. Это хорошо видно в программах партнерства НАТО, географически разделяющей арабские страны. Критики видят такое разделение как отказ от сотрудничества с регионом как с единым целым во всеобъемлющем подходе.

В целом, они жалуются, что их интересы безопасности и их стратегические культуры не были достаточно хорошо поняты в НАТО. Отсутствие продвижений в Арабо-израильском конфликте – очень показательный пример. Тот факт, что альянс сконцентрирован на таких последствиях конфликта как терроризм, политический фундаментализм, миграция и рост значения негосударственные акторов, а не на разрешении самой проблемы, понимается «арабским миром» как провал в попытке понять, что находится на кону.

Внешние преграды связаны, в первую очередь, с негативным имиджем НАТО в регионе. Союзники осознавали, какой имидж у альянса, когда они запускали свою первую партнерскую инициативу в регионе. Более того, одна из основополагающих целей «Средиземноморского диалога» заключалась в устранении неправильных представлений об альянсе и укрепление доверия к нему¹⁷⁶. В штаб-квартире НАТО понимали, что установление такого сотрудничества будет очень проблематично, потому, что множество негативных коннотаций ассоциируется с альянсом в регионе. Тому есть целый ряд исторических причин: колониальное прошлое; недостаточное разделение между альянсом в целом и каждым союзником в отдельности; влияние холодной войны; неадекватный

¹⁷⁵Said E., Orientalism, London, UK: Vintage Books, 1979.

¹⁷⁶North Atlantic Treaty Organization, Press Release (95)12, Statement by the NATO Spokesman on NATO's Mediterranean Initiative, February 8, 1995, URL: www.nato.int/docu/pr/1995/p95-012.htm. (датаобращения: 17.06.2015)

уровень реализации стратегической коммуникации со стороны НАТО; и общее восприятие в «арабском мире» НАТО как организации, которая сделала ислам своим новым главным врагом.

Хотя НАТО, конечно, не был колониальной кампанией, несколько его стран-членов – Франция, Великобритания, Италия и Испания – колонизировали в прошлом Северную Африку и Ближний Восток. Почти все страны региона за исключением Саудовской Аравии находились под властью одной или нескольких Европейских держав в XIX и XX вв. Многие из арабских стран до этого были частью Османской империи – Турции, которая тоже является членом НАТО. Безусловно, опыт колониализма не мог оставить позитивный след. На момент создания альянса, Алжир все еще являлся колонией Франции и вел ожесточенную борьбу за освобождение. Италия же вела длительную военную кампанию в попытке подавить независимость Ливии.

В Вашингтонском договоре НАТО статья 6 специфицирует, что соглашение о коллективной безопасности альянса вступает в силу в случае вооруженной атаки «территории любой из стран-членов в Европе или Северной Америке, в Алжирских департаментах Франции [это положение стало неприменимо с получением Алжиром независимости в 1962 году], на территорию или на острова, находящиеся под юрисдикцией союзника по НАТО к северу от Тропика Рака»¹⁷⁷. Хотя Тропик Рака находится как раз южнее Алжира, Египта и Ливии, прямая отсылка к Североатлантической зоне проясняет, что общая оборона на практике не включает такие территории как Марокко, Тунис, Ливия или Египет – хотя там и располагались союзные силы, которые контролировали часть или всю территорию страны или заявляли о своем праве на власть¹⁷⁸.

Такое исключение из договора не принимало во внимание интерес колониальных европейских держав, в особенности Франции к «арабскому миру»¹⁷⁹. Но альянс нельзя рассматривать как анти-колониальный клуб. Хотя

¹⁷⁷North Atlantic Treaty Organization, “The North Atlantic Treaty,” April 4, 1949, URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm. (дата обращения: 30.11.2013)

¹⁷⁸Ландабасо Ангуло А.И. Средиземноморье безопасности и сотрудничества. М., 2003.

¹⁷⁹Henderson N., The Birth of NATO, Boulder, CO: Westview Press, 1983, p.81.

Алжирская война и не была поддержана НАТО, ее молчаливое согласие сегодня рассматривается алжирцами как форма поддержки – несмотря на то, что сама война мешала взаимоотношениям Франции и союзников и, в результате, стала одной из причин выхода Франции из военных структур альянса в 1966 году¹⁸⁰. Когда процесс деколонизации стал неотвратимым, Франция и Британия на заседании Североатлантического согласились обезопасить управление стратегических баз в регионе – для стабильности всего альянса, а не их собственного¹⁸¹. Хотя, для альянса эра колониализма закончилась очень быстро, его наследие, тем не менее, продолжает влиять на отношения с бывшими колониями.

Это усугубляется тем фактом, что арабские страны объединяют воедино не только понятия «Запад» и НАТО, но также индивидуальные действия союзников в регионе и коллективные операции альянса. В 1956 году Великобритания и Франция договорились с Израилем против Египта, который национализировал Суэцкий канал; в 1967 году США поддержали Израиль логистикой во время войны против Египта, Иордании и Сирии; в 1986 году, США бомбили Ливию как реакция на террористическую атаку в Берлине; в 1991 году международная коалиция, включающая почти все страны НАТО того времени (кроме Германии и Турции) освободила Кувейт из-под оккупации Ирака. Изначально, операции «Эндьюринг Фридом» в Афганистане и «Ираки Фридом» в Ираке были проведены лишь несколькими странами-членами альянса. Это не были действия блока, но, по мнению арабской общественности, это не имело разницы. Эти действия рассматривались как часть большого заговора, в которой Запад сговорился против Востока, желая контролировать торговые пути и получить доступ к нефти¹⁸². «Арабы видят НАТО как сильный, агрессивный альянс, приверженный продвижению интересов Запада в регионе»¹⁸³. Эта идея

¹⁸⁰Irwin M. Wall, "France, NATO and the Algerian War," in Wilfried Loth, ed., *Europe, Cold War and Coexistence, 1953-1965*, Hove, East Sussex, UK: Psychology Press, 2004, pp. 52–62.

¹⁸¹ Вишневецкий М.Л. Американская империя в Африке: миф или реальность. М.: Институт Африки РАН, 2007. с. 27.

¹⁸²Salam M.A., "The Modes of Arab Conspiracy Theories," *Arab Insight*, Vol. 2, No. 2, Summer 2008, pp. 89-101.

¹⁸³Alani M., 'Arab Perspectives on NATO', *NATO Review*, 4, 2005.

поддерживается мыслью, что миссия альянса в Афганистане – это анти-мусульманская операция.

С момента окончания Первой мировой войны регион охватило чувство недовольства двойными стандартами международного права, что в итоге сказалось на трудных отношениях и недоверии со стороны «арабского мира». Чувство жертвенности было усилено тем, что теракты 11 сентября были использованы Западом для того, чтобы начать «крестовый поход»¹⁸⁴ против мусульман. Смерть более 10 тыс. гражданских лиц в Афганистане¹⁸⁵, где НАТО проводила свою миссию с 2002 года, и заявления высших должностных лиц НАТО в 1990-ых годах об угрозе ислама¹⁸⁶, укрепили впечатление, что альянс охотится на мусульман.

Сегодняшнее представление «арабского мира» о НАТО построено на десятилетиях недоверия – альянс это империалистический и военный блок, стремящийся установить контроль над Ближним Востоком. Образ НАТО попал в широко распространенное противоборство между «Западом» и «арабским миром»¹⁸⁷.

Наконец, обилие продолжающихся конфликтов и длительной нестабильности делают сотрудничество между заинтересованными сторонами труднодостижимым. Внутриполитические изменения в арабских странах, борьба за влияние и лидерство усилились и привели к сильному изменению международной расстановки сил в регионе. Режимы, который долгие десятилетия считались стабильными, сталкиваются с массовыми протестами населения, требующими больших политических, социальных и экономических прав и свобод.

¹⁸⁴“Europe Cringes at Bush ‘Crusade’ Against Terrorists,” The Christian Science Monitor, September 19, 2001, URL: www.csmonitor.com/2001/0919/p12s2-woeu.html. (датаобращения: 19.03.2015)

¹⁸⁵“Afghanistan civilian casualties: year by year, month by month,” The Guardian, URL: www.guardian.co.uk/news/datablog/2010/aug/10/afghanistan-civilian-casualties-statistics. (датаобращения: 14.06.2014)

¹⁸⁶“NATO Chief under Fire for Islamic Remark,” International Herald Tribune, February 15, 1995.

¹⁸⁷“Arab Perspectives on NATO,” NATO Review, Spring 2005, URL: www.nato.int/docu/review/2005/issue4/english/art3.html (датаобращения: 28.05.2015)

Пока кризис в Сирии и растущие влияние Ирана в регионе заставляют США больше сотрудничать с Саудовской Аравией и другими странами Залива, стратегические триады США-Турция-Израиль и США-Израиль-Египет начинают разваливаться, и каждая из стран начинает проводить свою собственную политику, часто противоречащую интересам США. Это часть общей тенденции, которая мешает выстраиванию единой повестки дня региона. В таких условиях, Вашингтону придется сосредоточиться на двусторонних договорах по немедленному кризисному регулированию и сохранить влияние в регионе при такой политике будет чрезвычайно сложно. Более того, партнерства НАТО, в большей степени зависящие от влияния США в регионе, вряд ли смогут углубить взаимоотношения в ближайшем будущем. В такой ситуации, страны-члены альянса и являются его основными соперниками в попытках углубить кооперацию со странами «арабского мира».

Внутриполитические изменения в странах «арабского мира» также препятствуют будущей политике альянса. На протяжении десятилетий НАТО пыталась сохранить статус кво в регионе, путем поддержки дружественных авторитарных режимов¹⁸⁸. Население этих стран всегда имело негативное восприятие политики Запада на Ближнем Востоке, но «Арабская весна» доказала, что угнетенная общественность может заставить режимы бояться внутренних угроз выживанию больше, чем внешних. Если сотрудничество с Западом потенциально увеличит внутреннюю нестабильность, правительства, вероятнее всего, откажутся от такого сотрудничества, выбрав взамен сотрудничество с соседями или другими международными силами.

Конфликты и нестабильность не только выявляют политические проблемы, такие как отсутствие легитимности и нарушения прав человека, но нарушают экономическое развитие стран, что приводит к нежеланию инвесторов вкладывать деньги в регион, усиливают «утечку мозгов», замедляют развитие

¹⁸⁸ Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. Жуковский, М., 2003, стр. 42.

инфраструктурных проектов. В результате, «арабский мир» оказывается в конце рейтинга политической и экономической интеграции¹⁸⁹.

В результате, отношения стран региона и НАТО можно определить несколькими факторами. Во-первых, недостаточное финансирование препятствует участию арабских стран в семинарах и совещаниях в рамках альянса. Во-вторых, проблема образования и непосредственные результаты недостаточного финансирования сектора образования в «арабском мире». Английский язык на рабочем уровне не распространен среди арабских стран, по сравнению с французским языком¹⁹⁰. И хотя, французский является вторым официальным языком НАТО, в небольших форматах семинаров, круглых столов и совещаниях, синхронный перевод на английский, французский и арабский языки чрезвычайно затруднителен. То же самое невозможно во время операций и учений, что сказывается на уровне коммуникации и, в конечном итоге, на эффективности инициатив альянса.

НАТО практически не переводит информацию и данные своего официального сайта на арабский язык, что демонстрирует, что язык коммуникации с арабскими коллегами до сих пор является не решенным вопросом. Это было особенно заметно во время операции альянса «Юнифайд Протектор» в Ливии, когда арабский контент на сайте НАТО был очень ограниченным, а видео на арабском языке публиковались на отдельном канале Ютуб под названием «НАТОарабик»¹⁹¹. Посещаемость этого канала остается достаточно низкой – порядка 3,5 тыс. просмотров, по сравнению с миллионом просмотров английского канала. Это можно частично объяснить низким уровнем доступа к интернету, который согласно международной статистике составляет 20% в Северной Африке и 57% в Персидском заливе, по сравнению с 80% в

¹⁸⁹United Nations Economic Commission for Africa, The Cost of non-Maghreb: Achieving the Gains from Economic Integration, Addis Ababa: African Trade Policy Center, November 2006, p. 1.

¹⁹⁰ Отчет человеческого развития арабских стран, ПРООН, 2003, стр. 54. (на арабском языке)

¹⁹¹NATOArabic'sChannel, URL:www.youtube.com/user/NATOArabic (датаобращения: 05.03.2015)

Западных странах¹⁹². Но другой причиной этого является отсутствие прямых ссылок на этот контент на официальном сайте НАТО.

НАТО за все время действия своей партнерской политики не удалось выработать единого определения безопасности, которое бы служило основой для дальнейших действий. За это время были созданы множество определений безопасности – как узкие, так и расширенные¹⁹³, а также уникальные и очень сложные представления о безопасности Ближнего Востока¹⁹⁴.

На данный момент, НАТО так и не смогла сгладить противоречия в интересах союзников при реализации своей партнерской политики. Различия в подходах есть не только среди союзников по альянсу, но и в правительствах стран-участниц обеих программ. Например, инициативы так и не смогли решить «нацелены ли они на сдерживание потенциальной нестабильности или же на участия в создании региональных рамок безопасности»¹⁹⁵. Более того, НАТО была более заинтересована в определении позиций стран региона по поводу своей роли в обеспечении стабильности и безопасности в регионе, а не в интересах безопасности этих стран.

Все это формирует парадокс: хотя отношения с НАТО могут способствовать укреплению безопасности против внешних угроз, оно может привести к внутренним беспорядкам и нестабильности в странах Ближнего Востока. Кроме того, это поднимает противоречие между политикой альянса по продвижению демократии в регионе и интересами по поддержанию стабильности. Опора на дружественные авторитарные режимы не смогла укрепить региональную безопасность и стабильность, демократические режимы могут быть настроены очень скептически по отношению к Западу и его институтам, что ослабит позиции альянса в регионе. Предложение установить партнерства с

¹⁹²Internet World Stats, Middle East and Africa Data for 2015, URL: www.internetworldstats.com/stats.htm. (датаобращения: 24.05.2016)

¹⁹³См., например, Buzan B., Waever O., Wilde J., Security: A New Framework for Analysis, Lynne Rienner Publishers, Boulder, 1997.

¹⁹⁴ Nonneman G., “Obstacles to Stability in the Middle East: An Overview of Context and Linkages,” in Theodoris Couloumbis, Thanos Veremis, Thanos Dokos (eds.), The Southeast European Year-book, Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Athens, 1994, pp. 105-134.

¹⁹⁵См. Borgomano-Loup L., NATO's Mediterranean Dialogue and the Istanbul Cooperation Initiative: Prospects for Development, NATO Research Paper, No. 21, 2005, p. 3.

большим числом стран, говорит о понимании в НАТО необходимости сотрудничать со странами, с которыми могут быть схожие интересы, но которые не разделяют те же ценности.

Имидж и восприятие НАТО в Средиземноморском регионе имеют большое значение и поэтому продолжение политики альянса в регионе, где правительства и общественное мнение настроены против него, ставит серьезные вопросы перед альянсом. Десятилетия политики в «арабском мире», которую население видит, как унижительную и агрессивную, невозможно исправить исключительно публичной дипломатией, необходим политический диалог – широкий обмен мнениями, установление доверия, оценка рисков и угроз с позиций разных сторон. И пока альянс не сможет справиться с негативным образом себя на Ближнем Востоке, его конструктивная роль в регионе стремится к нулю.

ГЛАВА 3. КРИЗИСЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ПОЗИЦИЯ НАТО

§7. НАТО И ВОЙНА В ИРАКЕ

Политика США в отношении Ближнего Востока после терактов 11 сентября 2001 года отличалась от политики предыдущих лет. Установка "нефть и стабильность любой ценой" была дополнена ещё одним принципом – обеспечение избранности и безопасности единственной оставшейся сверхдержавы. США начали видеть свою роль на Ближнем Востоке по-другому.

Как распад Советского Союза сформировал в политике США эру "после холодной войны", так атаки 11 сентября, по мнению бывшего государственного секретаря США К. Пауэлла спровоцировали эпоху "после после-холодной войны". Новая республиканская администрация США или неоконсерваторы, находясь перед вызовами терроризма, небезопасного транзита энергоресурсов и др., выработали новую политику США в «арабском мире»¹⁹⁶. Они были решительно настроены не только использовать всю силу американской власти для защиты страны от любых возможных угроз, но и перестроить всю систему международных отношений ради сохранения и продления в ней уникальной роли и статуса Америки¹⁹⁷. Они пропагандировали идею "мессианской роли и исключительности американского народа"¹⁹⁸.

Под этим они подразумевали веру в то, что США, движимые вечными ценностями и жизненно важными интересами, должны нести добровольно взваленное ими на себя бремя установления мира во всем мире, торжества свободы и демократии, несмотря на любые последствия и жертвы.

Во введении к Стратегии национальной безопасности США 2006 г.¹⁹⁹, администрации Дж. Буша мл., утверждается, что "Америка должна выбрать

¹⁹⁶ Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. Ближний, Средний Восток и Северная Африка в мировом нефтегазовом хозяйстве. М., 2008. 100 с.

¹⁹⁷ Orfy M., NATO and the Middle East, p.143.

¹⁹⁸ McCrisken, T. American Exceptionalism and the Legacy of Vietnam: US Foreign Policy Since 1974. New York and Hampshire: Palgrave Macmillan, 2003, p.183.

¹⁹⁹ The 2006 national security strategy of the United States of America. URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html> (дата обращения 25.11.2015)

между дорогой страха, изоляционизма и протекционизма, отступления и экономии, и дорогой уверенности"²⁰⁰. "И [Америка] выбирает борьбу с вызовами сейчас, чтобы не оставлять их в наследство будущим поколениям"²⁰¹.

Именно борьба с эпидемиями, распространением ОМУ, терроризмом и работорговлей становятся ключевыми приоритетами внешней политики США²⁰²(6).

Эти приоритеты должны быть осуществлены путём максимизации военной силы, как обычных вооружений, так и ядерного потенциала, потому как идеология администрации Дж. Буша мл. это смесь идей политического манихейства и приверженности положениям реалистичной парадигмы о необходимости создания такого превосходящего потенциала сил США, что ни одна другая страна или группа стран не решится на конфронтацию с ней.

Администрация Дж. Буша мл. как ни одна другая власть США пыталась сохранить превосходящую роль Америки на международной арене. Неоконсерваторы считали, что эти цели могут быть достигнуты исключительно жёсткой политикой, если потребуется даже империалистическая экспансия.

Американский аналитик Дж. Феффер, рассуждая о политике США того времени, говорит: "Это возвращение к внешнеполитической линии Р. Рейгана. США – одурманенные своим военным, экономическим и политическим превосходством будут стараться перекроить мир, как им угодно, воюя с врагами, игнорируя союзников и действуя с высокомерием страны, полагающей себя выше критики"²⁰³. Необходимо отметить, что такое видение «Американского проекта» получило значительную поддержку в общественном мнении США, несмотря на высокую стоимость такой политики – сотни тысяч невинных жертв и финансовое бремя на Американскую экономику²⁰⁴. Победа Дж. Буша мл. на вторых

²⁰⁰Ibid. p.2.

²⁰¹Ibidem.

²⁰²Ibidem.

²⁰³ Feffer, J. 'Introduction', in Power Trip: U.S. Unilateralism and Global Strategy After September 11. New York and London: Seven Stairs Press, 2003. p.15.

²⁰⁴ Letters: Deaths in Iraq, The Independent, 12 Oct. 2006, URL: <http://www.independent.co.uk/voices/letters/letters-deaths-in-iraq-419843.html> (датаобращения 17.10.2016)

президентских выборах означала драматическое изменение в отношении обычных американцев к событиям 11 сентября. Во время после атак 2001 года общественность была готова к войне и империалистической миссии по установлению демократии в дальних странах, в частности потому, что США были жертвой нападений²⁰⁵. Именно поэтому, фраза «Америка находится в состоянии войны» предваряла стратегию национальной безопасности 2006 года²⁰⁶. И это была попытка оправдать все, что было указано в стратегии.

Эта новая агрессивная политика, ставшая возможной только исключительно из-за отсутствия баланса сил в международных отношениях, имела прямое отношение к Ближнему Востоку – в 2003 году началась Иракская война. По словам Президента США Дж. Буша мл. «[Америка] решительно наступает на террористические организации, ослабляя их, но еще не побеждая; [Америка] присоединилась в борьбе Афганского народа против режима Талибана; [Америка] сконцентрировала внимание всего мира на распространении смертоносных вооружений; [Америка] поддерживает распространение демократии на Большом Ближнем Востоке; и [Америка] возглавляет международную коалицию чтобы свергнуть диктаторский режим в Ираке»²⁰⁷.

Идеологические корни руководящих принципов новой концепции США – это Доктрина Трумана. Это подтверждается словами президента: «дорога, которую выбрала [Америка], согласуется с великой традицией Американской внешней политики; как политика Гарри Трумана и Рональда Рейгана – цели США «идеалистичные», но средства достижения их «реалистичные»²⁰⁸. Стратегия национальной безопасности США, как считают многие американские эксперты, старается использовать уникальное стечение обстоятельств и проецировать свое видение на весь мир²⁰⁹. В данном контексте главная забота нео-консервативной

²⁰⁵ Herrmann, R., Reese. M. 'George W. Bush's Foreign Policy', in Campbell, C. and Rockman, B. (eds) The George W. Bush Presidency: Appraisal and Prospects. Washington, D.C.: CQ Press, 2004, p.219.

²⁰⁶ The 2006 national security strategy of the United States of America.p.1.

²⁰⁷ Ibidem.

²⁰⁸ Ibid. p.2

²⁰⁹ См., например, Sands, P. Lawless World: America and the Making and Breaking of Global Rules. London and New York: Penguin, 2005; Chomsky, N. Middle East Illusions, Including Peace in the Middle East: Reflections on Justice and Nationhood. New York and Oxford: Rowman and Littlefield, 2003;

администрации США – это Ближний Восток, – именно там будут происходить решающие события, которые будут определять будущее мира на десятилетия вперед. А одна из целей интервенции в Ирак – обезопасить базу, на которой будет строиться будущее гегемония США в регионе.

НАТО в таких условиях используется США по максимуму для достижения их видения мировой политики. Диссертант выявил пять причин, по которым выбор США пал именно на НАТО для реализации своих внешнеполитических целей:

1. Это единственный форум, через который США могут влиять на политику европейских стран, так как именно Америка долгое время оплачивает до 80% всех расходов Североатлантического альянса.

2. Альянс позволяет сохранять и упрочивать позиции превосходства США и/или Западных стран по отношению к другим великим державам, таких как Россия и Китай. Это очень эффективный военный инструмент, который позволяет Западу коллективно защищать «общие интересы». В то же время, это позволяет добиться того, что ни один другой существующий альянс или группа стран не могут сравниться с НАТО.

3. НАТО – один из самых эффективных инструментов для продвижения видения Америки по обеспечению международной безопасности. Подтверждением данного факта является, например, успешность программы «Партнерство ради мира» при формировании новой среды безопасности в Европе.

4. НАТО – средство для продвижения ценностей и норм США. Например, такие ценности и стандарты, как демократия и защита прав человека – одно из требований для участия в такой программе сотрудничества как «Партнерство ради мира» или подачи заявки на членство в организации.

5. Развивающиеся отношения между НАТО и ее перифериями, включая Южную Азию, Кавказ и, конечно, Ближний Восток, так или иначе, служат целям глобальной стратегии США. Америка использовала существующие форматы консультаций в рамках программ сотрудничества для продвижения позиции Вашингтона по региональным кризисам, значимым вопросам международной

безопасности, как, например, терроризм и распространение ОМУ и др. Будучи неоспоримым лидером НАТО, США способны как никто другой влиять на ее политику.

По мнению некоторых ученых²¹⁰, именно НАТО позволяет США укреплять и легитимировать свою внешнюю политику.

Обобщая, можно сказать, что перенесение ответственности на другие страны для управления рисками международной безопасности и продвижения своих ценностей, позволяет поддерживать США их цели и позицию превосходства в международных отношениях.

После атак 11 сентября место НАТО во внешней политике США, до того центральное, стало меняться. Хотя, вначале, альянс и был решительно готов принять свою базовую цель и предоставить США помощь и поддержку. США быстро отреагировали на террористические атаки, сначала вторгшись в Афганистан, а затем, инициировав Иракскую кампанию, что свидетельствует, что Америка не нуждается в НАТО для продвижения своей политики. Более того, важно отметить, что руководство США считает, что лидирующее государство не может быть связано международными институтами для продвижения своей политики²¹¹. А процесс принятия решений в НАТО, основанный на консенсусе и единогласном принятии решений, являлся проблемой для США.

Хотя НАТО и прибегли в Афганистане к статье 5 впервые в своей истории, США действовали там единолично и это недвусмысленно говорит о не «только об Американской силе, но и о разрыве между военным потенциалом США и любой другой страной или группой стран»²¹². США опасались, что «НАТО превратиться в подобие ЕС – форум, где обсуждаются и согласовываются стандарты и политика, но не предпринимаются никакие действия»²¹³.

²¹⁰ Clement, S. 'The United States and NATO: A Selective Approach to Multilateralism', in Malone, D. and Khong, Y. US Foreign Policy: International Perspective. London: Lynne Rienner, 2003 p.408.

²¹¹ Гусейнов В.А., Денисов А.П., Савкин Н.П., Демиденко С.В. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М.: ОЛМАМедиаГрупп, 2007. – с. 230.

²¹² Bennis, P. Before and After: US Foreign Policy and the War on Terrorism. Gloucestershire: Arris Books, 2003, p.82.

²¹³ Громыко Ан.А. Новый мировой порядок или беспорядок. М., 2004, с. 84.

Между тем, альянс быстро согласился на все запросы США по поддержанию их миссии в Афганистане, что включало полный доступ к их портам, аэродромам и другим базам НАТО, использование самолетов дальнего радиолокационного обнаружения, вывод всех подразделений США из миссии НАТО на Балканах и др.²¹⁴

Такая тенденция в политике США достигла своего пика с началом войны в Ираке и начала постепенно спадать. Скорее всего, США убедились, что не способны справиться в одиночку со всеми негативными последствиями событий 11 сентября. Постепенно США пришли ко все большему пониманию необходимости поддержки их действий альянсом. Такое понимание непрерывно сопровождалось дискуссиями о влиянии США на НАТО и наоборот, о политике альянса и Америки на Ближнем Востоке и о будущем Североатлантического союза в целом. Проводились они не только среди официальных лиц блока, но и среди аналитиков всего мира.

Среди исследователей широко распространено мнение, что каждый шаг НАТО обязательно согласуется со стратегическим видением будущего Ближнего Востока Соединенными штатами²¹⁵. Другие исследователи, в том числе и российские, придерживаются мнения, что альянс – не монолитная организация, а значит, США не всегда может добиваться от союзников определенных действий²¹⁶.

США и европейские союзники вынуждены координировать свою политику, чтобы справиться с региональными кризисами – альянс не сможет сохранить свою роль в регионе и разрешить самые значимые кризисы начала XXI века, если будут сохраняться внутренние противоречия²¹⁷.

²¹⁴ Bennis, P. Before and After: US Foreign Policy and the War on Terrorism. p. 113.

²¹⁵ Fouskas, V. Zones of Conflict: US Foreign Policy in The Balkans and the Greater Middle East. London: Pluto Press, 2003, p.31.

²¹⁶ Вавилов А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран// М.: Библос консалтинг. 2009. с. 197.

²¹⁷ Geipel, G. America and Europe on the Middle East: What Divides Us?, Conflicts in the Greater Middle East and the Transatlantic Relationship. Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2005, p.199.

Для европейцев любое вовлечение вне зоны ответственности НАТО –это спорный вопрос и большая часть Европейских союзников верят, что терроризм нужно сдерживать не военными средствами, а с помощью устранения причин его появления²¹⁸. Для администрации Буша «ислам» стал абстракцией, политически полезной в глобальной войне с террором²¹⁹.

Для США Ближний Восток находится слишком далеко, а потому было удобно перенести туда все свои проблемы. Но для Европы это ближнее зарубежье и американская стратегия глобальной конфронтации с исламом не подходит для Европы.

Прямое вовлечение НАТО в разрешение кризисов на Ближнем Востоке после 11 сентября связано с участием альянса в Иракской войне и, что более важно, его лишь вспомогательная роль. Другими словами, НАТО не брала на себя ответственность за выполнение какой-либо прямой военной задачи в этом кризисе.

Официальные лица европейских стран-союзников были уверены, что НАТО должна придерживаться именно такой роли, полагаясь на механизмы «мягкой безопасности». Связано это было с опасениями Европейского истеблишмента вызвать негативные последствия в столь сложном регионе, которые бы сказались на непосредственной безопасности стран Европы.

Еще при инициации «Средиземноморского диалога» именно страны Европы сдерживали желание США вовлечь НАТО в разрешение Арабо-израильского конфликта, не чувствуя в альянсе сил справиться со столь запутанным кризисом, не принимая во внимание нежелание этого со стороны региональных сил. Другой причиной являлось явно неверное время для такого вовлечения НАТО и негативный имидж организации в регионе. Единственная возможность вовлечения альянса в разрешение данного кризиса – прямой запрос Израиля об

²¹⁸ Gallis, P. 'The NATO Summit at Prague', 2002, in Clausson, M. (ed.) NATO: Status, Relations, and Decision-Making. New York: Novinka Books, 2007, p.101.

²¹⁹ Judt, T. 'Europe Versus America'. The New York Review of Books. 52/2, 10 February 2005, p.163.

этом, но едва бы альянс согласился, он был бы скован рамками плана и политики, установленной Тель-Авивом.

Ситуация, разворачивавшаяся на Ближнем Востоке в начале 2000-ых годов, не способствовала разрешению Арабо-израильского конфликта и улучшений ее не предвиделось. Не раз высказывалась мысль о возможном проведении миротворческой операции НАТО в Палестине, но она остается достаточно непопулярной среди союзников, потому что является политически очень опасной²²⁰.

В связи с этим Генеральный секретарь НАТО Й. де Хооп Схеффер выделил три главных условия такой операции²²¹: всеобъемлющий мирный договор, согласие сторон и мандат ООН, не говоря уже о внутреннем консенсусе НАТО. Учитывая высокую политическую видимость такой операции и трудности военного осуществления ее, сейчас не подходящее время для миссии в Палестине или на Голанских высотах²²².

Таким образом, в НАТО явно отсутствовал консенсус и политическая воля для вовлечения в такой кризис.

Касательно множества региональных кризисов Южного Средиземноморья, необходимо отметить, что НАТО в тот период не выработали долгосрочных и четко-определенных политических принципов руководства к действию. Вместо этого, каждый из случаев рассматривался отдельно, в зависимости от его развития и интересов и нужд союзников. Например, комментарий одного из официальных лиц альянса о возможно роли его в переговорах об иранской ядерной программе: «НАТО не решила, принимать ли ей участия в [ее] разрешении, потому как

²²⁰Friedman Th. L., How About Sending NATO Somewhere Important? The New York Times, September 4, 2001, URL: www.nytimes.com/2001/09/04/opinion/foreign-affairs-how-about-sending-nato-somewhere-important.html (датаобращения: 29.07.2014); Howarth J., "ESDP and NATO? Wedlock or Deadlock?" Cooperation and Conflict, Vol. 38, No. 3, 2003, p. 243; Peraino K., NATO in the West Bank, Newsweek, December 6, 2008, URL: www.newsweek.com/id/172638 (датаобращения: 29.07.2014)

²²¹ NATO, Speech by NATO Secretary General at an event jointly organized by the Institute for National Security Studies and the Atlantic Forum of Israel, January 11, 2009, URL: www.nato.int/cps/en/SID-FA832B39-70CC352E/natolive/opinions_49673.htm?selectedLocale=en, (датаобращения: 12.01.2014)

²²² Gaub F., NATO: Peacekeeping the Holy Land? NATO Defense College Research Paper, No. 57, March 2010, URL: www.ndc.nato.int/download/downloads.php?icode=182 (датаобращения: 23.09.2015); Touboul C., Planning Ahead for a Peacekeeping Mission on the Golan Heights: a Role for NATO? NATO Defense College Forum Paper, n.19, September 2011, URL: www.ndc.nato.int/download/downloads.php?icode=305 (датаобращения: 23.09.2015)

союзники не пришли к единому мнению о роли и необходимости НАТО в этом кризисе»²²³.

В целом же, общее мнение было таково, что НАТО способна только поддерживать Американцев в их политике в регионе, но не заменить или вытеснить их в поддержании комплекса региональной безопасности.

С другой же стороны, некоторые аналитики предполагали, что хотя роль альянса в регионе Средиземноморья и была скромной и медленной, очевидно, что НАТО накапливает региональный опыт и знания, которые позволят ей в будущем играть более существенную роль в разрешении кризисов безопасности и стабильности²²⁴. Именно поэтому ограниченная, вспомогательная роль НАТО в Иракском кризисе была верной политикой для альянса.

Иракская война 2003 года была проверкой на прочность Североатлантического альянса и его глобальной политики. Например, Л. Каплан, один из ведущих экспертов США по НАТО, утверждал, что «Иракский кризис можно представить как гору, натолкнувшись на которую, НАТО может расколоться на две части или развалиться вообще»²²⁵.

Без преувеличения, будущее альянса в то время стало вопросом множества споров, особенно в Европе. Противоречивые взгляды о легальности и необходимости войны в Ираке привели к полному расколу между союзниками, что отразилось на неспособности Североатлантического совета достичь консенсуса по запросу США о поддержке их действий. Вдобавок, Бельгия, Франция и Германия в марте 2003 г. наложили вето на возможность военной защиты территории другого союзника, Турции, в случае развития военных действий в Ираке. Некоторые европейские союзники, среди них Франция и Германия, были решительно настроены на недопущения участия НАТО в войне, потому что, по их мнению, она была нелегальна с позиции международного права. Также указывалось, что в такой агрессивной войне, инициированной США

²²³Orfy M., NATO and the Middle East, p.153.

²²⁴Masala, C. Rising Expectations. NATO review, 2005, (4), p.3.

²²⁵Kaplan, L. NATO Divided, NATO United: The Evolution of an Alliance. Westport, Connecticut and London: Praeger, 2004, p.143.

с целью смены режима в Ираке в нарушение международного права, оборонный альянс ничем не может помочь, но более того, это нарушает всю процедуру принятия решений в его Совете²²⁶.

Потеря солидарности внутри альянса привела, например, к тому, что министр обороны США Д. Рамсфельд пригрозил перенести штаб-квартиру НАТО из Брюсселя, если Бельгия не согласится аннулировать закон, позволяющей ей проводить уголовное преследование в случаях геноцида, военных преступлений или нарушений прав человека. Парламент Бельгии внес поправки в закон, сделав его применимым исключительно в том случае, если жертвы или преступники были гражданами этой страны, но уголовные дела к тому времени уже были заведены против Президента США Дж. Буша мл., Премьер-министра Великобритании Т. Блэра, государственного секретаря США К. Пауэлла, генерала Т. Франкса и министра обороны США Д. Рамсфельда по Иракскому делу²²⁷.

Трещина в отношениях между союзниками, образовавшаяся в результате войны в Ираке и других проявлений односторонних действий нео-консервативной администрации США, оказалась очень серьезным вызовом для альянса, особенно из-за двух внутренних партий, проводящих прямо противоположную политику. Первая, ось Франция-Германия, которые намеривались создать независимую Общую политику безопасности и внешнюю политику Европы, несмотря на противодействие Великобритании и других дружественных США «новых» стран Европы. Вторая, Вашингтон, который оказался готов поступиться интересами союзников и всего альянса для создания ad-hoc коалиций, с помощью которых он может проводить любую политику, не достигая необходимого консенсуса, который всегда был необходимым условием действий организации.

Между тем, США все-таки удалось предотвратить негативные последствия Иракского кризиса на разногласия внутри альянса. Среди возможных причин этого – поиски международной легитимности оккупации Ирака. США смогли

²²⁶ Новостные сообщения канала «Аль-Джазира». URL: <http://aljazeera.net> (на арабском)

²²⁷ Чудодеев А.К. НАТО против НАТО / А.К. Чудодеев, О.В. Одиокоренко // М.: Международные отношения и политика, 2007. с. 372.

успешно уговорить некоторых Европейских союзников участвовать в операции в Ираке и справиться с расколом, образовавшимся в альянсе. Это подтверждает, что различия внутри НАТО не перешагнули точку невозврата. Как подтвердилось на саммите в Брюсселе в 2005 г., общие интересы и взаимная выгода превышают существующие различия. Кроме того, заметно стало изменение отношения США к НАТО.

Именно в это время, среди истеблишмента США появляются мнения, что альянс стал анахроничным, проблемным и недостаточно сильным, чтобы играть значимую роль в «стратегической миссии США нести стабильность и процветание с помощью демократии»²²⁸. На какой-то момент нео-консервативная администрация США смогла утвердить идею американского превосходства над остальным миром. Но те вызовы, которые породили кампании в Афганистане и Ираке заставили Вашингтон снова обратиться к своим давним союзникам за поддержкой.

Кроме того, было объявлено, не только официальными лицами союзников, но и Генеральным секретарем НАТО, что страны согласились не придавать значения разногласиям по Иракскому кризису и «двигаться дальше»²²⁹. Как доказательство этому, альянс объявил в декларации по итогам саммита в Стамбуле²³⁰ в 2004 г. о своем решении ввести многонациональный корпус сил стабилизации в центральный Ирак. Он должен был обеспечить тренировку новых сил безопасности Ирака. Но вот безопасность самого корпуса НАТО легла на плечи американских военных.

В целом, если Иракский кризис и продемонстрировал что-то значительное, так это подтверждение того, что США не могут использовать НАТО когда и где им захочется для достижения своих целей на Ближнем Востоке. Напротив, это доказывает, что европейские союзники, или хотя бы некоторые из них, могут

²²⁸ Lindley, J. Why America is Stuck with NATO. 2006, p.3. URL: www.europesword.org/article.aspx?ID=16c7be88 (дата обращения: 18.02.2014)

²²⁹ Заявление Генерального секретаря НАТО о новой глобальной роли альянса на конференции IISS, февраль 2004 г. Режим доступа: <http://www.nato.int/> (дата обращения: 05.03.2015)

²³⁰ Istanbul Summit 'Statement on Iraq', 28 June 2004. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-098e.htm> (дата обращения: 16.12.2013)

препятствовать использованию альянса Соединенными штатами, едва они посчитают, что это не согласуется с их видением и их интересами.

США неудачно пытались втянуть Североатлантический альянс в самую гущу кризиса, но европейские союзники предупредили такое развитие событий, предложив только скромное и символическое участие НАТО. Поэтому роль НАТО в Ираке отражает определенное восстановление солидарности между союзниками.

На саммите НАТО в Риге в 2006 году союзники подтвердили, что роль альянса должна оставаться в рамках международного права и продемонстрировали большую готовность продолжить тренировки Иракских военных.

В параграфе 18 Рижской декларации значится, «все Союзники продолжают участвовать в миссии НАТО в Ираке, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности Организации Объединенных Наций № 1546, оказывая помощь в подготовке сил безопасности Ирака, как внутри страны, так и за ее пределами, оснащении их или делая вклад в целевые фонды. Миссия по подготовке демонстрирует нашу поддержку народа и правительства Ирака, а также стабильности, демократического развития, единства и территориальной целостности Республики Ирак, согласно соответствующим резолюциям Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. В ответ на запрос премьер-министра Ирака мы обратились к военным руководящим органам НАТО с просьбой разработать дополнительные нишевые варианты подготовки для поддержки сил безопасности Ирака в областях, где требуются военные экспертные знания, в рамках мандата миссии НАТО по подготовке в Ираке. Это демонстрирует наше обязательство помочь Ираку в создании эффективных и устойчивых многонациональных сил безопасности»²³¹.

²³¹Riga Summit Declaration, para 18.URL: <http://www.nato.int/docu/comm/2006/0611-riga/index.htm> (датаобращения: 16.12.2013)

Это максимум, который НАТО была готова предоставить и минимум, который США были готовы принять от Европейских союзников, особенно после яростных противоречий, которые последовали за Иракским кризисом.

Таким образом, несмотря на превалирующее убеждение, что роль НАТО на Ближнем Востоке – т.е. ее программы сотрудничества и вовлеченность в региональные кризисы – это всего лишь инструмент внешней политики США, все-таки согласие внутри альянса необходимо. Достаточно сказать, что именно Европейские союзники не позволили США использовать альянс для первоначальной интервенции в Ирак в 2003 г.

Ограниченность роли НАТО в Иракском кризисе говорит о прочности позиций, как США, так и Европейских союзников в их влиянии на политику альянса. До сих пор не выработано единое видение роли НАТО в регулировании вопросов «жесткой безопасности» на Ближнем Востоке. Каждый случай, как видно во время Ливийского кризиса 2011 года и Сирийской гражданской войны рассматривается отдельно, в зависимости от уникальных условий и обстоятельств. Более того, достигнутое согласие между США и европейцами и желание возложить на европейских союзников большую ответственность и стало причиной усиления активности альянса в Ближневосточном регионе и операции «Юнифайд Протектор» в Ливии в 2011 году. Между тем, эта гармония не означает и не гарантирует полный консенсус между союзниками.

§8. ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЕРАЦИИ НАТО В ЛИВИИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

НАТО начала операцию в Ливии 27 марта 2011 года и операция «Юнифайд Протектор» стала первой военной кампанией альянса в «арабском мире».

В первую очередь необходимо заметить, что НАТО и Ливию никогда не связывали партнерские отношения. При всей значимости страны для обеспечения региональной стабильности, ни одна из сторон не старалась идти на контакт. Около 20 лет назад профессор университета Милана К.М. Санторо написал книгу «Риски с Юга», где он предупреждал о центральной роли Ливии в обеспечении стабильности Северной Африки и стран Южной Европы. Необходимо также указать на политику М. Каддафи по манипулированию миграционными потоками, спонсорство терроризма и экономический шантаж²³².

Санкции ООН за поддержку терроризма и попытки получения ОМУ сделали невозможным изначальное участие Ливии в СД в 1994 году. Но в 2003 году полковник М. Каддафи уже несколько лет как согласился выдать виновников террористической атаки на самолет в Локерби и выплатить компенсации родственникам погибших. Также он согласился уничтожить все разработки химического, биологического и ядерного оружия, которые имелись в стране. Ливия была признана «раскаивающейся» страной и принята обратно в международное сообщество²³³. Именно тогда и начались дискуссии о возможном вступлении этой страны в программу сотрудничества.

Но Ливия так и не стала участницей СД, потому что режим не был в этом заинтересован – принимая во внимание критику, с которой М. Каддафи встретил инициацию данного форума, это не удивительно. Каддафи даже угрожал объявить

²³² Бартенёв В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969-2008). - М.: ЛЕНАНД, 2009. – с. 265.

²³³ Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М.: ИМЭМОРАН, 2011. – с. 82.

джихад НАТО и предупреждал своих арабских соседей об опасности иностранной интервенции в результате деятельности СД²³⁴.

Вслед за массовыми выступлениями населения в Бенгази в феврале 2011 года, Совет Безопасности ООН принял резолюции 1970, которая призвала Международный уголовный суд начать проверку ситуации в Ливии. СБ ООН в своей резолюции также установил военное эмбарго, заморозил активы Президента Ливии и его ближайшего окружения и наложил запрет на международные перемещения этих лиц. Сразу после этого НАТО начала наблюдательную операцию в Средиземном море. 10 марта министры иностранных дел НАТО выделили еще больше военных кораблей, которые должны были активизировать усилия по мониторингу.

17 марта 2011 года Совет Безопасности ООН выпустил резолюцию 1973²³⁵, которая уполномочила государства-члены, действуя самостоятельно или через региональные организации «принять все необходимые меры для защиты мирного населения от угрозы». Резолюция, таким образом, предполагала введение бесполетной зоны, обеспечение соблюдения эмбарго на поставки оружия, запрет на полеты, а также, замораживание активов.

НАТО вслед за решением 27 марта, незамедлительно связалась с партнерами по официальным каналам через программы партнерства и неофициальным, с помощью официальных-представителей в НАТО и послов стран-членов.

Операция альянса продемонстрировала прогресс в сотрудничестве между НАТО и международными и региональными организациями.

В течении нескольких дней после резолюции ООН 1973, Генеральному секретарю НАТО удалось не только созвать партнеров для проведения операции в Ливии, но и установить контакты на самом высоком уровне с ООН и ее специализированными учреждениями, как например Управлением по

²³⁴ Gareth M. Winrow, *Dialogue with the Mediterranean: The Role of NATO's Mediterranean Initiative*, New York: Garland Publishing, 2000, p. 173.

²³⁵ United Nations, "Security Council Approves 'No-Fly Zone' over Libya, Authorizing 'All Necessary Measures' to Protect Civilians," March 17, 2011, URL: www.un.org/News/Press/docs/2011/sc10200.doc.htm (датаобращения: 12.04.2015)

координации гуманитарных вопросов, ЕС, ЛАГ, Африканским союзом, ССАГПЗ, и др. Он обратился с призывом ко «всем акторам принять участие в согласованных усилиях, на основе единого чувства ответственности, открытости и решимости, с учетом сильных сторон, мандата, роли и самостоятельности в принятии решений каждого из них»²³⁶.

НАТО особенно была заинтересована в поддержке и участии арабских партнеров в операции. В такой ситуации СД и СИС оказались очень эффективны, когда потребовалось быстро и решительно получить политическую и военную поддержку для интервенции в регион²³⁷. Именно поэтому значимость данных программ была столь подчеркнута в новом документе о партнерстве, окончательно согласованном в 2011 году²³⁸. Новая политика партнерства предполагала более структурированную роль для партнеров, участвующих в операциях НАТО. В это время, как раз проводились консультации с южными партнерами в контексте операции «Юнифайд Проектор».

А 24 марта НАТО установила бесполетную зону над Ливией, запретив все полеты над страной, чтобы предотвратить атаки правительственной авиации на оппозицию. И только 27 марта НАТО взяла на себя полное руководство военной операцией в Ливии, которую уже несколько дней проводили Франция, Великобритания и США самостоятельно.

Некоторые аналитики предполагали, что Афганистан станет последней операцией альянса за пределами зоны ответственности. Ливия доказала обратное. И будет слишком скоро утверждать, что альянс не будет участвовать в других миссиях в регионе.

Условия для проведения интервенции были благоприятными для НАТО – существовал и легальный, и политический контекст. Во-первых, международно-

²³⁶ Ibid., para. 8.

²³⁷ Две страны региона приняли военное участие в операции – это Катар и ОАЭ. Иордания представила аналитическую поддержку и персонал. Швеция – также партнер НАТО – оказала военную поддержку, а Мальта предоставила военные базы.

²³⁸ NATO, “Active Engagement in Cooperative Security: A More Efficient and Flexible Partnership Policy,” April 15, 2011, URL: www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-Partnership-Policy.pdf (дата обращения: 15.04.2014)

признанная гуманитарная катастрофа, ставшая результатом попытки силового разгона демонстрантов президентом М. Каддафи. Во-вторых, Лига арабских государств, которая уже к тому моменту приостановила членство Ливии, обратилась к международному сообществу с просьбой вмешаться для защиты гражданского населения. И, в-третьих, позиция ЛАГ являлась «зеленым светом» для СБ ООН для принятия резолюции.

Безусловно, альянс не решился бы на такую операцию, не обладая широкой региональной поддержкой. Кроме такого удачного контекста, согласие четырех арабских стран-партнеров НАТО – Катара, Иордании, Марокко и ОАЭ участвовать в кампании в Ливии, а также отказ США от лидирующей роли в данной операции, сделали операцию легитимной в восприятии международного сообщества.

Официальные лица НАТО убеждают, что события подтвердили серьезность долгосрочной приверженности альянса своим партнерам и их значимость для операций НАТО. Но более всего опыт операции «Юнифайд протектор» доказал, что на данный момент альянс не способен проводить крупномасштабные кампании без участия партнеров. Ливийская кампания НАТО, несмотря на ее относительно крепкий легальный и политический базис, столкнулась со значительными вызовами внутреннего раскола и внешнего давления.

С момента начала дискуссий о возможной операции в Ливии, различия в подходах и политических интересах некоторых союзников, а именно Франции, Германии и Турции, не смогли избежать внимания прессы²³⁹. Солидарность относительно проводимой операции была поставлена под вопрос во время саммита министров обороны альянса в июне²⁴⁰, хотя по итогам и был достигнут

²³⁹См., например, “Split in NATO over Libya mission,” March 22, 2011, URL: <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/22-Mar-2011/Split-in-Nato-over-Libya-mission> (датаобращения: 17.08.2015); Steven Lee Myers and David D. Kirkpatrick, “Allies are split on goal and exit strategy in Libya,” The New York Times, March 25, 2011, URL: www.nytimes.com/2011/03/25/world/africa/25policy.html?_r=1&scp=12&sq=25%20march%202011&st=cse (датаобращения17.08.2015)

²⁴⁰ В апреле 2011 года министры иностранных дел НАТО на саммите в Берлине согласовали три цели операции: прекращение атак на гражданское население, возвращение вооруженных сил Ливии на военные базы и немедленный, полный и безопасный доступ к гуманитарной помощи. Эти цели повторяли резолюции СБ ООН 1970 и 1973.

консенсус о продолжении курса действий, пока цели НАТО не будут достигнуты. Вскоре после этого совещания, министр иностранных дел Италии Ф. Фраттини призвал к немедленной остановке кампании, в связи с большим числом жертв среди гражданского населения из-за авиаударов альянса²⁴¹. Таким образом, консенсус внутри альянса постоянно испытывался на прочность, но сохранялся, пока общественность стран-членов блока поддерживала союзную военную операцию против сил М. Каддафи²⁴². В Италии общественное мнение более всего не поддерживало военные действия в Ливии, в связи с чем и проявились официальные заявления высших должностных лиц страны. Напротив, Франция, несмотря на внутреннюю оппозицию, приняла на себя лидирующую роль в кампании, что согласовалось с амбициями президента Н. Саркози выглядеть сильным политическим лидером в преддверии президентских выборов 2012 года.

Премьер-министр России В.В. Путин сравнил операцию НАТО в Ливии с крестовыми походами²⁴³. Президент России, Д.А. Медведев, в свою очередь обратил внимание, что операция была санкционирована международным сообществом и нацелена, в первую очередь, на защиту мирных граждан²⁴⁴. Но вскоре после того, как начало расти количество жертв среди мирного населения, Россия потребовала немедленного прекращения огня и приняла участие в процессе национального примирения в Ливии, назначив своего специального посланника в регионе М. Маргелова. Даже принимая во внимание и легитимность резолюции ООН и широкую политическую и операционную поддержку, которую кампания получила среди стран региона, российское руководство продолжало критиковать НАТО. Министр иностранных дел С. Лавров в своем интервью агентству Блумберг 1 июня 2011 года сказал, что НАТО использовала в своих

²⁴¹ “Libya: NATO chief vows to continue war despite [sic] split over it,” June 23, 2011, URL: <http://realisticbird.wordpress.com/2011/06/23/libya-nato-chief-vows-to-continue-war-despite-split-over-it/> (дата обращения: 17.08.2015)

²⁴² Анализ общественного мнения и поддержки операции см. подробнее “Coordinate the Means but Not the Ends—Justifying U.S. and European Intervention in Libya,” URL: <http://blog.gmfus.org/2011/04/coordinate-the-means-but-not-the-ends—justifying-u-s-and-european-intervention-in-libya>. (дата обращения: 12.09.2015)

²⁴³ См. “Putin likens Libya air strikes to ‘crusades’” March 21, 2011, URL: www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8396746/Putin-likens-Libya-air-strikes-to-crusades.html (дата обращения: 16.02.2016)

²⁴⁴ См. “Medvedev: Putin’s Statement on Libya ‘Inadmissible’” March 21, 2011, URL: <http://russian-law.livejournal.com/59429.html> (дата обращения: 30.04.2015)

интересах пункт резолюции о достижении мира «всеми необходимыми средствами» и что альянс уже «ушел слишком далеко от декларируемой цели резолюции и запроса ЛАГ»²⁴⁵.

Участие России в процессе урегулирования последовало после саммита G8 во Франции в мае 2011 года²⁴⁶. Кроме того, Ливийский кризис также обсуждался на заседании совета Россия-НАТО и во время визита Генерального секретаря альянса в Москву в июле 2011 года совместно с президентом ЮАР Дж. Зумой²⁴⁷.

Различия в подходах между африканскими и арабскими союзниками НАТО. Страны Персидского залива считали кризис в Ливии «арабским» вопросом, а не африканским. Напротив, позиция Африканского союза была прямо противоположной.

В связи с нежеланием ввязывать НАТО в очередную затянутую кампанию по восстановлению государственности в ближневосточной стране, еще на саммите министров обороны альянса в июне 2011 года Генеральный секретарь альянса призвал все международное сообщество, Ливийскую контактную группу и другие гражданские организации к единой помощи в переходном периоде в Ливии²⁴⁸.

Генеральный Секретарь альянса выступил с заявлением, что «настало время планировать посткризисное регулирование в Ливии. История Каддафи завершилась, более не стоит вопрос, если он уйдет, но когда он уйдет... НАТО не будет брать на себя роль в восстановлении Ливии, когда кризис подойдет к концу, но будет участвовать с широким международным сообществом в усилиях по стабилизации для обеспечения легкого переходного периода»²⁴⁹. Было объявлено,

²⁴⁵ Полная запись интервью с министром иностранных дел С. Лавровым, 1 июня, 2011, URL: www.in.mid.ru/bdcomp/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/bb345b48652d15e7c325782c002f506c!OpenDocument. (дата обращения: 16.02.2016)

²⁴⁶ Интервью Лаврова, июнь, 2011.

²⁴⁷ См. информацию о встрече на официальном сайте НАТО. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/news_76039.htm (дата обращения: 16.02.2014)

²⁴⁸ В июне 2011 года на пресс-конференции по итогам саммита министров обороны НАТО и стран-партнеров, участвовавших в операции «Юнифайд Протектор». URL: www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_75176.htm (дата обращения: 16.02.2016)

²⁴⁹ «NATO's Role after the Fall of Gaddafi». The PRI's World, URL: <http://www.theworld.org/2011/08/natorole-gaddafi-libya/> (дата обращения: 23.08.2014)

что НАТО не будет участвовать в кризисном регулировании и государственном строительстве Ливии по окончании миссии.

Несмотря на существование Ливийской контактной группы²⁵⁰, найти дипломатическое решение во время кампании не получилось, так как выдвигалось слишком много инициатив. Хотя и существовал консенсус о необходимости немедленного прекращения огня, спорным пунктом оставался вопрос о вовлечении различных групп в процесс достижения политического урегулирования. Например, Переходный национальный совет (ПНС) не поддерживал ни одну инициативу, которая бы позволила М. Каддафи остаться в стране, и требовал изгнания его и его ближайшего окружения²⁵¹.

Режим Каддафи пал лишь спустя семь месяцев. Миссия завершилась 31 октября 2011 года.

Отказ НАТО участвовать в посткризисном урегулировании в Ливии, неспособность Ливийской контактной группы выработать единое политическое решение, которое было бы признано Советом Безопасности ООН и международным сообществом, образовали «вакуум ответственности» в Ливии и привели к тому, что с момента вывода войск НАТО она была представлена сама себе. За 5 лет после свержения режима М. Каддафи Ливия так и не смогла установить базовую среду безопасности, необходимую для проведения политических реформ и восстановления государственности.

Эксперты сходятся во мнении, что «сегодня Ливия представляет собой в полном смысле распавшееся государство, в котором не существует функционирующей политической и социальной структуры, а внутренняя фрагментация которого чрезвычайна и многомерна даже по современным ближневосточным и африканским меркам»²⁵².

²⁵⁰ 29 марта 2011 года министра иностранных дел Великобритании созвал Лондонскую конференцию, на которой и была создана Ливийская контактная группа, которая была призвана предоставлять политическое направление операции альянса от имени международного сообщества. В первый раз группа собралась в Дохе (Катар) 13 апреля для координации международного ответа на кризис в Ливии.

²⁵¹ В мае 2011 года прокурор Международного уголовного суда запросил ордер на арест трех подозреваемых в преступлениях против человечности, среди которых значился и М. Каддафи.

²⁵² Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // Оценки и идеи. Бюллетень Института востоковедения РАН. Т. 1, № 9, май 2016, с.1.

Более-менее влиятельные центры силы на данный момент располагаются в г. Триполи – сформированный на основе проведенных выборов Всеобщий Национальный Конгресс и в г. Тобруке – международно-признанное правительство Ливийского парламента, бежавшее из Триполи в 2014 году, после захвата столицы исламистскими группировками.

Тобрукское правительство с 2014 г. овладело большей частью Киренаики, где находится крупнейший город провинции Бенгази, и нефтеналивной порт Рас Лануф.

Власти Триполи же контролируют лишь столицу и ближайшие пригороды. Они пытаются обеспечить свое правление синтезом норм шариата и легальных норм законодательства. Государственные силы безопасности более не функционируют как единое целое.

Реальная же власть на большей части страны находится у радикальных исламистских и криминальных группировок. С 2015 года все большее влияние в Ливии начала приобретать ИГ. Прочность позиций террористической группировки в Ливии доказывает тот факт, что верховное командование «Исламского государства» рассматривает возможность переноса центра своей деятельности в Ливию, если она потеряет свои позиции в Сирии. Кроме того, берберы, туареги и прочие племена контролируют свои традиционные районы проживания, которые имеют трансграничный характер, что стирает государственные границы между Ливией, Чадом, Мали, Алжиром и Буркина-Фасо.

Среди попыток достижения мира в Ливии особое внимание следует уделить соглашению о создании правительства национального единства – договору, получившему всестороннюю поддержку международным сообществом, ООН и арабскими странами – в Марокко в декабре 2015 г.

Но в самой Ливии данное правительство не получило поддержки и вместо двух официальных правительств, некоторое время в Ливии существовали три правительства. В марте 2016 года правительство Триполи – Всеобщий

Национальный конгресс сложило с себя полномочия в пользу правительства национального согласия.

Ливия является одним из самых милитаризованных стран мира. В государстве с населением в 6 миллионов человек в обращении находятся около 20 миллионов единиц оружия.

Разграбление арсеналов вооружений М. Каддафи оказывает влияние на всю Африку, спонсируя оружием все радикальные группировки не только в пограничных странах, но и в Нигерии, Камеруне и ЦАР.

Одним из последствий ослабления функций государственного контроля в Ливии стали события в Мали весной 2012 г., приведшие к расколу страны. С марта 2012 г. большая часть страны попала под контроль группировки туарегов Движения за освобождение Азавада (ДОО), объединяющей туарегские племена региона. В апреле 2012 г. ДОО провозгласило независимость Азавада. В борьбе за власть в регионе, наряду с ДОО, действует группировка туарегов Ансар ад-Дин, являющаяся ячейкой Аль-Каиды.

Таким образом, Ливия стал источником распространения терроризма и экстремизма на территорию Африканского континента. Именно поэтому разрастающийся кризис в Ливии вызывает постоянную обеспокоенность у региональных стран и у широкого международного сообщества.

Формальная позиция арабских стран – соседей Ливии – достижение стабильности путем широкого политического диалога. Между тем, реальное отношение стран Северной Африки к урегулированию в Ливии различается.

Египет оказывает поддержку Тобрукскому правительству, участвуя в том числе совместно с Алжиром, ОАЭ и Саудовской Аравией в поставках ему вооружения. Но Каир не стремится к прямому военному вмешательству. За исключением случая, когда египетские копты были захвачены и казнены ИГИЛ и правительство Ас-Сиси осуществило ряд авиаударов по позициям террористов.

Алжир также не поддерживает вмешательство во внутренние дела Ливии – тем не менее правительство страны проводит контртеррористических операции в пограничной территории.

Тунис к 2016 году закончил строительство 200 км стены, что является этапом правительственной программы по предотвращению проникновения террористов в страну.

После окончания операции НАТО в Ливии, Западные страны до 2015 года оставались пассивны к нарастающему политическому хаосу и распространению экстремистских и террористических группировок в стране. Но в 2015 году НАТО и ЕС снова начали разрабатывать сценарии возможного военного участия в событиях в Ливии. В мае 2015 года прессе была раскрыта секретная информация о планах вооруженной кампании ЕС в Средиземном море и на территории Ливии для сдерживания потока беженцев в Европу.

В феврале 2016 года WikiLeaks обнародовала более детализированный план «София», который включал три фазы, две из которых уже были завершены в 2015 году. Первые две фазы включали обучение Ливийских военных и уничтожение судов контрабандистов. Единственным итогом этого стало перенаправление потоков беженцев в Грецию. Третья фаза предусматривала проведение в 2016 году широкомасштабной интервенции совместно с НАТО, если не удастся установление власти правительства национального согласия.

В марте 2016 года «Нью Йорк Таймс» сообщил о том, что в США также подготовлен план вооруженной интервенции в Ливию, но до сих пор не утвержден. Кроме того, еще в 2015 году военные подразделения союзников по НАТО – Великобритании, Франции и США – были отправлены в Ливию для консультаций и обучения военных.

Специалисты констатируют на основе этого: «ситуация в Ливии является совершенно нетерпимой не только для соседних с ней арабских, африканских и европейских государств, но и для международного сообщества в целом. И эта ситуация требует разработки, к сожалению, пока отсутствующего комплексного, системного плана ее разрешения. Усилия международного сообщества совершенно не скоординированы и не носят всеобъемлющий характер. Попытки же прямого иностранного вторжения, как уже показал ливийский опыт 2011–2012

гг., неминуемо будут вызывать отторжение местного населения и в конечном итоге приведут к расширению социальной базы террористов»²⁵³.

Да и НАТО, прежде чем снова решится на военную кампанию в Ливии, стоит принять объективные результаты операции «Юнифайд Протектор».

Интервенция НАТО в Ливии вызвала много споров и стала предметом противоположных оценок. Хотя многие аналитики, и сама НАТО, считают операцию «Юнифайд протектор» в Ливии как несомненный успех и даже как шаблон для будущих операций альянса, другие обвиняют НАТО в корыстном использовании мандата ООН для помощи в смене режима. Африканские лидеры, в частности, обвиняли НАТО в полном игнорировании Дорожной карты для Ливии. Более того, оценка эффективной миссии НАТО в Ливии, неизбежно вызывает сравнения с ситуацией в Сирии, которая также находится в состоянии гуманитарной катастрофы.

Важно заметить, что нынешний хаос и нестабильность в Ливии связывают именно с провалом кампании НАТО. И хотя напрямую они не связаны, именно отказ НАТО участвовать в посткризисном восстановлении государственности в стране привел к общей дестабилизации. НАТО объявила операцию успешной, потому что даже при затяжном характере данной кампании, она была относительно не дорогой, по сравнению с предыдущими операциями альянса и не привела к жертвам со стороны альянса. Сторонники интервенции НАТО указывают, что М. Каддафи жестоко расправлялся с демонстрантами, использовал наемные иностранные войска и, если бы не последовала кампания альянса, кризис в Ливии был бы даже более кровавым и запутанным, чем нынешний кризис в Сирии.

На взгляд диссертанта три результата операции в Ливии будут иметь длительное влияние на восприятие НАТО в регионе:

1. НАТО не участвовала в послекризисном восстановлении страны. Когда операция «Юнифайд Протектор» закончилась 31 октября 2011 года, альянс более не играл никакой роли в Ливийской ситуации. Строительство государства

²⁵³Там же, стр. 12.

совместно с другими международными институтами не входило в повестку дня НАТО на этот раз. Хотя Ливийская контактная группа пыталась привлечь НАТО к послекризисному регулированию, ограничив ее роль только разоружением, демобилизацией и реинтеграцией, даже на такой уровень участия альянс не согласился.

Хрупкий международный консенсус рухнул во время проведения операции. Россия, Китай и ЮАР высказывали опасения, что альянс вышел за рамки мандата ООН и принял одну из сторон конфликта, что способствовало смене режима. Отказ России и Китая вступить в Ливийскую контактную группу препятствовал нахождению международного консенсуса о скоординированных действиях по восстановлению Ливии. Так как международное сообщество было разделено, Ливия была предоставлена самой себе. Все более нестабильная ситуация в Ливии, убийство посла США в день памяти терактов 11 сентября в 2012 году поставили вопрос об успешности самой кампании²⁵⁴.

Ответственность помочь до сих пор очень нестабильной стране ложится на плечи арабских партнеров НАТО. Хаос, нестабильность и небезопасности посткризисной Ливии – все это ожидаемые результаты переходного периода в стране с очень специфическими демографическими характеристиками, политической культурой, слабыми институтами власти и длинной историей авторитарного правления и репрессий. И именно международное сообщество в целом, и те страны, которые проводили интервенцию в Ливию, в частности, морально ответственны за ситуацию в стране и должны оказать помощь Ливии для установления стабильности. В практическом плане, это более не моральный долг Европы, а условие обеспечения интересов безопасности – восстановление стабильности Ливии на другом берегу Средиземного моря, который разделяет с Европой всего 900 км.

²⁵⁴ 'Benghazi Attack Throws Libya Gains into Question', IISS Strategic Comments, Vol. 18, Comment 35, October 2012. URL: <http://www.iiss.org/publications/strategic-comments/past-issues/volume-18-2012/october/benghazi-attack-throws-libya-gains-into-question/> (дата обращения: 04.08.2015)

2. Операция в Ливии поставила под вопрос также и будущее операций в рамках концепции «Ответственность по защите». Ливийская кампания останется в истории как противоречивая интервенция. И хотя существовала резолюция ООН, союзники были в ловушке между нежеланием ввязываться в любую военную операцию в регионе после интервенции США в Ирак в 2003 году и неспособности игнорировать доктрину. Поэтому изначально, внутри альянса была сильна партия, стремящаяся препятствовать интервенции. Отказ США взять на себя главенствующую роль в операции, а также отказ использовать военные группировки непосредственно на территории Ливии оставили неопределенность не только о границах и продолжительности операции, но и о роли альянса в постконфликтном урегулировании.

Таким образом, консенсус в НАТО невозможно принимать как данность. Даже при проведении операции в Южном Средиземноморье, столь близком к границам Европы, поддержание консенсуса требует немалых усилий. Любое новое предприятие в регионе потребует справиться с проблемами внутренних противоречий и нахождения баланса в условиях бюджетного дефицита. В результате, операцией остались недовольны не только союзники, но и широкое международное сообщество. После событий Ливии Россия и Китай дали четко понять, что они не санкционируют ни одну гуманитарную интервенцию, способную привести к смене режима. Именно поэтому сложно представить в ближайшее время резолюцию Совета Безопасности ООН, которая бы санкционировала использование военной силы, предписанное главой 7 Устава ООН. Таким образом, НАТО теряет свою роль «поставщика безопасности», так как не может обеспечить ее на Ближнем Востоке.

3. Хотя интервенция НАТО в Ливию стала свидетельством способности альянса быстро реагировать на кризис, операция в Ливии обнажила границы потенциала НАТО при проведении таких операций. За 222 дня операции воздушные силы и средства НАТО совершили более 26 тыс. самолето-вылетов, а уничтожили около 6 тыс. военных целей, что дает лишь одну пораженную цель на 4 вылета. Такая статистика демонстрирует военный потенциал Европейских

союзников. Более того, согласно отчету по итогам кампании, существовали недостатки в разведке, наблюдении и рекогносцировке, потому что союзники не представляли всю необходимую информацию эффективным образом. Кроме того, персонал штаба альянса в Неаполе оказался недостаточно квалифицированным для обработки такой информации, в связи с чем от США потребовалось представить еще и свой персонал. Доклад продолжает, что во время операции существовала чрезмерная зависимость от американской поддержки, как раз в областях средств обеспечения, дозаправки и разведданных. Еще более серьезным был «вакуум ответственности» между недееспособным правительством Ливии и оперативными руководящими принципами НАТО, в результате без ответа оставался неконтролируемый поток беженцев, стремящихся спастись от конфликта. Согласно организации Хьюман Райтс Вотч это стало одной из причин большого количества жертв среди мирного населения. Трансатлантическое партнерство остается одной из главных движущих сил глобальной безопасности. В связи с этим встает вопрос о том, как долго продлится такая ситуация, принимая во внимание не угасающие опасения Генеральных секретарей и официальных лиц США о разрыве в тратах на НАТО в странах Европы, по сравнению с США и другими ведущими странами мира²⁵⁵.

Эти непредвиденные последствия также оказали влияние на дискредитацию образа НАТО как эффективного поставщика безопасности. И даже эти последствия операции в Ливии на имидж НАТО, не будут идти ни в какое сравнение, если НАТО не решится участвовать в урегулировании конфликта в Сирии.

Дистанцирование НАТО от участия в региональной политике Средиземноморья и Ближнего Востока после операции в Ливии, одновременно с декларациями о необходимости развития СД и СИС, звучит как парадокс. Легитимность НАТО перед ее партнерами в регионе была во много обеспечена историей ее операций в качестве «поставщика безопасности». В такой ситуации,

²⁵⁵ Rasmussen A., "NATO after Libya."

сложно понять, как НАТО сможет восстановить свою репутацию в регионе и сохранить себе место легитимного актора на Ближнем Востоке.

§9.ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ НАТО В СИРИИ

Сирия уже на протяжении 6 лет ввергнута в гражданскую войну, которая стала самым смертоносным конфликтом XXI века. То, что началось как демонстрации против правительства Дамаска, а в скором времени превратилось в гражданскую войну, теперь становится региональным конфликтом за власть и влияние в регионе. Сирия стала полем битвы, где разворачивается борьба за власть в регионе – здесь представлены все главные акторы региона, а также многие внешние силы, прямо или косвенно поддерживающие одну или другую сторону конфликта²⁵⁶. Старый региональный порядок разрушен, а контуры будущего устройства все еще не просматриваются, да и говорить о полном демонтаже старой системы едва ли приходится. Революционный Иран, консервативная Саудовская Аравия, непостоянный Катар, нео-Османская Турция – региональные силы, стремящиеся с помощью победы в Сирийском конфликте перекроить регион в соответствии со своими интересами и целями.

По мнению некоторых аналитиков, Сирийский конфликт сместил центр внимания с Израиля и Арабо-израильского противоборства на борьбу за региональную гегемонию между Ираном, Саудовской Аравией и Турцией: «Сирия стала частью общерегиональной драки, цель которой пересмотр двух взаимосвязанных балансов сил: один – между Ираном и Саудовской Аравией в Персидском заливе; другой – за общий региональный баланс сил между Американо-израильской осью и Ираном»²⁵⁷.

Отдельный конфликт разворачивается в Северной Африке и является результатом «вакуума власти», образовавшегося после окончания кампании альянса в Ливии. Эту ситуацию в своих интересах могут использовать террористы, вооруженные группировки, контрабандисты и др.

²⁵⁶ Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М., Издательство Института Гайдара, 2015. – с. 337.

²⁵⁷ Ayooob M., 'The New Cold War in the Middle East', The National Interest, 16 January 2013.

Осложняет конфликт сектантское измерение кризиса – суннитское и шиитское население оказывается ввязано в конфликт еще и на уровне религиозных различий. Сектанское противоборство лишь усилило вражду между суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном. Пока обе страны видят себя защитниками ислама, их внешняя политика значительно отличается. Саудовская Аравия стремится к сохранению существующего статуса кво, в то время как Иран пытается добиться революционных изменений во всем регионе. Но во время «Арабской весны» обе страны придерживались одинаковой политики, нацеленной на увеличение их регионального влияния и укрепления режимов, которые они поддерживают. Если же кризис начинался в стране, чье правительство они не поддерживают – они тут же объявляют необходимость смены правительства. Это более всего проявилось в случае Бахрейна и Сирии.

Сирия стала ареной борьбы многих региональных сил и партий и на данный момент не существует реализуемого плана политического урегулирования в стране. Такая тенденция может привести к расчленению Сирии на несколько независимых государств. В своем выступлении на международном дискуссионном клубе «Валдай» в октябре 2016 г. Президент России В.В. Путин призывал страны «поставить в международную повестку вопрос о восстановлении прочной государственности, экономики и социальной сферы стран Ближнего Востока»²⁵⁸, что возродить регион, терзаемый войнами и конфликтами.

Многочисленные акторы, участвующие в Сирии, ведут свою войну. Хотя Турция и вступила в конфликт в составе международной коалиции, возглавляемой США, ее приоритетной целью остается сдерживание распространения курдских независимых территорий в северо-восточной части Сирии, которые намерены достичь территории анклавов Хасака и Африн и сформировать непрерывную курдскую зону на границе с Турцией.

США придерживается политики кризисного регулирования, большей частью сконцентрированной на борьбе с ИГ, как часть общей стратегии

²⁵⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Официальный сайт Президента России, 27.11.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата обращения: 15.12.2016)

демократической администрации Б. Обамы, стремящейся снизить роль США на Ближнем Востоке.

Россия в Сирии придерживается двух главных целей: недопущения смены режима, во избежание еще один кровавого прецедента в международном праве, и борьба с радикальными исламистами для предотвращения распространения их влияния на периферию России, а именно в Закавказье и в Средней Азии. По мнению российских экспертов клуба Валдай, «операция российских ВКС в Сирии в этих условиях способствовала изменению внутренних балансов и открыла возможности для поиска прорывных подходов в контексте активизации политического урегулирования».²⁵⁹

Основная цель Ирана – недопущение свержения дружественного шиитского режима, существование которого укрепляло региональные позиции Тегерана.

Кроме внешних акторов, значительную роль в конфликте играет внутренняя оппозиция. За исключением таких организованных террористических группировок как ИГ и сторонницы Аль-Каиды, Джебхат Ан-Нусры, оппозиционный фронт в Сирии разрознен и представляет собой более сотни фракций, самые большие из которых достигают лишь 5 тыс. человек. Эти группировки также включают экстремистов, но не ставящих перед собой цель глобального джихада, исламистов и нейтральные оппозиционные силы. Каждая из них обладает своими влиятельными спонсорами, которые поставляют в кризисный регион оружие и поддержку, но требуют согласования целей и задач – все это лишь осложняет и расширяет конфликт и ведет к дальнейшему разрушению и фрагментации страны²⁶⁰.

Эффект от непрекращающихся боевых действий значителен. Разрушения для Сирийских городов, а особенно жилищного фонда и энергетической инфраструктуры, оцениваются в размере 7,5 млрд. долларов США. И пока разрушения продолжают увеличиваться изо дня в день.

²⁵⁹ Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности/Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016, с.2.

²⁶⁰ Фененко А.В. Междержавная конкуренция на Ближнем Востоке / Международные процессы, 2014, №38, с.45.

Почти все крупные города Сирии сейчас находятся в руинах и страдают от нехватки еды, воды и энергии. Алеппо, Хомс и Хама – наиболее пострадавшие от конфликта зоны – находятся в одном из самых засушливых регионов мира, где население и промышленность испытывали недостаток воды даже до кризиса. Более того, война оставила сельско-хозяйственный сектор Сирии разрушенным, а загрязненные военными отходами земли не пригодны для использования и просто опасны для гражданского населения.

Сирия переживает сейчас одну из самых серьезных гуманитарных катастроф в новейшей истории. Восстановление от подобных разрушений в Германии после Второй мировой войны потребовало почти полвека и значительные экономическую поддержку плана Маршалла.

Сирия представляет прямую угрозу международному развитию и безопасности, а также гуманитарному и энергетическому секторам. Кроме того, пока политические вопросы, стоящие на повестке дня кризиса в Сирии, остаются не разрешенными, любые военные победы, как то освобождение городов Алеппо, Пальмиры в Сирии и Рамади и Мосула в Ираке, будут лишь краткосрочным решением проблемы. Необходим всеобъемлющий политический процесс, согласованный и реализованный на практике, чтобы справиться с глубоко-укоренившимися политическими проблемами. Если они не будут решены, то через некоторое время ИГ снова может воссоединиться или появится еще более смертоносная террористическая группировка.

За шесть лет было проведено множество раундов переговоров, в том числе три раунда международных переговоров в Женеве, было заключено большое количество международных соглашений, последнее из которых между Россией и США не продержалось и недели²⁶¹ и лишь усугубило ситуацию в Сирии.

Дестабилизированная и разрушенная Сирия является угрозой глобальной безопасности и подрывает международную борьбу с терроризмом и глобальные

²⁶¹Стандартные условия и процедуры, необходимые для обеспечения режима прекращения боевых действий, МИД России, 27.09.2016, URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/8bWtTfQKqtaS/content/id/2473652 (дата обращения: 13.10.2016)

усилия Запада по продвижению демократии. Определить степень вероятности участия союзных войск НАТО для урегулирования ситуации в Сирии можно с помощью одной из основных теорий вероятности – теоремы Байеса. Основной вопрос приверженцев интервенций и доктрины «Ответственности по защите», почему международное сообщество очень быстро отреагировало на кризис в богатой нефтяными ресурсами Ливии, но не смогла выработать схожий подход в Сирии.

Данная теорема позволит нам определить наиболее вероятную гипотезу о возможном участии альянса в интервенции в Сирию на основе критерия наибольшего правдоподобия. Смысл его заключается в том, что «все наблюдаемые процессы взаимосвязаны; наблюдая результат этого процесса, мы можем восстановить некий спектр его исходных причин, которые могли в свое время инспирировать существующую в данный момент картину»²⁶². Особенность заключается в том, что часто вероятность события оценивается неверно из-за уже полученного опыта (апостериорная вероятность), так как игнорируется вероятность предположения (априорная вероятность). В связи с этим, результаты определения вероятности по Байесу сильно отличаются от интуитивно ожидаемых (см. Приложение №3).

Предположительная эволюция отношений Ливии с альянсом вряд ли сможет повториться в случае с Сирией. И хотя сирийская оппозиция не раз с 2011 года обращалась в НАТО для разрешения конфликта, страны-члены не намерены вмешиваться в ситуацию, которая совершенно разнится с Ливией в ряде пунктов:

1. отсутствие мандата ООН или ЛАГ;
2. прямое соседство со страной членом НАТО – Турцией;
3. тесные взаимоотношения Сирии и Ирана;
4. вооружение сирийского правительства является намного более технологически совершенным;
5. возможное разрастание конфликта на весь регион;

²⁶² Кукарцева М.А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность 2006, №3, с. 36.

6. несогласованность оппозиции, которая не может предстать единым фронтом и объединить послекризисную Сирию.

Также, по мнению диссертанта, существует 5 причин, по которым сама НАТО не станет инициировать кампанию в Сирии:

1. Пока президент Б. Асад находится у власти Совет Безопасности ООН не даст мандат на военную операцию. Китай и Россия после событий в Ливии не позволят этому случиться. Отсутствие официального мандата это нечто большее, чем процедурные неудобства для альянса. Необходимо принимать во внимание, что Россия имеет четкие геостратегические интересы в Сирии. На базах в Тартусе и Латакии расквартированы 30 тысяч солдат, имеющие военную технику и системы ПВО последнего поколения. Это создает совершенно иную ситуацию, по сравнению с Ливией.

2. НАТО обладает опытом проведения интервенций разного уровня: полномасштабных и долгосрочных с полным государственным строительством, как в Боснии и Афганистане; краткосрочные по смене режима – в Ливии; и прокси-интервенции – путем финансирования и снабжения оппозиционных групп как в Сирии.

Но сирийская война еще более запутанная, чем кризис в Ливии в 2011 году. Здесь не существует постоянных «безопасных зон» для гражданского населения и полностью отсутствует уверенность, что большое военное вмешательство принесет пользу. Более того, оно может стать причиной еще большей милитаризации конфликта. Кампания будет проводиться в условиях войны всех против всех. Несмотря на примат доктрины «Ответственности по защите», многие союзники уверены, что кампания будет неэффективна и они будут обвинены в любых негативных последствиях, последовавших за интервенцией.

3. Участие НАТО в восстановлении Сирии предоставит большие обязательства по защите страны в будущем, а НАТО не готова к такой ответственности. НАТО на данный момент не обладает военными, экономическими и политическими ресурсами для проведения столь сложной интервенции. Более того, отсутствует политическое видение, что такие ресурсы

могут быть выделены, чтобы предпринять такую миссию, особенно после опыта Афганистана и Ливии. Еще десять лет назад, при нео-консервативной администрации Дж. Буша мл. такие условия как – региональная дестабилизация, геноцид, неконтролируемые миграционные потоки – могли бы стать серьезной основой для проведения интервенции.

Все это четко просматривается в Сирии, но не приводит к войне или интервенции. Более того, эти предпосылки используются как аргументы против интервенции. ЕС проводит операцию по помощи беженцам в Средиземном море. СБ ООН уничтожает химическое оружие в Сирии. Но НАТО не проявляет никакой роли в данном урегулировании. Создается впечатление, что сами страны-члены НАТО не стремятся показать альянс как предпочтительную платформу для разрешения Сирийского конфликта.

4. Турция – еще одна причина, по которой НАТО старается не ввязываться в конфликт в Сирии. Турция на протяжении уже 5 лет конфликта и сама неохотно вступила в коалицию против ИГИЛ лишь в 2015 году, и не поддерживает участия НАТО в его урегулировании. Причина этого – конфликтующие интересы.

НАТО и ключевые страны Запада имеют свой взгляд на вопрос о предпочтительном разрешении конфликта, не согласующимся с позицией Турции. И до инцидента с российским бомбардировщиком, сбитым турецкими войсками и последовавшим за этим разрывом отношений между Россией и Турцией, Анкара всеми силами сопротивлялась полномасштабному вовлечению ее в деятельность коалиции против ИГИЛ.

Инцидент с бомбардировщиком вызвал много споров в совете альянса. Ситуацию, в итоге, можно было рассматривать со следующих позиций: Турция единолично сбила военный самолет России, а Североатлантический совет не был проинформирован о данной акции и не поддержал бы столь резкие меры. Турция же приняла это решение на самом высшем уровне, почему и последовал столь быстрый разрыв отношений между Москвой и Анкарой. Более того, сама Турция не обращалась в альянс за гарантиями безопасности, предусмотренными ст. 5 Вашингтонского договора после инцидента.

5. Если НАТО начнет военную кампанию в Сирии, ее политическая и военная энергия будет затрачена на годы вперед, что негативно скажется на самом альянсе. Против этого, в первую очередь, выступают восточно-европейские союзники, приоритетным интересом которых являются гарантии безопасности от «угрозы России». Такое отсутствие внутренней согласованности в деятельности альянса сказывается на всей его политике в регионе.

Другая внутренняя причина бездействия альянса – позиция одной из ведущих стран блока – США, а именно президента Б. Обамы. Он позиционирует себя, как президент, заканчивающий войны, а не начинающий их²⁶³. И проявляется это нежелание в его нежелании трансформировать коалицию против ИГИЛ, включающую достаточное количество союзников по альянсу, в операцию НАТО. А такая трансформация была бы легко осуществима при наличии желания Вашингтона. Но оно отсутствует и во многом, благодаря тому, какое наследие президент Б. Обама хочет оставить после себя.

Коалиция против ИГИЛ создавалась как раз во время Уэльского саммита НАТО 2014 года. Тот факт, что с каждым из союзников Америка пыталась договориться отдельно, не прибегая к общей встрече в рамках Североатлантического совета, еще раз демонстрирует, что США стремились сделать все, чтобы НАТО не была привлечена к данной операции.

Более того, сейчас уже сложно представить, что союзники трансформируют коалицию на основе той же предпосылки – использование химического оружия против гражданского населения – что и в 2013 году.

В целом, именно нежелание администрации Б. Обамы брать на себя ответственность за новую долгосрочную интервенцию на Ближнем Востоке. США уже вовлечены более десятилетия в непрерывные войны в попытке принести «безопасность и стабильность» на Ближний Восток.

По мнению Б. Обамы, именно вторжение США в Ирак в 2003 году и уничтожение иракской военной силы привело к непредвиденным последствиям:

²⁶³ Goldberg, J., 'The Obama Doctrine', The Atlantic, April 2016, URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obamadocctrine/471525/> (датаобращения: 04.05.2016)

полной дестабилизации военного баланса в Заливе и широкой гонки вооружений между Ираном и его соседями. Поэтому, Б. Обама всеми силами сопротивляется давлению, призывающему к крупномасштабной военной интервенции в Сирии²⁶⁴.

Между тем, стратегия Б. Обамы на Ближнем Востоке имеет ряд недостатков. Организационный принцип политики США в регионе – сдерживание, но, например, в Стратегии национальной безопасности США 2010 года существует 17 упоминаний сдерживания, начиная со сдерживания вооруженных конфликтов и агрессии до сдерживания кибер-вторжений, и незаконного проникновения на территорию США и сдерживания атак на международную финансовую систему.

Такая политика доказала свою неэффективность. «Исламское государство», использование химического оружия на Ближнем Востоке, не смотря на утверждения президента Б. Обамы о т.н. «красной линии», демонстрирует, что США не способны сдерживать угрозы. Противники Обамы обращают внимание, что именно ослабление влияния США на Ближнем Востоке привело к тому, что столь сильны, оказались позиции «Исламского государства» и Россия получила возможность расширить свое региональное присутствие.

На протяжении десятилетий обычные вооруженные силы США являлись первостепенной опорой политики сдерживания и поддерживались на уровне, достаточном для участия в широкомасштабной и предположительно длительной военной компании против другой многочисленной армии.

В Сирии же США изначально не предполагали использование наземной операции. Более того, использование наземных группировок «более не предполагается для масштабных и длительных операций по восстановлению стабильности»²⁶⁵ как это заявлено в Стратегическом руководстве по обороне 2012 г. и в Четырехлетнем обзоре военной политики 2014 г., выпущенных администрацией Б. Обамы и ставших результатом усталости от длительных военных компаний в Ираке и Афганистане.

²⁶⁴Ibidem.

²⁶⁵O'Hanlon M. Future of Land Warfare, Brookings Institution Press, 2015, p.25.

Если позиция нынешней администрации США и понятна в их желании понизить уровень ответственности на Ближнем Востоке, то медлительность и нежелание реагировать на столь серьезный конфликт Европейских стран, особенно в свете миграционного кризиса, непонятна.

В некоторых европейских странах, безусловно, есть понимание, что мир необходимо восстановить и сделать это не удастся без использования военной силы. Но европейцы сопротивляются своему вовлечению в Сирийский конфликт, возлагая надежды на хрупкие Женевские мирные переговоры. Но из-за чрезвычайной сложности переговоров, рассчитывать, что они достигнут какого-либо всеобъемлющего консенсуса невозможно.

Одновременно, европейские державы осознают, основываясь на длительном опыте, как мало может быть достигнуто путем военных интервенций. В 1990-ых гг. НАТО встала перед дилеммой: выйти за зону ответственности или отойти от дел²⁶⁶. Сирийский кризис четко продемонстрировал, что Европейские союзники снова сфокусированы на т.н. «традиционной» повестке дня альянса.

После 2014 года, когда обострились отношения между Россией и НАТО вследствие Украинского кризиса, альянс моментально вернулся к своей «традиционной» цели, воскресив образ врага в лице России, каким был СССР во время холодной войны²⁶⁷. Альянс оба последних саммита в Уэльсе в 2014 г. и в Варшаве в 2016 г. посвятил именно гарантированию безопасности своих восточных союзников.

Одновременно, участие ВВС России в операции в Сирии по запросу правительства Б. Асада сделало то, что ни химическое оружие, ни гуманитарный кризис, ни терроризм не смогли сделать – вернуло Сирию в повестку дня альянса. Конечно же, все обсуждения были сконцентрированы не на разрешении конфликта, а на сдерживании России. Отсюда и решения саммита министров обороны силы Военно-морского командования НАТО направлены на помощь

²⁶⁶Lugar R., "NATO: out of area or out of business", Remarks delivered to the open forum of the US State Department, August 3, 1993, Washington DC.

²⁶⁷ Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата // Обозреватель-Observer, 2015, №1, стр.14.

беженцам в Ионическом море, что более вероятно, связано со стремлением сдерживать позиции России в регионе.

НАТО вернулась к своей классической «raison d'être» и если в Сирии не произойдет ничего, что просто не позволит НАТО оставаться в стороне, то альянс так и не изменит свою политику в регионе. Одним из наиболее вероятных событий, способных изменить политику альянса и вынудить его участвовать в событиях в Сирии – выборы президента США в ноябре 2016 года.

Даже несмотря на попытки президента Б. Обамы перевести стратегию США в сторону Азии, Ближний Восток занимал большую часть повестки дня внешней политики его администрации и продолжит требовать существенного внимания и ресурсов от будущего президента.

Кандидаты в президенты Х. Клинтон и Д. Трампа в своих предвыборных кампаниях уделяли значительное место Ближнему Востоку и их политика обещает быть более интервенционистской и конфронтационной, чем политика Б. Обамы.

Президентство Б. Обамы так и не смогло разрешить вопрос – желают ли США оставлять свою региональную роль на Ближнем Востоке.

Д. Трамп новоизбранный президент США всячески несоглашается и дистанцируется от внешней политики Б. Обамы в «арабском мире». Его будущая администрация скорее не станет поддерживать либеральные интервенции, а будет придерживаться более реалистичного подхода – Д. Трамп не раз заявлял, что не приемлет политики «смены режимов» и не поддерживал интервенцию США в Ирак в 2003 г. и в Ливию в 2011 г.²⁶⁸

Более того, Д. Трамп не раз делал заявления о необходимости пересмотреть «особые отношения» США и Израиля²⁶⁹. Под вопрос поставлены новым

²⁶⁸ Fallows, J., 'Was Donald Trump Really Against the Iraq War?', The Atlantic, 14 February 2016, URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/02/donald-trump-says-he-was-against-the-iraq-war-thats-not-how-i-remember-it/462804/> (дата обращения: 20.02.2016); Haberman, M., 'Donald Trump Questioned About Previous Positions on Libya and Iraq', New York Times, 6 June 2016, URL: http://www.nytimes.com/2016/06/07/us/politics/donald-trump-questioned-about-previous-positions-on-libya-and-iraq.html?_r=0 (дата обращения: 10.06.2016)

²⁶⁹ Hensch, M., 'Trump: I'll Be 'Neutral' on Israel and Palestine', The Hill, 17 February 2016, URL: <http://thehill.com/blogs/ballot-box/presidential-races/269806-trump-ill-be-neutral-on-israel-and-palestine> (дата обращения: 20.02.2016)

президентом стратегические отношения и с другими значимыми союзниками США²⁷⁰, как в Евро-атлантическом регионе – НАТО, в целом, так и в «арабском мире» – Саудовская Аравия, Египет. Вопрос не стоит о разрыве отношений, но о кардинальном пересмотре условий, в том числе финансовых, этих военных связей.

На данный момент, невозможно сказать, какую позицию примет Д. Трамп в вопросе борьбы с ИГИЛ и урегулированием кризиса в Сирии. С одной стороны, президент США является приверженцем системы «баланса сил», что в перспективе, даст путь более эффективному сотрудничеству Вашингтона, например, с Москвой в данном вопросе²⁷¹. С другой стороны, в его выступлениях часто появляются взаимоисключающие положения о необходимости прекратить политику смены режимов и государственного строительства несостоявшихся государств и требования «установить контроль над нефтью»²⁷² в Ираке и Ливии.

Именно по Сирийскому кризису позиция Д. Трампа ожидается наиболее твердой. Не раз подчеркивая нежелание участвовать в смене режимов, в особенности в Сирии, новый президент будет поддерживать интенсификацию военных действий коалиции против ИГ, в том числе сотрудничая с Москвой. Между тем, наличие в его администрации нео-консервативных советников, в частности, возможность назначения генерала М. Флина советником по национальной безопасности²⁷³, и, в целом, импульсивный характер могут привести к более жестким военным решениям об использовании американского военного контингента, в том числе для контроля над бесполетной зоной.

²⁷⁰ Knowles, D., 'Donald Trump Adds Saudi Arabia to List of Countries Ripping Off the U.S.', Bloomberg, 16 August 2015, URL: <http://www.bloomberg.com/politics/articles/2015-08-16/donald-trump-adds-saudi-arabia-to-list-of-countries-ripping-off-the-u-s> (датаобращения: 10.06.2016)

²⁷¹ Brooks, R., 'Donald Trump Has a Coherent, Realist Foreign Policy', Foreign Policy, 12 April 2016, URL: <http://foreignpolicy.com/2016/04/12/donald-trump-has-a-coherent-realist-foreign-policy/> (датаобращения: 10.06.2016)

²⁷² Tharoor, I., 'Trump's View of the Middle East Would Make Sense If Nobody Lived In the Middle East', Washington Post, 15 August 2016, URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/08/15/trumps-view-of-the-middle-east-would-make-sense-if-nobody-lived-in-the-middle-east/> (датаобращения: 20.06.2016)

²⁷³ Borger J., Smith D. Michael Flynn said to be offered job of Trump national security adviser, The Guardian, 18 November 2016, URL: https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/17/david-petraeus-secretary-of-state-donald-trump?utm_source=esp&utm_medium=Email&utm_campaign=GU+Today+USA+-+morning-briefing+2016&utm_term=200356&subid=20494630&CMP=ema_a-morning-briefing_b-morning-briefing_c-US_d-1 (датаобращения: 19.11.2016)

Полный пересмотр Сирийской политики, скорее всего станет одной из первых ключевых задач президентства Д. Трампа.

В его будущей политике на Ближнем Востоке, таким образом, можно выделить два аспекта: во-первых, стремление уничтожить ИГ и связанная с этим необходимость участвовать в стабилизации и реконструкции региона, что потребует расширенного американского присутствия в Ираке и Сирии и, таким образом, возвратит США на Ближний Восток. А, во-вторых, желание побудить союзников по НАТО к более активному участию в обеспечении деятельности альянса и подтверждению их приверженности атлантическим ценностям и интересам.

Если Западные страны решатся на полномасштабную интервенцию в Сирию, НАТО, ввиду своего многолетнего опыта будет самым предпочтительным актором. Но на данный момент, что подтверждается расчетами теории вероятности Байеса, есть слишком много причин, как внутренних – в НАТО, так и внешних – общее развитие ситуации в регионе, чтобы это не случилось.

На данный момент, НАТО обладает опытом вовлечения в урегулирование сложных и крупномасштабных кризисов в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока. Альянс выработал действующую систему реагирования в кризисных ситуациях, в том числе благодаря широкому вовлечению стран партнеров, таким образом упрочив позиции НАТО как международной организации, промотирующей интересы Запада.

Однако же вовлечение в кризисное регулирование связано с длительной процедурой нахождения консенсуса среди всех стран-членов, что ограничивает возможную гибкость и эффективность действий альянса. В условиях же политики «умной обороны», наиболее действенными операции НАТО будут лишь при участии наибольшего количества стран-членов. Иначе становится явной разница и пределы потенциала каждого из стран-союзников по блоку.

И, наконец, опыт интервенций НАТО демонстрирует, что стабильность не может быть достигнута исключительно военными средствами, но требует полномасштабных операций посткризисного регулирования и государственного

строительства, без которых все усилия окажутся напрасными и негативно скажутся на среде безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании раскрыта суть политики НАТО в Средиземноморском регионе и выявлены ключевые особенности воздействия альянса на процессы региональной безопасности.

В результате проведенного научного исследования был собран и проанализирован научный материал, позволивший придти к следующим выводам:

Специфицированы ключевые черты среды безопасности Средиземноморья, что делает его матрицей взаимозависимости современных государств. Логика, которой руководствуется Североатлантический альянс при проведении своей региональной политики заключается в следующем: Средиземноморье – чрезвычайно важный регион для обеспечения стабильности и процветания международной экономической системы, ввиду огромных запасов энергоресурсов и геостратегически значимого местоположения региона для мировых торговых путей. Средиземноморское пространство может быть разделено на два сектора – Север и Юг. На Севере расположены развитые государства, объединенные общими европейской и трансатлантической идеями либеральной демократии. На юге – в силу разных причин нестабильные арабские и ближневосточные государства.

Страны обоих берегов исторически связаны общими интересами – политическими и экономическими. Сегодня страны южного берега Средиземного моря стали эпицентром международной напряженности, что привело к широкомасштабному, трансграничному кризису, подрывающим международную безопасность и стабильность всего региона. По этим причинам во взаимосвязанности и взаимном влиянии Евро-атлантического и Средиземноморского регионов и значимости этих отношений для каждой из сторон. Южная политика альянса – отражение общих евроатлантических интересов блока. Средиземноморская политика НАТО органично вписана в

глобальную стратегию альянса, направленную на максимизацию его военно-политического присутствия в геополитическом пространстве.

Процесс трансформации концептуальных основ политики альянса начался после окончания холодной войны и положил начало глобальной роли НАТО, путем пересмотра основополагающей стратегической концепции, структуры и политики и принятия альянсом на себя ответственности по разрешению широкого спектра угроз и вызовов международной безопасности. НАТО взяла на себя роль «глобального проводника безопасности».

Широкое понимание безопасности, зафиксированное в документах блока, позволяло странам альянса сохранять необходимую гибкость в ответах на любые изменения военно-политической ситуации. В Стратегической концепции были зафиксированы три важнейшие задачи – диалог, кризисное регулирование и поддержание потенциала коллективной обороны.

Сотрудничество между НАТО и странами Средиземноморского региона было инициировано в рамках концепции либерального институционализма с целью улучшения среды безопасности кризисного региона согласно постулатам западной модели либеральной демократии. Целями программы «Средиземноморский диалог» были распространение и обмен мнениями между членами альянса и странами Средиземноморского региона; устранение непонимания и неправильных представлений об альянсе; согласование общего подхода к угрозам и вызовам безопасности.

В концептуальном плане НАТО сделала несколько значимых и последовательных шагов для расширения и усиления своей роли в Средиземноморском регионе. В 1990-е годы НАТО стремилась достичь ограниченных целей – улучшение образа альянса в регионе, укрепление доверия и повышение функциональной совместимости с арабскими партнерами. США и европейские союзники выработали единый перечень угроз и вызовов, которые представлены международным терроризмом, ОМУ, «несостоявшимися» государствами, международной организованной преступностью и контрабандой.

Причина инициации отношений со странами региона – утверждение и вера в то, что Средиземноморье и Ближний Восток являются источником главных международных угроз.

Влияние, которое оказали теракты 11 сентября на США и внешнеполитическую стратегию Америки, стали мощным импульсом для развития роли альянса в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока.

Теракты 2001 года можно назвать поворотным пунктом в эволюции роли НАТО в регионе. Запуск «Стамбульской инициативы сотрудничества» стал свидетельством нового американского видения региона. Политика партнерства была представлена и осуществлена как составная часть внешнеполитической концепции администрации президента США Дж. Буша-мл. «Большого Ближнего Востока». Именно влияние США дало импульс развитию практического сотрудничества в области безопасности с арабскими партнерами. Целью было большее вовлечение НАТО в региональную политику.

Последствия этих событий изменили и трансформировали роль альянса от ограниченного сотрудничества и диалога в сфере безопасности к эффективной политике привлечения арабских стран-партнеров к участию в военных операциях альянса, что подтвердилось на примере миссии в Ливии – «Юнифайд Протектор». Кроме того, расширился спектр активности НАТО в регионе для ответа на вызовы Евро-атлантическим союзникам. В целом, НАТО, которая не играла значимой роли в регионе относительно главных вызовов безопасности и стабильности до терактов 2001 г., стала значимым региональным игроком.

В ходе исследования были зафиксированы и систематизированы причины, обуславливающие трудности в реализации политической стратегии НАТО в Средиземноморье. Среди Арабских стран региона существует понимание, что сотрудничество с ключевыми странами Запада и Североатлантическим альянсом, в целом, не просто неминуемо, но и взаимовыгодно. Между тем, это не отменяет взаимного недоверия и страха по отношению друг к другу. Растущая напряженность и конфликтность региона после событий 11 сентября и вследствие революций «Арабской весны», исторически-сложившийся отрицательный образ

стран Запада и отсутствие разделения политики альянса и политики отдельных стран-союзников в восприятии политических элит и общественности региона привели к сохранению подозрений и недоверия в отношениях между НАТО и арабским миром.

Несмотря на развивающиеся отношения, обе стороны так и не выработали долгосрочной стратегии и целей сотрудничества в будущем – не согласован и не подписан рамочный документ между НАТО и южными соседями, нет единого многостороннего консультационного форума как Совет Евро-атлантического сотрудничества, проводящий ежемесячные встречи на уровне послов. До сих пор существует большая доля неопределенности относительно дальнейшего развития отношений.

Внутренними причинами неэффективности политики партнерств в регионе можно назвать следующие: неопределенную политическую повестку дня программ; различия в подходах и интересах как евро-атлантических союзников, так и арабских партнеров; недостаточное финансирование сотрудничества; и отсутствие энтузиазма ввиду неправильного целеполагания.

И внешние факторы – негативный имидж НАТО в странах арабского мира, кардинальные политические изменения и противоборство в регионе. Политические изменения в регионе затрагивают не только региональный комплекс безопасности, но и отношения с Евроатлантическими партнерами таким образом, что существующие альянсы и партнерства требуют пересмотра.

Дальнейшая концептуализация программных установок НАТО будет скорее всего проходить с учетом комплексов факторов, отражающих динамику внутривосточных и региональных особенностей, и, похоже, в еще большей степени – трансграничных воздействий.

Специфицированы итоги использования контингента НАТО в Средиземноморском регионе. Стратегами альянса не был выработан единый подход для всех стран-членов о видении роли альянса в обеспечении «жесткой безопасности» в регионе. Каждый случай такого регулирования (Иракская война,

Ливийский кризис и война в Сирии) руководством альянса рассматривается отдельно, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств.

После 11 сентября НАТО приняла вспомогательное участие в Иракской войне. Другими словами, НАТО не брала на себя ответственность за выполнение какой-либо прямой военной задачи в этом кризисе.

Операция США в Ираке и второстепенная роль альянса в урегулировании данного кризиса не привели к улучшению региональной среды безопасности. Более того, она подтвердила, что США не готовы провести широкомасштабную и долгосрочную военную операцию в одиночку – без союзников и партнеров. Иракский кризис доказал, что США не могут диктовать альянсу то, что им захочется для достижения своих целей на Ближнем Востоке. Такая операция в перспективе маловероятна. Между тем, хотя и существовали различия в подходах степени участия НАТО в урегулирование конфликта в Ираке и соблюдении норм международного права – это не сказывалось на самом факте вовлеченности в регион Средиземноморья и Ближнего Востока.

Основной итог военной кампании НАТО в Ливии заключается в том, что за 6 лет после свержения режима М. Каддафи Ливия так и не смогла установить базовую среду безопасности, необходимую для проведения политических реформ и восстановления государственности. В Ливии действуют экстремистские и террористические группировки, что ввиду важного геополитического расположения страны, оказывает общий дестабилизирующий эффект на весь регион.

Опыт европейского лидерства в военной операции НАТО в Ливии продемонстрировал, что европейские союзники нуждаются в США для компенсации собственного недостаточного военного потенциала и для заявленной ими цели стабилизации региона. Однако же, основной целью Ливийской кампании можно назвать демонстрацию альянсом способности быстро реагировать и сдерживать угрозы, возникающие вне Евро-атлантической территории.

Существует понимание между США и Европейскими союзниками о необходимости достижения прочного консенсуса при проведении будущих миссий в регионе, во избежание повторения раскола в подходах к политике в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока, угрожающего солидарности внутри альянса. Осознание, что продвижение политики Запада в регионе в настоящих условиях возможно лишь консолидированными усилиями альянса подтверждает необходимость сохранения внутренней солидарности и общности интересов.

Между тем, внутри НАТО нет единого подхода о конкретной роли альянса в Средиземноморье. США и Великобритания желают усиления роли блока в процессе урегулирования региональных конфликтов и большего участия европейских союзников в данной политике альянса. Часть европейских союзников – Германия и страны Восточной Европы – нацелены на обеспечение безопасности восточного фланга Европы и меньшее вовлечение альянса в ближневосточные кризисы. Южно-европейские страны-члены НАТО настаивают на активизацию роли альянса в обеспечении безопасности в условиях миграционного кризиса.

В условиях войны в Сирии, наглядно проявилась отстраненность НАТО от «глобальной войны с терроризмом». НАТО как военно-политический союз оказался бесполезным в отражении одной из самых сложных угроз с южного фланга – нелегальной миграции. Альянс не в состоянии провести военную операцию в Средиземноморье, которая бы эффективно сказалась на разрешении этой проблемы, равно как и других региональных кризисов. Роль НАТО в борьбе с главным вызовом современности – международным терроризмом – сведена к минимуму и остается вспомогательной в большей степени из-за сложности нахождения консенсуса в кардинально расходящихся взглядах и подходах союзников к противодействию новым ассиметричным вызовам и угрозам и недостатка трансформации НАТО для противодействия ему.

Оценочную позицию НАТО, крайне болезненно реагирующую на успешные действия ВКС России против международного терроризма в Сирии, следует

рассматривать не только и столько в страновом и регионально-обозначенных форматах, сколько в самом широком геостратегическом контексте: самого резкого после окончания холодной войны обострения отношений между Западом, прежде всего США, и Россией; санкции против нашей страны и ее ответных контрсанкций; замороженных отношений в рамках совета Россия-НАТО.

В прогностическом плане есть все основания считать, что в случае обострения кризисных тенденций и нарастания неопределенностей в мировой политике, акцентированная значимость региональной политики альянса и его стратегии в целом станет постепенно размываться. Она уступит место менее обязывающим положениям, тезисам и формулировкам, призванным сглаживать существующие и неизбежные в будущем, как политические, так и финансовые трения среди стран-членов НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы и источники

1. Вашингтонская декларация 1999 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27445.htm?mode=pressrelease
2. Военная доктрина Российской Федерации // URL:
<http://kremlin.ru/supplement/461>
3. Декларация по итогам саммита в Брюсселе 1994 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24470.htm?mode=pressrelease
4. Декларация по итогам саммита в Бухаресте 2008 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?mode=pressrelease
5. Декларация по итогам саммита в Лиссабоне 2010 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68828.htm?mode=pressrelease
6. Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm?
7. Декларация по итогам саммита в Риге 2006 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm?mode=pressrelease
8. Декларация по итогам саммита в Страсбурге/Кёле 2009 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_52837.htm?mode=pressrelease
9. Декларация по итогам саммита в Уэльсе 2014 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease
10. Декларация по итогам саммита в Чикаго 2012 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87593.htm?mode=pressrelease
11. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460>
12. Европейская стратегия безопасности 2003 г. URL:
<https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>
13. Коммюнике по итогам саммита в Варшаве 2016 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en

14. Коммюнике по итогам саммита в Стамбуле 2004 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21023.htm?
15. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. URL:
http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
16. Лондонская декларация НАТО 1990 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm?
17. Мадридская декларация о Евро-атлантической безопасности и сотрудничестве 1997 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25460.htm?mode=pressrelease
18. Отчет человеческого развития арабских стран, ПРООН, 2003 (на арабском языке). URL: <http://www.arab-hdr.org/publications/contents/arabic/2003/Introduction.pdf>
19. Североатлантический договор о создании НАТО 1949 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?
20. Стратегическая концепция НАТО 1991 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm?
21. Стратегическая концепция НАТО 1999 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?mode=pressrelease
22. Стратегическая концепция НАТО 2010 г. URL:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm?
23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Утверждена указом Президента Российской Федерации В.В.Путиным 31 декабря 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129>
24. Стратегия национальной безопасности США 2002 г. URL:
<http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>
25. Стратегия национальной безопасности США 2006 г. URL:
<http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>
26. Стратегия национальной безопасности США 2010 г. URL:
<http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>

27. Стратегия национальной безопасности США 2015 г. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>

Книги и статьи на русском языке

28. XXI век: Перекрестки мировой политики / Отв. ред. М.А. Неймарк. — Москва, 2014.

29. Абд Аль-Фаттах Аль-Бизем, директор Института Аль-Фатх Аль-Исламий (г. Дамаск). Глобализация. Взгляд с Востока // Выступление на конференции «Мусульманские страны в изменяющемся мире» (22-25 марта 2004 г.) МГИМО(У) МИД РФ. М., 2004.

30. Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция/Абрамова И.О., Бессонов С.А.// Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 10-17.

31. Азатян В. В., Ткаченко А. А. Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки. М. Изд. Института изучения Израиля и Ближнего Востока совместно с Институтом Африки РАН. 2000.

32. Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века. Реф. сб. // РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион, пробл. Отдел Азии и Африки. Сост. и отв. ред. Фурсов А.И. — М.: ИНИОН, 1999. — 196 с.

33. Арбатова Н.К. Средиземноморье: Проблема безопасности. М., 1990.

34. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» советскими и российскими авторами / Право и образование, 2014, №4.

35. Ахмедов А. Ислам в современной идейно-идеологической борьбе. — Москва: Политиздат, 1985;

36. Ахмедов А.А. Трансформация НАТО в условиях окончания "холодной войны": Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. - С.-Петерб. гос. ун-т. - СПб.: 2001

37. Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика/ В.М. Ахмедов. М., Институт востоковедения РАН. Ключ-С, 2010. 234 с.

38. Бажанов Е. Войны с исламом не будет // Независимая газета. - 2012. - №194.
39. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е., Международные отношения в XXI веке. - Москва, «Восток-Запад», 2011.
40. Бажанов Е.П., Америка: вчера и сегодня, В 2 х т. — М.: Известия, 2005.
41. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. — Москва: Весь мир, 2013.
42. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. — Москва: «Восток-Запад», 2010.
43. Бажанов Е.П. Россия между Западом и Востоком /Е.П. Бажанов //Современный мир и геополитика / под ред. М.А. Неймарка. — М.: Канон+, 2015.
44. Бакланов А. Средиземноморские диалоги НАТО / Международная жизнь. - 2000. - №2.
45. Балахонцев Н.И, Тюрин В.А. Коалиционная военная стратегия НАТО/ Н.И. Балахонцев, В.А.Тюрин // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 4. С. 3-7.
46. Барабанов О.Н. Средиземноморский фланг ЕС приоритеты Италии / Россия: европейский вектор. М. 2000.
47. Бартенёв В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969-2008). - М.: ЛЕНАНД, 2009.
48. Бартош А.А. Генезис НАТО: от монолитного блока до ситуативных коалиций /А.А. Бартош // Независимое военное обозрение. 2013. №43 (784). С. 4-5.
49. Беблер А. НАТО и транснациональный терроризм / А. Беблер // Мировая экономика и международные отношения. — М., 2006. - №10, с. 48-57;
50. Безопасность Европы/ под ред. В.В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011. 752 с.
51. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Пер. с англ.-М.: Международные отношения, 2005, 288с.;

52. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / З. Бжезинский. М.: Международные отношения, 2007. - 240 с.;
53. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геополитические императивы/ Пер. О.Ю. Уральской/ З. Бжезинский. М.: Междунар. отношения, 1999. 279 с.
54. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис/ Пер. с англ. М. Десятовой/ З.Бжезинский. М.: Астрель, 2012. 782 с.
55. Большаков О. Г.: История Халифата. – Москва: Наука. 1989.
56. Бомье, Жан От «Нового порядка» к Атлантическому пакту. Под ред. Л. Петрова. М.
57. Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. Ближний, Средний Восток и Северная Африка в мировом нефтегазовом хозяйстве. М., 2008. 100 с.
58. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч.1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2002. –670 с.
59. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2003. –808 стр.
60. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 3: События. Политика. Люди / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 640 стр.
61. Булаев О.О., Труевцев К.М. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // Оценки и идеи. Бюллетень Ин-та востоковедения РАН, 2016. Т. 1, № 9, 12 с.
62. Быстров А.А. США и Ливия/ А.А. Быстров. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13031#more-13031>
63. Вавилов А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран// М.: Библос консалтинг. 2009. 352 с.;
64. Васильев А.М. Цунами революций: новые геополитические реальности. Доклад на XII Всероссийской конференции африканистов. М., 2011.

65. Васильев А. М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 1.
66. Васильев Л.С. История религий Востока. – Москва: Университет, 1998.
67. Вебер М.: Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. — Москва: Юрист.
68. Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М., 2008.
69. Виленский Д. Стамбульская инициатива о сотрудничестве: новый этап деятельности НАТО? / Д. Виленский // Международная жизнь. - 2004. - № 12.
70. Борщ А.А. Военные конфликты на Ближнем Востоке как угроза национальной безопасности России/ А.А. Борщ//Обозреватель. - 2013.- № 3.- с.74-81.
71. Гаджиев А. Г. Турция - союз для Средиземноморья: долгая помолвка // Азия и Африка сегодня. – 2009. - № 7. - С. 41-44.
72. Гансер Д. НАТО – секретные армии в Европе. [пер. с англ. И. Фридмана]. М.: 2006.
73. Глебова Н.Г., Дихотомия Север-Юг и арабский мир на современном этапе // ИИИиБВ. РАН. М. - 2008.
74. Глинский-Васильев Д. Политические ограничители расширения НАТО и возможности России / Д. Глинский-Васильев // Мировая экономика и международные отношения. - 2009. - № 7.
75. Громыко Ан.А. Новый мировой порядок или беспорядок. М., 2004.
76. Гусейнов В.А., Денисов А.П., Савкин Н.П., Демиденко С.В. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
77. Дейч Т.Л. Ливийский кризис в свете интересов России, Китая и Африки // Азия и Африка сегодня. 2011. №9. С. 20-24.

78. Долгов Б.В. Роль исламского фактора в арабском кризисе // Арабский кризис и международные последствия. (сборник) / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014. 251 с.
79. Долгов Б.В. Сирийский кризис и страны НАТО /Б.В. Долгов// Актуальные проблемы Европы. 2013. № 3. С. 94-118.
80. Донцов В. Е. Современные шиитские исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. – Москва: ДА МИД РФ, ИАМП. 2001.
81. Дружиловский С.Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока // Ислам и политика. – Москва, 2001, Абрамова И.О. Народнонаселение Африки в новой глобальной экономике. М., 2010.;
82. Дюбуа Ж. Европейский Союз и Средиземноморье// Европа и Россия: проблемы южного направления. М., 1999. С. 118-124.
83. Егоров, С.А. Вооруженные конфликты и международное право, диссертация, 12.00.10, Москва, 1999.
84. Журкин А. В. Эволюция политики и антикризисной стратегии Североатлантического альянса (2008-2010 гг.): автореф. диссертации на соиск. ученой. степ. канд. пол. н. - М.: Изд-во ИМЭМО, 2010.
85. Закаурцева Т.А., Внешнеполитическая мысль США (эволюция теории экспансионизма и совершенствование аппарата её реализации в конце XIX-начале XX вв.), диссертация кандидата исторических наук, 07.00.03, Ленинград, 1988.
86. Закаурцева Т.А., Иванов О.П., Россия и НАТО: новая парадигма отношений / Россия и современный мир / отв. ред. Неймарк М.А. – Канон+, 2016, стр. 44-59.
87. Зверева Т.В. Средиземноморский проект Парижа // Мировая экономика и международные отношения. 2014, № 8.
88. Зверева Т.В. Франция и новая концепция НАТО // Дипломатическая служба. 2010, № 6.
89. Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата // Обозреватель-Observer, 2015, №1.

90. Иванов О.П., Американские дебаты по расширению НАТО на восток: позиция экспансионистов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №3, стр. 30-48.
91. Иванов О.П., Военная сила в глобальной стратегии США., М., 2008.
92. Иванов О.П., Военная сила США и международная безопасность в XXI веке // Исследование военно-политических концепций США в контексте международной безопасности в XXI веке, М.: LAP LAMBERT, 2011, 372 стр.
93. Иванов О.П., Копылов А.В., Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №4, стр. 35-50.
94. Иванов П.А. Трансформация НАТО: век нынешний и век минувший / П.А. Иванов // М.: Аспект Пресс, 2004. – 140 с.
95. Иггерс Г., Ван Э. «Глобальная история современной историографии»; пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. М. Кукарцевой. – М.: Канон+, 2012, с.315.
96. Иноземцев В.Т. О новом мировом порядке. Россия в глобальной политике / В.Т. Иноземцев, О.В. Караганов // Томск: Научная мысль, 2010. – 189 с.
97. Исламское государство: сущность и противостояние. Аналитический доклад, Владикавказ, 2015.
98. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М., Издательство Института Гайдара, 2015.
99. Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века/ В.В.Карякин, В.П. Козин. М.: Граница, 2014. 368 с.
100. Кобринская И.Я. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке (сборник). М.: ИМЭМО РАН, 2013.
101. Ковальский Н.А. Европа и Средиземноморье: вчера, сегодня, завтра // Актуал. пробл. Европы Европа на пороге XXI века: Ренессанс или упадок? М.: ИНИОН РАН, 1998. -№ 4. - С.131-149.

102. Козин В.Г. Расширение НАТО на Восток: как отреагирует России? - М.: Наука и политика, 2002.
103. Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: технология бунта/ О.А.Колобов, Э.Э. Шульц //Полития. № 1 (72). 2014. С. 119-127.
104. Конфликты на Ближнем Востоке в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 3-18.
105. Коротаев А.В., Исаев Л.М.. Формирование «афразийской» зоны нестабильности // Арабский кризис и международные последствия/ Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014. 251 с.
106. Котлер В. Война в Сирии в свете международного права о применении государствами силы в международных отношениях/В.Колтлер// Международная жизнь. 2013. №12. С.130-142.
107. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО//М., Научная книга, 2007.
108. Котляр В.С. Развитие стратегических концепций США и НАТО после 11 сентября 2001г. М., 2003.
109. Кудрявцев В.Д. Эволюция военно-политической стратегии Североатлантического альянса на современном этапе (2000 - 2008 гг.) в рамках европейской безопасности: автореферат диссертации на соиск. учен. степ. доктора ист. н. / В.Д. Кудрявцев. – М.: Дипломатическая акад. МИД РФ, 2008. – 146 с.
110. Кудряшова И.В. Режимные трансформации на современном арабском востоке/ И.В. Кудряшова // Политическая наука. М., 2012. № 3. С. 19-29.
111. Кукарцева М.А. «Забытые» конфликты в фокусе современности //Современный мир и геополитика / отв. ред. Неймарк М.А. – Канон+, 2015.
112. Кукарцева М.А. Постсекулярный мир и мировая политика // Мир и политика. - 2012. - №8 (71).
113. Кукарцева М.А. Философия гуманитарной безопасности и современная мировая политика / Россия и современный мир / отв. ред. Неймарк М.А. – Канон+, 2016.

114. Кукарцева М.А. Хронополитика и мировая политика//XXI век: перекрестки мировой политики / отв. ред. М.А. Неймарк. – М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – стр. 180-188.

115. Кукарцева М.А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность 2006, №3.

116. Кукарцева М.А., Тимакова О.А. Средиземноморье и партнерские программы НАТО. Часть 1. Броделевское Средиземноморье сегодня/ Обозреватель-Observer, 2016, №7, стр. 76-84.

117. Кукарцева М.А., Тимакова О.А. Средиземноморье и партнерские программы НАТО. Часть 2.Евро-атлантический жребий средиземноморского мира / Обозреватель-Observer, 2016, №8, стр. 79.

118. Кукарцева, М.А.. О Лжи в политике. Обозреватель, 2014, №8.

119. Лавров С.: Разрушив Ливию, Запад просит Россию о помощи в ликвидации последствий. URL: <https://russian.rt.com/article/88227>.

120. Лебедева М., Маркетти Р. Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы, Международный дискуссионный клуб «Валдай», М., 2016, 19 стр.

121. Мазин А. ЗЕС и НАТО / А. Мазин // Мировая экономика и международные отношения. - 2003. - № 10.

122. Малышев А.М. Новая Стратегическая концепция НАТО – программная установка на начало XXI века / А.М. Малышев // М.: Стратегическая стабильность, 2002. – 415 с.

123. Малышева Д.Б. Ближневосточная турбулентность/ Д.Б.Малышева// Мировая Метаморфозы мировой политики/ под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. 506 с.

124. Малышева Д.Б. Ближний Восток и Северная Африка: государственное регулирование миграции в условиях глобального экономического кризиса // М.: ИМЭМО РАН. 2010. с. 8-17.

125. Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. -Жуковский, М., 2003.

126. Мелкумян Е.С. Ситуация вокруг Ирака и роль постоянных членов Совета Безопасности ООН. Сборник "Ближний Восток и современность". Выпуск 11. Москва, ИИИиБВ, 2001.

127. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. - 2012. - №4.

128. Мир вокруг России: 2017. Контурь недалеко будущего / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М.: «Культурная революция», 2007. - 160 с.

129. Мирский Г. Багдадская Головоломка // Россия в глобальной политике, 2003, №1 .

130. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. – № 1. - С. 109-119.

131. Михайлов В. Постоянное соединение ОБС НАТО на Средиземном море /В. Михайлов // Зарубежное военное обозрение. - 2007. - №9.

132. Муромцева О.В. Безопасность Средиземноморья сегодня // Преподавание истории в школе. - 2005. - N 10. - С. 28-33.;

133. Мустафабейли А.М. К истории развития российско-иранских отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2014. – № 1.

134. Надточей Ю.И., Тактическое ядерное оружие США в Европе и политика НАТО / Ю.И. Надточей // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. №2. стр. 101-116.

135. Надточей Ю.И., Оборонное сотрудничество в Европе: субрегиональный уровень / Ю.И. Надточей // Вестник МГИМО Университета. 2016. №3. стр. 134-143.

136. Надточей Ю.И., «Острые копыя» НАТО и его мишени / Ю.И. Надточей // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2015. №36. стр. 2-5.

137. Надточей Ю.И., Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестает быть глобальной организацией? / Ю.И. Надточей // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №6. стр. 18-30.

138. Надточей Ю.И., «Умная оборона» как средство против кризиса / Ю.И. Надточей // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2012. №27. стр. 13-15.
139. Надточей Ю.И., Односторонняя политика США: трансатлантическая безопасность на рубеже XX-XXI веков. Саарбрюккен. 2011. 215 стр.
140. Надточей Ю.И., Мировой экономический кризис: последствия для НАТО / Ю.И. Надточей // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. №39. стр. 5-9.
141. Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности/Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016.
142. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. – Москва. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования. 2009;
143. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего, Международный дискуссионный клуб «Валдай», М., 2016, 34 стр.
144. Никулина И. М. Современные подходы к проблеме обеспечения безопасности в Средиземноморье. // Востоковедный сборник. Вып. 3. М. 2002.
145. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. — М.: Альпина, 2004;
146. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006.
147. Приходько О.В. США и политика партнерства НАТО / О.В. Приходько // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. - №3.
148. Рахманинов Ю. Н. Достижения и препятствия на пути безопасности и сотрудничества в Средиземноморье.// Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. М.: ИИИиБВ, - 2000.
149. Россия - НАТО: что впереди? Выдержки из вступительного слова Бажанова Е.П. на конференции "Россия-НАТО:15 лет на пути к партнерству" /Ермасов, Сергей Викторович, Крячкина, Юлия, Кучинская М. Е. //Проблемы

национальной стратегии.- Российский институт стратегических исследований. - 2013.- № 6.- с.7-23.

150. Россия и современный мир / отв. ред. Неймарк, М.А., М., Канон+, 2016.

151. Руденко Л.Н., Соловьёва З.А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. М.: Институт Востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2007.

152. Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. – Москва: МГИМО-Университет. 2008.

153. Сапронова М.А. Становление новой государственности на Арабском Востоке// Международные процессы. Экономические трудности политической системы. Т. 13. № 3 (42). Июль-сентябрь 2015. С. 26-39.

154. Сартори Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори // ПОЛИС.- 1993.- № 2.

155. Семенчук А. НАТО, Ирак и Афганистан: есть ли выход? - СПб.: Рассвет, 2010;

156. Симонов А. Новая стратегическая концепция НАТО/ А. Симонов // Зарубежное военное обозрение. 2011. №1. С. 3-8.

157. Смирнов А.В. История арабо-мусульманской философии: Антология. – Москва: Академический проект, 2013.

158. Смирнов А.В. О понятии «свобода» в арабо-мусульманской культуре // Историко-философский ежегодник-2003. – Москва: Наука, 2004;

159. Современный мир и геополитика / отв. ред. Неймарк, М.А., М., Канон+, 2015.

160. Суслов Д. Мировое устройство: Quo Vadis? В поисках глобального Вестфалья, Международный дискуссионный клуб «Валдай», М., 2016, 16 стр.

161. Татаринцев В. М. Африка в современном мире. М. 2003.

162. Татаринцев В. М. Проблемы безопасности в Средиземноморье: роль НАТО и ЕС. Монография / В. М. Татаринцев. — М.: Восток - Запад, 2009.

163. Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
164. Трофимова О.Е. Средиземноморская политика ЕС: факторы влияния/Трофимова, Ольга Ефимовна//Современная Европа. - 2014.- № 1.- с.94-106.
165. Фененко А.В. Междержавная конкуренция на Ближнем Востоке / Международные процессы, 2014, №38.
166. Фитуни Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений/ Л. Фитуни // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 3-14.
167. Фридман Дж. Горячие точки. М.: Питер, 2016. –380 с.
168. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ. 2006
169. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века/ С. Хантингтон. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
170. Хофстедтер Р. Американская политическая традиция/ Р. Хофстедтер/ Пер. с англ. М.: Наука, 1993. 424 с.
171. Чудодеев А.К. НАТО против НАТО / А.К. Чудодеев, О.В. Одиokoленко // М.: Международные отношения и политика, 2007. 432 с.
172. Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии/ У.З.Шарипов. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 379 с
173. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения/ Дж. Шарп. М.:Новое издательство, 2012. 84 с.
174. Шляхтунов А.Г. Военно–политические отношения НАТО с Россией в краткосрочной перспективе // ВАГШ ВС РФ, 2016.;
175. Шляхтунов А.Г. Геополитика в начале XXI века: тенденции и перспективы развития // ЦИВПЗС, 2016.;
176. Шляхтунов А.Г. Развитие военной политики НАТО в начале XXI века и ее влияние на военную безопасность России, М.: ВАГШ ВС РФ, 2011.
177. Штоль В. В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.

178. Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации / В.В. Штоль // М.: Научная книга, 2003. 284 с.

179. Штоль В.В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М. «Научная книга», 2006.

180. Шутов А.Д. Избранные статьи. – Москва, 2009

181. Эггерт К.П. НАТО: между атлантическим прошлым и глобальным будущим. // Европейская Безопасность: события, оценки, прогнозы. 2004. - Вып. 13.

182. Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия / А.Д. Эпштейн. М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. - 216 с.

183. Южилин В.А. Средиземноморье и Россия в новых геополитических реалиях: автореферат диссертации на соиск. ученой степ. кандидата полит. н. – М.: РАГС , 2001.

Книги и статьи на иностранных языках

184. Abi-Aad A., Grenon, M. Instability and Conflicts in the Middle East: People, Petroleum and Security Threats. London: Macmillan Press, 1997.

185. Abrams, I. and Gungwu, W. The Iraq War and its Consequences: Thoughts of Nobel Peace Laureates and Eminent Scholars. New Jersey, London and Singapore: World Scientific Publishing, 2003, p.250.

186. Admiral Ferdinando Sanfelice di Montefiore, “Mediterranean Insecurity,” www.euroatlantic.org.

187. Alterman J.B. Acting and Reacting in the Middle East. Global Flashpoints 2015. Center for Strategic and International Studies, 2015, 180 p.

188. Ambrose, S. Rise to Globalism: American Foreign Policy Since 1938. New York and London: Penguin, 2003.

189. Anderson, I. Biblical Interpretation and Middle East Policy: The Promised Land, America, and Israel 1917–2002. Gainesville: University Press of Florida, 2005.

190. Aras, B. War in the Garden of Babylon: The Middle East After the Iraqi War. Istanbul: Tasam Publications, 2004, p. 375.
191. Aron R. "Peace and War: A Theory of International Relation", New Brunswick, NJ, Transaction Publishers 2003, p.445.
192. Ash, T. Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of Our Time. London and New York: Allen Lane and Penguin, 2004.
193. Asmus R. Opening NATO's door: how the alliance remade itself for a new era / R. Asmus // NY: Columbia University Press, 2002. - 372 p.
194. Asmus R. Rebuilding the Atlantic Alliance. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59180/ronald-d-asmus/rebuilding-the-atlantic-alliance>
195. Ayadi, Rym and Salim Gadi, "The Euro-Mediterranean Partnership: Diagnosis and Prospects", MEDPRO Policy Brief, MEDPRO Project, Brussels.
196. Aybet G. NATO: In Search of a Vision / G. Aybet, R. Moore, L. Freedman. – London: NATO's Nations and Partners for Peace, 2008. – 215 p.
197. Ayoob M., 'The New Cold War in the Middle East', The National Interest, 16 January 2013.
198. Ayubi, N. Overstating the Arab State: Politics and Society in the Middle East. London and New York: I.B. Tauris, 1995.
199. Bacevich A. NATO: Politics and Strategy in a Global Age / A. Bacevich, E. Cohen // NY: Columbia University Press, 2002. - 223 p.
200. Bamford, J. A Pretext for War: 9/11, Iraq, and the Abuse of America's Intelligence Agencies. New York, London and Sydney: Doubleday, 2005.
201. Barany, Z. The Future of NATO Expansion: Four Cases Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
202. Bender B., Exercise heralds cross-regional training for NATO, Jane's Defence Weekly, 1999.
203. Bennis, P. Before and After: US Foreign Policy and the War on Terrorism. Gloucestershire: Arris Books, 2003.

204. Bensahal, N. and Byman, D. The Future Security Environment in the Middle East: Conflicts, Stability, and Political Change. Santa Monica: Rand Corporation, 2004, pp.15–56.

205. Bin, A. “NATO’s Mediterranean Dialogue: A Post Prague Perspective. Mediterranean Politics, Vol. 7, Retrieved 4/25/09, URL:http://pdfserve.informaworld.com/214069_751309036_713604510.pdf

206. Blackwill Robert D. Allies Divided: Transatlantic Policies for the Greater Middle East. — The MIT Press, 1997.

207. Boening A. Multilateral security in the Mediterranean post-Cold War: NATO’s Mediterranean Dialogue and the EuroMed Partnership. - [http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/matthew_mark_horn-10_4\(1\).pdf](http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/matthew_mark_horn-10_4(1).pdf)

208. Boot, M. The ‘American Empire’ in the Middle East. Berkeley: Berkeley Public Policy Press, 2004.

209. Borgomano-Loup L., NATO's Mediterranean Dialogue and the Istanbul Cooperation Initiative: Prospects for Development, NATO Research Paper, No. 21, 2005.

210. Boyle, F. Destroying World Order: U.S. Imperialism in the Middle East Before and After September 11. Atlanta: Clarity Press, 2004.

211. Bruce R., Libya: Continuity and Change, London, UK: Routledge 2011, p. 36.

212. Bunde T., Noetzel T., Unavoidable Tensions: The Liberal Path to Global NATO, Contemporary Security Policy, 2010, pp. 295-318.

213. Burchill, S. and Linklater, A. Theories of International Relations. Hampshire and New York: Palgrave Macmillan, 1996, p.320.

214. Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003

215. Buzan B., Waever O., Wilde J., Security: A New Framework for Analysis, Lynne Rienner Publishers, Boulder, 1997.

216. Buzan B., Jones Ch., Little R. The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. N.Y., 1993. 426 p.

217. Calhoun, C., Cooper, F. and Moore, K. (eds) *Lessons of Empire: Imperial Histories and American Empire*. New York: The New Press, 2006, p. 430.
218. Cehulic, L. (ed.) 'NATO – the New Model of Relations', in *NATO and New International Relations*. Zagreb: Atlantic Council of Croatia, Publishing and Research Institute, 2004.
219. Chandler D. *Humanitarian Intervention and the State* / D. Chandler // NY: Palgrave MacMillan, 2010. – P. 86.;
220. Chomsky, N. *9/11*. New York: Seven Stories Press, 2001.
221. Chomsky, N. *Middle East Illusions, Including Peace in the Middle East: Reflections on Justice and Nationhood*. New York and Oxford: Rowman and Littlefield, 2003
222. Clement, S. 'The United States and NATO: A Selective Approach to Multilateralism', in Malone, D. and Khong, Y. *US Foreign Policy: International Perspective*. London: Lynne Rienner, 2003
223. Coker Ch., "NATO and Africa 1949-89: An Overview," in Gustav Schmidt, ed., *A History of NATO: The First Fifty Years*, Vol. 1, Basingstoke, UK: Palgrave Publishers: 2001, p. 155.
224. Cordesman A.H. *The Need for Better Civil-Military Planning*. Global Flashpoints 2015. Center for Strategic and International Studies, 2015.
225. Cornish, P. *Partnership in Crisis: The US, Europe and the Fall and Rise of NATO*, London: Royal Institute of International Affairs, 1997.
226. Crawford N.C. *US Budgetary Costs of Wars through 2016*. Boston University, 2016.
227. Daadler I. *The End of Atlanticism*.// *Survival*. Vol. 45. -N 2. – 2003
228. Daadler I., Goldgeier J. *Global NATO*.// *Foreign Affairs*. Vol. 85. - 2006. - № 5.
229. Daalder I., Stavridis J., 'NATO's Victory in Libya', *Foreign Affairs* 91:2, 2012.
230. Daalder, I., Gnesotto, N. and Gordon, P. 'America, Europe, and the Crescent of Crisis', in Daalder, I., Gnesotto, N. and Gordon, P. (eds) *Crescent of Crisis*:

US–European Strategy for the Greater Middle East. Washington, D.C. and Paris: Brookings Institution Press and European Union Institute for Security Studies, 2006, p. 175.

231. Dalalder, I. and Lindsay, J. *America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.

232. De Santis N., “NATO’s Outreach to and Cooperation with Mediterranean Countries through the Mediterranean Dialogue,” in *IEMed Mediterranean Yearbook Med.2010*, IEMed, Barcelona, 2011.

233. Derbyshire J. D., Derbyshir I. *Political systems of the world*. - New York: St. Martin's Press. 1996.

234. Dokos P. T. NATO’s Mediterranean dialogue: prospects and policy recommendations;

235. Donnelly C., *Building a NATO Partnership for the Greater Middle East*, NATO Review, 2004. URL: http://www.nato.int/docu/review/2004/issue1/english/art3_pr.html.

236. Downing, D. *The Making of the Middle East: Religion, Nationalism, Conflict*. Oxford: Raintree, 2005.

237. Eastelwood S. *NATO's Mediterranean Dialogue - Linking regions together* / S. Eastelwood // Boston: Boston University, 2006. – 278 p.

238. Escobar P. The shadow war in Syria. Режим доступа: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/ML02Ak01.html.

239. Forster, P. and Cimbala, S. *The US, NATO and Military Burden Sharing*. London and Portland: Frank Cass, 2005.

240. Fouskas, V. *Zones of Conflict: US Foreign Policy in The Balkans and the Greater Middle East*. London: Pluto Press, 2003, p.31.

241. Freedman, L. *The Transatlantic Agenda: Vision and Counter-vision*. London: IISS, Vol. 47, No. 4, 2005, pp.19–38.

242. Friedman G. Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East//STRATFOR review 22.11.2011.

243. Fukuyama, F. 'After the Neocons: America at the Crossroads', Lecture. London: IISS, 2006.
244. Future of Partnerships, eds. Håkan Edström, Janne Matlary and Magnus Petersson, Palgrave MacMillan, 2011.
245. Gallis, P. 'The NATO Summit at Prague', 2002, in Clausson, M. (ed.) NATO: Status, Relations, and Decision-Making. New York: Novinka Books, 2007
246. Gardner H. NATO Expansion and US Strategy in Asia: surmounting the Global Crisis. N.Y., 2013. 270 p.
247. Winrow G.M., Dialogue with the Mediterranean: The Role of NATO's Mediterranean Initiative, New York: Garland Publishing, 2000
248. Gates R. M., The Security and Defense Agenda (Future of NATO), Brussels, 10 June 2011.
249. Gaub F., Against All Odds: Relations between NATO and the MENA Region, US Army War College, 2012.
250. Gaub F., NATO: Peacekeeping the Holy Land? NATO Defense College Research Paper, No. 57, March 2010, URL: www.ndc.nato.int/download/downloads.php?icode=182
251. Giraldi P. NATO against Syria: NATO's airplanes in Iskenderun//American Conservative. 19.12.2011.
252. Goldberg, J., 'The Obama Doctrine', The Atlantic, April 2016, URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obamadoctrine/471525/>
253. Gordesman, A. The War After the War: Strategic Lessons of Iraq and Afghanistan. Washington, D.C.: CSIS, 2004.
254. Gordon P. NATO's transformation: the changing shape of the Atlantic Alliance / P. Gordon // Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1997. - 288 p.
255. Habermas J., Reider M., Ricken F., Schmidt J., Religion and rationality, Cambridge, UK: Polity. pp. 72–83.
256. Habermas, J. Between naturalism and religion. Philosophical essays. Cambridge, UK: Polity Press, 2008.

257. Haglund D. Trouble in PaxAtlantica? The United States, Europa, and the Future of Multilateralism// US Hegemony and International Organizations/ ed. by R. Foot. N.Y., 2003. P.59-83.

258. Hamilton D., Alliance Reborn: An Atlantic Compact for the 21st Century, Washington DC: The Washington NATO Project, 2009, p.41.

259. Hansen, B. Unipolarity and the Middle East. Surrey: Curzon, 2000.

260. Haseler, S. Rethinking NATO: A European Declaration of Independence. European Essay No. 26. London: The Federal Trust for Education and Research, 2003.

261. Hegghammer T., "The Rise of Muslim Foreign Fighters: Islam and the Globalization of Jihad," International Security 35, no. 3.

262. Henderson N., The Birth of NATO, Boulder, CO: Westview Press, 1983

263. Hendrickson R. Diplomacy and War at NATO: The Secretary General and Military Action After the Cold War / R. Hendrickson // Missouri: University of Missouri Press, 2006. - 175 p.

264. Hoddad, Y. 'Islamist Perceptions of US Policy in the Middle East', Lesch, D. (ed.) The Middle East and the United States: A Historical and Political Reassessment. Colorado: West Press, 2007.

265. Horn M. NATO, the Mediterranean dialogue, and the Middle East: it is time for NATO to get serious. URL: [http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/matthew mark horn-10_4\(1\).pdf](http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/matthew_mark_horn-10_4(1).pdf)

266. Howorth J., "ESDP and NATO? Wedlock or Deadlock?" Cooperation and Conflict, Vol. 38, No. 3, 2003

267. Hubel, H. and Kaim, M. (eds) Conflicts in the Greater Middle East and the Transatlantic Relationship. Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2004, 193 p.

268. Hudson, M. 'American Hegemony and the Changing Terrain of Middle East International Politics', in Salloukh, B. and Brynen, R. (eds) Persistent Permeability Regional, Localism, and Globalization in the Middle East. Hampshire and Burlington: Ashgate, 2004, p.177.

269. Isaac S.K. NATO's Intervention in Libya: Assessment and Implications, Panorama, 2012, pp. 121-123.

270. Kamp K.-H., Reisinger H., NATO's Partnerships After 2014: Go West!, NATO Research Paper 92, 2013.
271. Kaplan L. Clawson R., Luraghi R. NATO and The Mediterranean. Washington. 1985;
272. Kaplan L. NATO Divided, NATO United: The Evolution of an Alliance. London: Praeger, 2004. – 165 p.
273. Khouri R. "Spring or Revolution?" Agence Clobal, 17 August 2011, URL: <http://agenceglobal.com/index.php?show=article&Tid=2618>
274. Postolache A., New challenges in the relations between the European Union and the Mediterranean.
275. Kydd A. NATO: Trust and Mistrust in International Relations / A. Kydd // Princeton: Princeton University Press, 2009. – 332 p.
276. Larrabee S. NATO's Mediterranean Initiative Policy Issues and Dilemmas. Washington. 1998.
277. Legrenzi M., "NATO in the Gulf: Who is Doing Whom a Favour?", Middle East Policy, Vol. XIV, No. 1, 2007, 70 p..
278. Lesch, D. The Middle East and the United States: A Historical and Political Reassessment. Colorado: Westview Press, 2007, p.503.
279. Lesser I. NATO looks South. GMF. 2016.
280. Lewkowicz N. The Question of NATO and the International Order / N. Lewkowicz // London: Palgrave Macmillan, 2010. – 426 p.
281. Loewe M., "Die Diskrepanz zwischen wirtschaftlicher und menschlicher Entwicklung in der arabischen Welt", in: Politik und Zeitgeschichte (24), 2010, 10-22, p. 10
282. Luciani G. The Arab state. – London: Routledge. 1990; Pye L.W. The non-western political process // Journal of politics, 1957;
283. Lugar R., NATO: out of area or out of business, Remarks delivered to the open forum of the US State Department, August 3, 1993, Washington DC.

284. Lugar, R. A New Partnership for the Greater Middle East: Combating Terrorism, Building Peace, 2004, p.4.
URL: <http://www.brook.edu/comm/events/20040329lugar.htm>

285. Lynch M. Voices of the New Arab Public: Iraq, Al-Jazeera, and the Middle East Politics Today, New York: Columbia University Press, 2006.

286. Malet D., Foreign Fighters: Transnational Identity in Civil Conflicts, New York: Oxford University Press, 2013, 9.

287. Managing Change: Evolution in the Global Arena and Mediterranean Security. Rome: NATO Defense College, Seminar Report Series, no. 15.

288. Matlary J.H., “Partnerships to the East and South: a “Win-Win” Policy” in NATO: The Power

289. Medcaef, J. NATO: A Beginner’s Guide. Oxford: One World, 2005.

290. Michta, A. The Limits of Alliances: The United States, NATO, and the EU in North and Central Europe. New York and Oxford: Rowman and Littlefield, pp.134–5.

291. Middle East Illusions Including Peace in the Middle East: Reflections on Justice and Nationhood. Colorado, New York and Oxford: Rowman and Littlefield, 2003.

292. Morgenthau, H. Truth and Power: Essays of a Decade, 1960–70. New York: Pall Mall Press, 1970.

293. Muravchik J. The Imperative of NATO’s Leadership / J. Muravchik // Washington: American Enterprise Institute, 2010. – 274 p.

294. Nadine Kreitmeyr and Oliver Schlumberger. “Autoritäre Herrschaft in der arabischen Welt”, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.

295. Nakic, M. ‘The United States and NATO: How to Go Together’, in Cehulic, L. (ed.) NATO and the New International Relations. Zagreb: Atlantic Council of Croatia and Political Culture, 2004.

296. NATO and Morocco Sign Agreement on Operation Active Endeavour, press communiqué by the Public Affairs Office of CC-MAR Naples, 21 October 2009 (accessed on 10 January 2011).

297. NATO Looks South – South Looks NATO, Friedrich Ebert Stiftung, Berlin, 2006.

298. NATO's Role after the Fall of Gaddafi". The PRI's World, <http://www.theworld.org/2011/08/natorole-gaddafi-libya/>, 23 August 2011.

299. Nonneman G., "Obstacles to Stability in the Middle East: An Overview of Context and Linkages," Theodoris Couloumbis, Thanos Veremis, Thanos Dokos (eds.), The Southeast European Year-book, Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Athens, 1994.

300. Norris P. Inglehart R. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004.

301. O'Hanlon M. Future of Land Warfare, Brookings Institution Press, 2015.

302. Orfy M. NATO and the Middle East, Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 2010.

303. Osprey L. Mediterranean Dialogue Countries: New Problems and Affairs in the 21st Century / L. Osprey // NY: Rowman & Littlefield, 2010. – 109p.

304. Owen, R. State, Power, and Politics in the Making of the Modern Middle East. London and New York: Routledge, 2000.

305. Perliger, A. The Roots of Terrorism: Middle Eastern Terrorism. New York: Chelesee House Publications, 2006.

306. Philip K. Laurence: Democracy and the liberal state. – Dartmouth: Aldershot, 1989.

307. Postolache A., New challenges in the relations between the European Union and the Mediterranean.

308. Powell C. "The US-Middle East Partnership Initiative: Building Hope for the Years Ahead", speech to the Heritage Foundation, Washington, DC, 12 December 2002.

309. Powell R. In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics. Princeton, 1999. 353 p.

310. Prashad V. Arab Spring, Libyan Winter. Oakland, 2012. 271 p.

311. Prestowitz, C. *Rogue Nation: American Unilateralism and the Failure of Good Intentions*. New York: Basic Books, 2003.
312. Robertson D. *A dictionary of Modern Politics*. - London: Europa Publications Limited, 1993.
313. Roters D. *Der Islam - Hauptkraft des Widerstandes gegen die sowjetische Intervention in Afghanistan Taschenbuch*, 2013
314. Russell, R. *Weapons Proliferation and War in the Greater Middle East: Strategic Context*. London: Routledge, 2005.
315. Said E., *Orientalism*, London, UK: Vintage Books, 1979.
316. Salam M.A., "The Modes of Arab Conspiracy Theories," *Arab Insight*, Vol. 2, No. 2, Summer 2008.
317. Schumacher T., "A fading Mediterranean dream", *European Voice*, July 16, 2010.
318. Sedge M., "Arc of Instability: NATO's New Focus along the Southern Flank", *Armed Forces Journal International*, 1996, pp. 70-75.
319. Shapiro, A., Williams, E. and Dawoud, K. *Neocon Middle East Policy: The 'Clean Break' Plan Damage Assessment*. Washington, D.C.: The Institute for Research, Middle East Policy, 2005.
320. Smith M. and Ian Davis J. *NATO's Mediterranean Dialogue in the wake of the Arab Spring*. URL: <http://www.natowatch.org/node/516>
321. Stenhouse M., George B., "NATO and Mediterranean Security: The New Central Region", London: Brassey's Centre for Defence Studies, 1994.
322. Stornelli E. *A New Policy for the NATO Mediterranean Dialogue and Istanbul Cooperation Initiative*. URL: <http://www.comitatoatlantico.it/en/studi/nato-partnerships-in-the-greater-middle-east/>
323. STRATFOR Special report: *Libyan involvement in Africa*. N.Y., 2011.
324. Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hageel: *Human rights in Islam*. – Riyadh. 2001.

325. Sunga L. The Role of Humanitarian Intervention in International Peace and Security: Guarantee or Threat? / L. Sunga // Oxford: Oxford University Press, 2006.- 156 p.

326. The Arab Awakening: America and the Transformation of the Middle East,(ed.) K.M. Pollack. Washington, 2011. 381 p.

327. The Geopolitics of the Middle East', Adelphi Papers. IISS. London: Routledge, 2006, 403 p.

328. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1975. – 711 p.;

329. Tocci N., State (un)Sustainability in the Southern Mediterranean and Scenarios to 2030: The EU's response, MEDPRO Policy Paper No. 1, MEDPRO Project, Brussels, August.

330. Waltz K. Man, State and War: a Theoretical Analysis. New-York: Columbia University Press. 2001. 323 p.

331. Winrow, G. Dialogue with the Mediterranean: The Role of NATO's Mediterranean Initiative. New York and London: Garland Publishing, 2000. p.9.

332. Woever O., Buzan B., "An Inter-Regional Analysis: NATO's New Strategic Concept and the Theory of Security Complexes", in S. Behrendt, C.-P. Hanelt (eds.), Bound to Cooperate - Europe and the Middle East, Bertelsman Foundation Publishers, Gütersloh, 2000, pp. 55-106.

333. Woever O., Buzan B., "An Inter-Regional Analysis: NATO's New Strategic Concept and the Theory of Security Complexes", in S. Behrendt, C.-P. Hanelt (eds.), Bound to Cooperate - Europe and the Middle East, Bertelsman Foundation Publishers, Gütersloh, 2000, pp. 55-106.

334. Zanini M. The Future of NATO's Mediterranean Initiative Evolution and Next Steps. URL: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1164.html

335. Zunes, S. Tinderbox: US Middle East Policy and the Roots of Terrorism. London: Zed Books, 2003.

336. Информационный портал НАТО. URL: <http://www.nato.w-europe.org>
337. Новостной сайт Аль-Арабия. URL: www.alarabiya.net/
338. Новостной сайт Аль-Ахрам. URL: <http://www.ahram.org.eg>
339. Новостной сайт Аль-Джазира. URL: <http://www.aljazeera.net>
340. Новостной сайт Ассошиэйтед Пресс. URL: <http://www.ap.org/>
341. Новостной сайт Би-Би-Си. URL: <http://www.bbc.co.uk>
342. Новостной сайт Вошингтон Пост. URL: <https://www.washingtonpost.com/>
343. Новостной сайт Вошингтон Таймс. URL: <http://www.washingtontimes.com/>
344. Новостной сайт Зе Гардиан. URL: <https://www.theguardian.com/>
345. Новостной сайт Зе Индепендент. URL: <http://www.independent.co.uk/>
346. Новостной сайт НАТО. URL: <http://www.natowatch.org>
347. Новостной сайт Си-Эн-Эн. URL: <http://www.cnn.com>
348. Электронная библиотека НАТО. URL: <http://www.nato-bookshop.org>
349. Официальный сайт аналитического журнала Джейнс Дефенс Ревью. URL: <http://www.janes.com/>
350. Официальный сайт аналитического журнала Форэн Аффэрс. URL: <https://www.foreignaffairs.com/>
351. Официальный сайт аналитического журнала Форэн Полиси. URL: <http://foreignpolicy.com/>
352. Официальный сайт Ассоциации Североатлантического союза. URL: <http://www.ata-sec.org>
353. Официальный сайт журнала Зе Нью Йорк Таймс. URL: <http://www.nytimes.com/>
354. Официальный сайт Западноевропейского союза. URL: <http://www.weu.int/>
355. Официальный сайт Института США и Канады. URL: <http://www.iskran.ru>

356. Официальный сайт Командования Объединенных вооруженных сил НАТО. URL: <http://www.jfcbs.nato.int>

357. 416. Официальный сайт МИД России. URL: <http://www.mid.ru/ru/home>

358. Официальный сайт Министерства обороны США. URL: <http://www.defense.gov/>

359. Официальный сайт НАТО. URL: <http://www.nato.int>

360. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/>

361. Официальный сайт Парламентской ассамблеи НАТО. URL: <http://www.nato-pa.int/>

362. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/>

363. Официальный сайт Президента США. URL: <https://www.whitehouse.gov/>

364. Официальный сайт программы НАТО Средиземноморский диалог. URL: <http://www.med-dial.int>

365. Официальный сайт финансово-экономического журнала Форбс. URL: <http://www.forbes.ru/>

366. Официальный сайт Фридом Хаус. URL: <http://www.freedomhouse.org/>

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Расстановка вооруженных сил в Средиземном море

Источник: Коммерсант Власть, 25.03.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/WEEKLY/2013/011/vzdtj.gif>
(дата обращения: 10.11.2016)

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

Сравнительная характеристика основных положений стратегических концепций НАТО 1991, 1999 и 2010 гг.

ЦЕЛЬ НАТО

1991	Защита свободы и безопасности всех членов альянса политическими и военными средствами в соответствии с принципами Устава ООН.
1999	Защита свободы и безопасности всех членов альянса политическими и военными средствами.
2010	Фундаментальная и долговременная цель НАТО - гарантировать свободу и безопасность всем ее членам политическими и военными средствами. Сегодня альянс остается ключевым поставщиком стабильности в непредсказуемом мире.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

1991	1. Обеспечение основы для безопасности в Европе путем развития демократических систем и разрешения спорных вопросов мирными средствами. 2. Координация усилий стран-участниц по проблемам, затрагивающим их общие интересы. 3. Содержание агрессии и защита от нее любой страны-участницы. 4. Сохранение стратегического равновесия в Европе. 5. Отсутствует. 6. Отсутствует.
1999	1. Обеспечение основы для безопасности в Евроатлантическом регионе путем развития демократических систем и разрешения спорных вопросов мирными средствами. 2. Трактовка прежняя 3. Трактовка прежняя. 4. Отсутствует. 5. Урегулирование кризисных ситуаций. 6. Развитие партнерских отношений, сотрудничества и диалога с другими странами Евроатлантического региона.

2010	1. Безопасность членов НАТО по обеим сторонам Атлантики неделима. Мы продолжим защищать ее вместе, на основе солидарности, общих целей и справедливого распределения затрат. 2. Современная обстановка в области безопасности включает в себя широкий и прогрессирующий набор вызовов безопасности для территории НАТО и ее населений. 3. Для того чтобы обеспечить их безопасность, альянс должен и будет продолжать эффективно выполнять три ключевых фундаментальных задачи, каждая из которых способствует обеспечению безопасности членов альянса, всегда в соответствии с международным правом. 4. Отсутствует. 5. НАТО обладает уникальным и надежным набором политических и военных средств, для урегулирования широкого круга кризисов - до, во время и после конфликтов. Альянс будет активно задействовать соответствующий набор политических и военных инструментов для урегулирования развивающихся кризисных ситуаций, потенциально способных повлиять на безопасность альянса, прежде чем они обострятся до конфликтов; останавливать текущие конфликты там, где они затрагивают безопасность альянса; содействовать закреплению стабильности в постконфликтных ситуациях там, где это способствует евроатлантической безопасности. 6. Альянс подвержен влиянию, равно как и способен влиять на события в области политики и безопасности вне его границ. Альянс будет играть активную роль в расширении международной безопасности путем выстраивания партнёрских отношений с соответствующими странами и другими международными организациями; путем активного содействия контролю над вооружениями, нераспространению и разоружению; а также путем открытости членства в альянсе для всех европейских демократий, которые соответствуют стандартам НАТО. НАТО остается уникальным и важнейшим трансатлантическим форумом для консультаций по всем вопросам, затрагивающим территориальную целостность, политическую независимость и безопасность ее членов, в соответствии со статьей 4 Вашингтонского договора. Любой вопрос, связанный с безопасностью, представляющий интерес для любого из Союзников, может быть вынесен на обсуждение в НАТО для обмена информацией, взглядами, а также, при
------	---

	необходимости, выработки единых подходов.
--	---

ОБСТАНОВКА В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

1991	1. Отсутствие вероятности развязывания любой крупномасштабной агрессии против НАТО. 2. Неопределенность и риски, способные привести к возникновению кризисных ситуаций различного характера, затрагивающих интересы альянса. 3. Наличие мощных ядерных сил за пределами зоны ответственности НАТО. 4. Распространение ОМП и средств его доставки. 5. Распространение технологий двойного назначения. 6. Международный терроризм. 7. Нарушение потоков жизненно важных ресурсов. 8. Отсутствует. 9. Отсутствует. 10. Отсутствует. 11. Отсутствует. 12. Отсутствует.
1999	1. Трактовка прежняя. 2. Трактовка прежняя. 3. Трактовка прежняя. 4. Трактовка прежняя. 5. Трактовка прежняя. 6. Трактовка прежняя. 7. Трактовка прежняя. 8. Резкое обострение внутривполитической обстановки в государствах вследствие провала социально-экономических реформ. 9. Дезинтеграция отдельных стран. 10. Нарушение прав человека. 11. Нарушение функционирования телекоммуникационных и информационных систем.

	12. Неконтролируемая миграция населения.
2010	1. Сегодня евроатлантический регион находится в состоянии мира, и угроза конвенциональной атаки в отношении территории НАТО низка. 2. Многие регионы и страны по всему миру являются свидетелями приобретения существенных, современных военных потенциалов с последствиями для международной стабильности и евроатлантической безопасности, которые сложно предугадать. Это включает в себя распространение баллистических ракет, которое представляет собой реальную и растущую угрозу евроатлантическому региону. 3. Распространение ядерного оружия и другого оружия массового уничтожения, а также средств их доставки, угрожает непредсказуемыми последствиями глобальной стабильности и процветанию. В течение следующего десятилетия распространение будет наиболее скоротечным в некоторых самых беспокойных регионах мира. 4. Экстремистские группировки продолжают охватывать и проникать в зоны стратегической важности для Альянса, а современная технология увеличивает угрозу и потенциальное воздействие террористических атак, в особенности в случае намерений террористов приобрести ядерный, химический, биологический или радиологический потенциал. 5. Трагедия прежняя. 6. Терроризм представляет собой непосредственную угрозу безопасности гражданам стран НАТО, а также, в более широком контексте, международной безопасности и процветанию. 7. Нестабильность или конфликт за пределами границ НАТО могут непосредственно угрожать безопасности альянса, в т.ч. путем поддержки экстремизма, терроризма и транснациональной незаконной деятельности, такой, как незаконная торговля оружием, наркотиками и людьми. 8. Кибер-атаки становятся более частыми, более организованными и наносят все больший ущерб правительственным органам, предприятиям, экономикам и потенциально также путям транспортировки и поставок, а также другим объектам критически важной инфраструктуры; они могут достигать уровня, угрожающего национальному и евроатлантическому благополучию, безопасности и стабильности. Зарубежные военные структуры и специальные службы, организованные преступники, террористические или

	экстремистские группы могут быть источником такого рода атак. 9. Все государства во все большей степени зависят от жизненно важных коммуникаций, транспорта и транзитных путей, на которых основываются международная торговля, энергетическая безопасность и благополучие. Необходимы большие международные усилия для обеспечения их жизнестойкости перед нападением или дестабилизацией. 10. Зависимость некоторых государств-членов НАТО от зарубежных поставщиков энергоносителей и в некоторых случаях от зарубежных сетей поставок и распределения энергоносителей для обеспечения их нужд, в сфере энергетики будет возрастать. Так как большая часть мирового потребления транспортируется по земному шару, поставки энергоносителей во все большей степени подвергаются дестабилизации. 11. Целый ряд существенных тенденций технологического характера, включая развитие лазерного оружия, средств радиоэлектронной борьбы и технологий, препятствующих доступу в космическое пространство, очевидно, балансируют на грани оказания серьезного глобального эффекта, который окажет влияние на военное планирование и операции НАТО. 12. Ключевые ограничители, связанные с окружающей средой и ресурсами, включая риски в области здоровья, изменения климата, нехватки воды и возрастающих энергетических потребностей, будут и в дальнейшем формировать будущую среду безопасности в областях, вызывающих озабоченность НАТО, и иметь потенциал оказания существенного влияния на планирование и операции НАТО.
--	---

МЕСТО НАТО В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

1991	НАТО занимает особое положение, объясняющееся ее способностью выполнять основные функции в области безопасности.
1999	Укрепление связей с основными международными и региональными организациями (ООН, ОБСЕ, ЕС, ЗЕС) и готовность задействовать потенциал НАТО для разрешения кризисных ситуаций в целях упрочения своих позиций в новой системе евроатлантической безопасности.

2010	Она обязывает альянс предотвращать кризисы, регулировать конфликты и стабилизировать постконфликтные ситуации, включая более тесную работу с нашими международными партнерами, из которых самые важные - Организация Объединенных Наций и Европейский союз. Сотрудничество между НАТО и ООН продолжает оказывать существенный вклад в безопасность операций по всему миру. Альянс нацелен на углубление политического диалога и практического сотрудничества с ООН, как это указано в Декларации ООН-НАТО, подписанной в 2008 г., в том числе с помощью: - развития связей между двумя штаб-квартирами; - более частыми политическими консультациями; - развития практического сотрудничества в кризисном управлении, где задействованы обе организации.
------	--

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

1991	Отсутствует.
1999	Россия играет уникальную роль в системе евроатлантической безопасности. Прочное, устойчивое и долговременное партнерство между альянсом и РФ является обязательным условием обеспечения стабильности в Евроатлантическом регионе.
2010	Сотрудничество НАТО и России имеет стратегическую важность, так как оно вносит вклад в создание общего пространства мира, стабильности и безопасности. НАТО не представляет собой угрозы для России. Напротив, мы хотим истинного стратегического партнерства между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответственно, ожидая взаимности от России. Отношения НАТО и России основаны на целях, принципах и обязательствах Основополагающего акта об отношениях НАТО и России и Римской декларации о новом качестве отношений НАТО и России, особенно в том, что касается уважения демократических принципов и суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств евроатлантического региона. Несмотря на наши разногласия по ряду конкретных вопросов, мы остаемся убежденными в том, что безопасность НАТО и России взаимосвязана и сильное и конструктивное партнерство, основанное на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости может лучшим образом

	послужить нашей безопасности. Мы полны решимости, улучшать политические консультации и практическое сотрудничество с Россией в областях разделяемых нами интересов, включая ПРО, борьбу с терроризмом, наркотрафиком, пиратством и содействовать общей международной безопасности.
--	---

С ГОСУДАРСТВАМИ СНГ И ГРУЗИЕЙ

1991	Отсутствует.
1999	Украина занимает особое место в Евроатлантической системе безопасности и является важным и ценным партнером НАТО в деле укрепления стабильности и демократии. НАТО продолжает поддерживать суверенитет и независимость Украины. Ее территориальную целостность, демократический характер политического и экономического развития, а также ее безъядерный статус.
2010	Продолжение и развитие партнерства с Украиной и Грузией в рамках Комиссий Украина-НАТО и Грузия-НАТО, основываясь, на принятом в Бухарестском саммите в 2008 г. решении НАТО и учитывая евроатлантические ориентацию и стремление каждой из этих стран;

С ГОСУДАРСТВАМИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

1991	НАТО стремится поддерживать мирные и свободные от вражды отношения с государствами Южного Средиземноморья. Стабильность и мир в государствах на южной периферии Европы имеет большое значение для безопасности альянса.
1999	Средиземноморье является регионом, представляющим для НАТО особый интерес. Альянс будет углублять, и расширять диалог со средиземноморскими государствами в политической, экономической и военной областях
2010	Совет Евроатлантического партнерства и Партнерство ради мира являются ключевыми в нашем видении целой, свободной и мирной Европы. Мы твердо привержены развитию дружественных и сотруднических отношений со всеми странами Средиземноморья и надеемся и дальше развивать Средиземноморский диалог в будущем. Мы придаем огромное

	значение миру и стабильности в регионе Персидского залива и надеемся укрепить наше сотрудничество в рамках Стамбульской инициативы сотрудничества. Мы будем нацеливаться на: - облегчение Евроатлантической интеграции Западных Балкан с целью обеспечить долгий мир и стабильность, основываясь на демократических ценностях, региональном сотрудничестве и добрососедских отношениях; - углубление сотрудничества с нынешними членами Средиземноморского диалога и готовность принять в Средиземноморский диалог другие страны региона; - развитие более глубокого партнерства по вопросам безопасности с нашими партнерами в Персидском заливе и готовность принять новых членов в Стамбульскую инициативу сотрудничества.
--	---

РАСШИРЕНИЕ НАТО

1991	Отсутствует.
1999	НАТО остается открытой организацией для вступления новых членов, прием которых будет осуществляться в том случае, когда такой шаг будет отвечать политическим и стратегическим интересам стран-участниц.
2010	Расширение НАТО делает существенный вклад в безопасность Союзников; перспективы дальнейшего расширения и дух общей безопасности способствовали стабильности в Европе в широком смысле. Наша цель - целая и свободная Европа, разделяющая общие ценности, - только выиграет от возможной интеграции всех европейских стран, которые этого желают, в евроатлантические структуры. Дверь к членству в НАТО остается полностью открытой для всех европейских демократий, которые разделяют ценности нашего альянса. Которые желают и могут взять на себя ответственность и обязательства членства, и чье вступление может способствовать общей безопасности и стабильности.

ЗАДАЧИ ВС

1991	Защита мира, обеспечение безопасности, территориальной целостности и политической независимости стран-участниц.
------	---

1999	Трактовка прежняя.
2010	Основной ответственностью альянса, является защита и оборона нашей территории и наших народов от нападения, так, как это обозначено в ст. 5 Вашингтонского договора. Альянс не считает ни одну страну своим противником. Вместе с тем, никто не должен сомневаться в решимости альянса в случае угрозы безопасности кому-либо из его членов

ПРИНЦИПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРИМЕНЕНИЯ ВС

1991	1. Общая численность ОВС НАТО и их боевую готовность будут снижаться. 2. Присутствие обычных ядерных сил США в Европе остается важным фактором обеспечения Европейской безопасности. 3. Дислокация войск (сил) в мирное время должна обеспечить достаточное военное присутствие на всей территории НАТО. 4. Необходимое количество соединений частей сухопутных войск, ВВС и ВМС должно содержаться в постоянной готовности к задействованию. 5. Возможность наращивания своего военного потенциала за счет переброски войск (сил) и запасов материальных средств, в пределах Европы и Северной Америки. 6. Необходима соответствующая структура и механизмы, позволяющие быстро осуществлять переброски в целях наращивания, развертывания ВС или сокращения их численности для обеспечения своевременного реагирования на изменение обстановки. 7. Непосредственный контроль политического руководства НАТО за действиями ОВС НАТО на всех этапах урегулирования кризисных ситуаций. 8. Отсутствует. 9. Отсутствует.
1999	1. Общая численность ОВС НАТО будет сохраняться на минимально необходимом уровне, и поддерживаться в

	надлежащей степени боевой готовности. 2. Трактовка прежняя. 3. Дислокация войск (сил) в мирное время должна обеспечить достаточное военное присутствие на всей территории НАТО, включая их размещение и развертывание за пределами национальной территории и территориальных вод, и развертывание воинских контингентом там, где они будут необходимы с учетом развития военно-политической обстановки. 4. Трактовка прежняя, дополнительно: <i>для ведения военных действий в зоне ответственности блока и за ее пределами будет задействовано большее количество формирования сил, находящихся в соответствующих степенях боевой готовности.</i> 5. Трактовка прежняя. 6. Трактовка прежняя. 7. Трактовка прежняя. 8. Альянс должен располагать необходимыми силами для адекватного и эффективного реагирования на опасности, связанные с распространением ядерного, химического и биологического оружия и средства его доставки 9. ВС и инфраструктура НАТО должны быть защищены от террористических актов.
2010	1. Поддерживать способность проводить одновременно крупные совместные операции и несколько менее крупных операций для обеспечения коллективной обороны и кризисного урегулирования, включая на стратегическом удалении; 2. Развивать и поддерживать функциональные, мобильные и развертываемые обычные вооруженные силы для выполнения обязательств по ст. 5 и проведения экспедиционных операций альянса, включая силы реагирования НАТО; 3. Проводить необходимую подготовку, учения, чрезвычайное планирование и обмен информацией для обеспечения нашей обороны от полного спектра обычных и новых вызовов безопасности, и обеспечивать соответствующие видимые

	гарантии и укрепление безопасности всех союзников; 4. Обеспечивать наиболее широкое участие всех союзников в оборонном планировании по ядерным ролям, расположению ядерных сил в мирное время и в договоренностях в области управления, контроля и консультаций; 5. Развивать потенциал для защиты наших народов и территорий против нападения с применением баллистических ракет в качестве ключевого элемента нашей коллективной обороны, что будет являться вкладом в неделимую безопасность альянса. Мы будем активно стремиться к сотрудничеству по ПРО с Россией и другими евроатлантическими партнёрами; 6. Развивать далее наш потенциал по предотвращению, обнаружению и защите от нападения и восстановления после кибер-атак. Включая использование процесса планирования НАТО для улучшения и координации национальных систем кибер-защиты, обеспечив все структуры НАТО центральной кибер-защитой и лучшую интеграцию в области осведомленности об информационной защите, предупреждения и реагирования совместно с государствами-членами; 7. Улучшать потенциал обнаружения и защиты от международного терроризма, включая путем усовершенствованного анализа угрозы, расширения консультаций с нашими партнерами и развития соответствующего военного потенциала, в т.ч. содействие подготовке местных сил по самостоятельной борьбе с терроризмом; 8. Развивать потенциал по содействию и обеспечению энергетической безопасности, включая защиту критической энергетической инфраструктуры и транзитных областей и маршрутов, сотрудничество с партнерами и консультациями между союзниками на основе стратегических оценок и чрезвычайного планирования; 9. Обеспечить нахождение альянса на передовой линии в оценке влияния новых технологий на безопасность и учет потенциальных угроз в военном планировании; 10. Поддерживать необходимый уровень расходов на оборону, с тем, чтобы наши вооруженные силы были обеспечены соответствующими ресурсами; 11. Продолжить рассмотрение конфигурации сил альянса в сдерживании и обороне от полного спектра угроз альянсу, принимая во внимание эволюционирующую систему международной безопасности.
--	--

ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ

1991	1. Имеют политический характер, который состоит в сохранении мира, предотвращении насилия и развязывания войны. Играют важную роль сдерживающего фактора, лишая агрессора уверенности в безнаказанности своих действий. Будут поддерживаться на минимальном уровне, достаточном для сохранения мира и стабильности. 2. Отсутствует
1999	1. Трактовка прежняя. 2. Отказ от планирования в мирное время боевого применения ядерного оружия. В обычных условиях ядерное оружие не будет размещаться на надводных кораблях и ударных подводных лодках.
2010	1. Сдерживание, основанное на соотношении ядерных сил и конвенционных потенциалов , остается ключевым элементом нашей общей стратегии. Обстоятельства, в которых возможно применение ядерного оружия, крайне маловероятно. Пока существует ядерное оружие, НАТО будет оставаться ядерным альянсом. 2. Основной гарантией безопасности союзников являются стратегические ядерные силы альянса, в особенности те, которые принадлежат США; независимые ядерные силы Великобритании и Франции, которые обладают собственной сдерживающей ролью, вносят вклад в общее сдерживание и безопасность союзников. 3. Мы обеспечим обладание НАТО полным спектром потенциалов, необходимых для отражения и защиты против любой угрозы безопасности наших народов. Мы будем поддерживать соответствующую смешанную структуру ядерных и обычных вооруженных сил. 4. Развивать далее потенциал НАТО по обороне от угроз химического, биологического, радиологического и ядерного оружия массового уничтожения.

Таблица составлена автором

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

Применение теоремы Байеса

Пусть A – гипотеза, заключающаяся в том, что силы НАТО активно участвуют в конфликте. B – в конфликте на Ближнем Востоке активно участвуют силы третьей стороны. Тогда вероятность $P(A|B)$ – это вероятность того, что в конфликте на Ближнем Востоке НАТО примет активное участие.

Сначала оценим априорную вероятность гипотезы A . Из 23 операций НАТО (Таблица 1) в 12 их роль была активна (не морская или воздушная блокада, а оккупация территории, нанесение бомбовых ударов, участие контингента в наземных операциях) Итак, $P(A) = 0,522$

Также находим вероятность $P(B|A)$ – того, что при справедливости гипотезы A верна B . То есть при активном действии сил НАТО конфликт происходит на Ближнем Востоке. В 4 случаях из 12 активные действия НАТО велись на Ближнем Востоке. $P(B|A) = 0,333$

Наконец, оценим вероятность $P(B)$ вероятность того, что в конфликте на Ближнем Востоке активно участвуют силы третьей стороны. Для этого обратимся к Таблице 2. В списке конфликтов на Ближнем Востоке 18 событий, 9 из них - с участием третьей силы. тем самым, $P(B) = 0,5$. В этом случае получаем в итоге искомую вероятность вмешательства НАТО

Итак, искомая вероятность активного вмешательства сил НАТО в текущий конфликт в Сирии может быть оценена как $P(A|B) = 0,333 \cdot 0,522 / 0,5 = 0,347$.

Таблица 1.Список операций НАТО.

Источник: Википедия. [Электронный ресурс]URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%9D%D0%90%D0%A2%D0%9E (дата обращения: 09.10.2016)

Период	Название операции	Место проведения	Тип операции	Информация
10 августа 1990 — 9 марта 1991	Операция Якорный страж (Operation Anchor Guard)	Средиземное море, Турция	Сдерживание	Контроль НАТО за проведением операции США «Буря в пустыне» с целью недопущения расширения конфликта в зону действия Североатлантического Договора
2 января 1991 — 17 января 1991	Операция Южный страж (Operation Southern Guard)	Средиземное море, Турция	Сдерживание	Контроль НАТО за проведением операции США «Буря в пустыне» с целью недопущения расширения конфликта в зону действия

				Североатлантического Договора
3 января 1991 — 8 марта 1991	Операция Страж стражей (Operation Ace Guard)	авиабаза Диярбакыр, Диярбакыр, Турция	Сдерживание	Контроль НАТО за проведением операции США «Буря в пустыне» с целью недопущения расширения конфликта в зону действия Североатлантического Договора
16 июля 1992 — 22 ноября 1992	Операция Морской монитор (Operation Maritime Monitor)	Международные воды у берегов бывшей Республики Югославии в Адриатическом море	Морская блокада	Контроль НАТО за соблюдением введенного Советом Безопасности ООН запрета на полеты в воздушном пространстве и проверку грузов, доставляемых морским путем, в целях соблюдения режима эмбарго на территории бывшей Республики Югославии.
16 октября 1992 — 12 апреля 1993	Операция «Воздушный монитор» (Operation Sky Monitor)	Воздушное пространство бывшей Республики Югославии	Воздушная блокада	Контроль НАТО за несанкционированными полётами в воздушном пространстве над Боснией и Герцеговиной.
22 ноября 1992 — 1993	Операция «Морской страж» (Operation Maritime Guard)	Международные воды у берегов бывшей Республики Югославии в Адриатическом море	Морская блокада	Контроль НАТО за несанкционированными перемещениями в водах Адриатического моря
13 апреля 1993 — 20 декабря 1995	Операция «Запрещение полета» (Operation Deny Flight)	Воздушное пространство бывшей Республики Югославии	Воздушная блокада	Контроль НАТО за несанкционированными полётами в воздушном пространстве территории бывшей Республики Югославии.
15 июня 1993 — 2 октября 1996	Операция «Зоркий страж» (Operation Sharp Guard)	Территориальные воды бывшей Республики Югославии	Морская блокада	Контроль НАТО за несанкционированными перемещениями в водах Адриатического моря
12 июля 1993	Операция «Способный	Территория Македонии	Оккупация территории	Развертывание контингента ВС США на

- 28 февраля 1999	часовой» (Operation Able Sentry)			территории Македонии с целью их участия в Силах ООН по стабилизации положения
27 августа - 1 октября 2001	Операция «Основной урожай» (Operation Essential Harvest)	Территория Македонии	Оккупация территории	Операция НАТО по разоружению боевиков из числа этнических албанцев
30 августа — 20 сентября 1995	Операция «Обдуманная сила» (Operation Deliberate Force)	Воздушное пространство бывшей Республики Югославии	Нанесение авиационных ударов по целям на территории бывшей Республики Югославии	Снятие осады Сараево. Нанесен значительный ущерб военной инфраструктуре боснийских сербов. При поддержке НАТО боснийцы и хорваты проводят наступательные операции в Западной Боснии и на плато Озрен во время Боснийской войны
20 декабря 1995 — 20 декабря 1996	Операция «Совместные усилия» (Operation Joint Endeavour)	Босния и Герцеговина	Операция по поддержанию мира	Участие контингента ВС США общей численностью 20000 человек в деятельности IFOR
20 декабря 1996 — 20 июня 1998	Операция «Совместная стража» (Operation Joint Guard)	Босния и Герцеговина	Операция по поддержанию мира	Участие контингента ВС США общей численностью 10700 человек в деятельности IFOR
20 июня 1998 — 2 декабря 2004	Операция «Совместная кузница» (Operation Joint Forge)	Босния и Герцеговина	Операция по поддержанию мира	Участие контингента ВС США общей численностью 4250 человек в деятельности IFOR
24 марта — 10 июня 1999	Операция «Союзная сила» (Operation Allied Force)	Воздушное пространство бывшей Республики Югославии	Нанесение авиационных ударов по целям на территории бывшей Республики Югославии	Вывод Югославских войск из Косова и Метохии. Фактическое отделение Косова и Метохии. Погибло гражданских лиц свыше 1 700 человек, в том числе почти 400 детей, порядка 10 тысяч были серьезно ранены.

12 июня 1999 — н/в	KFOR (СДК — «Силы для Косово») (Operation Kosovo Force)	Косово	Операция по поддержанию мира	Создание условий безопасного пребывания в Косово
20 декабря 2001 — 28 декабря 2014	Международные силы содействия безопасности (International Security Assistance Force; ISAF)	Афганистан	Операция по поддержанию мира	Международные силы по поддержанию безопасности были созданы в соответствии с резолюцией № 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года. С августа 2003 года командование ISAF осуществляется блоком НАТО. В конце 2014 года на смену силам международной вооружённой коалиции пришла операция «Решительная поддержка». С начала проведения операции возрос наркотрафик через территории бывшего СССР.
октябрь 2008 — 14 декабря 2008	Операция «Союзный оператор» (Operation Allied Provider; Операция «Эллайд Провайдер»)	Индийский океан, Аденский залив, Аравийское море, Красное море	Военно-морская операция НАТО	За время проведения операции НАТО сопровождала суда ООН в восьми отдельных случаях и помогла осуществить безопасную поставку более 30 тысяч метрических тонн гуманитарной помощи для Сомали.
24 марта 2009 — 17 августа 2009	Операция «Союзный покровитель» (Operation Allied Protector; Операция «Эллайд Протектор»)	Индийский океан, Аденский залив, Аравийское море, Красное море	Военно-морская операция НАТО	За время проведения операции НАТО предотвратила 16 нападений из 37, захвачено около 150 подозреваемых в осуществлении пиратской деятельности
17 августа 2009 — н/в	Операция «Океанский щит» (Operation Ocean Shield)	Индийский океан, Аденский залив, Аравийское море, Красное море	Операция по поддержанию мира	Часть операции «Несокрушимая свобода» — Африканский рог против пиратства в Сомали в Аденском заливе

				и у берегов Африканского Рога, которая началась в августе 2009 года и основывается на результатах двух первых проведенных операций в этом регионе «Эллайд Провайдер» и «Эллайд Протектор».
21 марта 2011 — 31 октября 2011	Операция «Союзный защитник» (Operation Unified Protector)	Ливия	Воздушная операция стран НАТО	Свержение и убийство Муаммара Каддафи; захват силами ПНС контроля над территорией Ливии; продолжение вооружённого конфликта между различными фракциями и группировками; де-факто распад Ливии на ряд самостоятельных государственных образований; межплеменной конфликт
декабрь 2012 — н/в	Операция «Активное ограждение» (Operation Active Fence)	Турция	Противовоздушная операция стран НАТО	Размещение войсками НАТО (США, Нидерланды, Германия) зенитно-ракетных комплексов МІМ-104 «Пэтриот» для защиты от сирийских ракет.
1 января 2015 года — н/в	Операция «Решительная поддержка» (Resolute Support Mission)	Афганистан	Операция по поддержанию мира	Размещение войск НАТО численностью 12500 человек из состава 12 стран. Продолжение войны собственными Вооруженными силами Афганистана.

Таблица 2. Конфликты на Ближнем Востоке

Источник:

CenterforSystemicPeace[Электронный

ресурс]URL:<http://www.systemicpeace.org/warlist/warlist.htm> (дата обращения: 14.10.2016)

Период	Конфликт	Наличие активно действующей третьей силы
--------	----------	--

1919-2003	Ирако-Курдский конфликт (война за независимость курдских территорий в Ираке)	Турция, Франция, СССР, Иран, США
1970-2011	Конфликт в Западной Сахаре	Алжир, Ливия, Мавритания
1983-2005	Вторая гражданская война в Судане	Иран
1989-1996	Восстание курдов в Иране	нет
1992 – 2002	Гражданская война в Алжире	нет
1994	Гражданская война в Йемене	США, Саудовская Аравия, Оман –
2001 – 2002	«Черная весна» в Алжире	нет
2002 – н.в.	Конфликт в Магрибе (продолжение гражданской войны в Алжире по факту)	нет
2004	Восстание курдов в Сирии	нет
2004-2014	Восстание шиитов в Йемене	Иран, Саудовская Аравия
2004 – н.в	Ирано-курдский конфликт	нет
2006-2014	Конфликт Фатх-Хамас (Палестина)	нет
2007-2008	Вторая ливанская война	нет
2009 - 2011	Революция в Тунисе	нет
2011	Восстание в Бахрейне	Саудовская Аравия, ОАЭ
2011-2014	Революция в Египте	нет
2011 – н.в.	Гражданская война в Йемене	Арабская коалиция
2011-2013	Интифада в Судане	нет